

Б

46-9  
774



Р. Г. МУКМИНОВА

О ЧЕРКИ  
ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА  
В САМАРКАНДЕ И БУХАРЕ В XVI ВЕКЕ

Карточка цифровой копии (отсутствует в бумажном оригинале)

Мукминова Р. Х. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. // Ташкент, 1976.

ISBN

Scan

Хоттабыч

Layout

Okeybacha

<https://Ok-bacha.livejournal.com/>

OCR

rus, eng

OCR error check

No OCR error check

Note

5 75-2  
714

Книга Р. Г. Мукминовой посвящена исследованию интересной и важной проблемы — социально-экономической жизни городского населения и состоянию ремесла в Самарканде и Бухаре на одном из этапов их многовековой истории.

На основании изучения богатого фактического материала письменных, в основном рукописных, источников автор характеризует различные отрасли ремесла и виды ремесленной продукции — разнообразные ткани, металлические, керамические и другие изделия, одежду, писчую бумагу, а также показывает пути и формы их сбыта. В «Очерках» говорится о социально-экономическом положении ремесленников, подготовке учеников, о деятельности цеховых организаций в условиях труда мелких производителей.

Книга представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

6  $\frac{76-9}{774}$



Р. Г. МУКМИНОВА

Б 7043  
774

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

6 вкл.

Р.Г.МУКМИНОВА

О Ч Е Р К И  
П О И С Т О Р И И  
Р Е М Е С Л А  
В С А М А Р К А Н Д Е  
И Б У Х А Р Е  
В Х V I В Е К Е

---

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1976

9 (С 52)  
М 90

Ответственный редактор  
академик АН УзССР  
Я. Г. ГУЛЯМОВ



М  $\frac{10004-472}{555(06)-76}$  178-76

(С) Издательство «Фан» УзССР, 1976 г.

## ВВЕДЕНИЕ

История среднеазиатского города привлекала внимание еще дореволюционных исследователей. Однако подлинно научная разработка социально-экономической истории города, где происходило «смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения»<sup>1</sup>, стала возможной лишь в советское время, когда Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие перспективы для всестороннего изучения истории нашей страны.

В первые же годы Советской власти в целях развития экономики национальных республик было начато широкое изучение местного ремесленного производства. Задача, однако, была столь сложной, что, несмотря на появление отдельных исследований, проблемы развития средневекового города и ремесленного производства еще долгое время оставались наименее изученными в исторической литературе. В то время, как аграрным отношениям были посвящены десятки монографий, «вопросы периодизации истории городов, социального состава их населения, вопросы специфики их строя, существования цехов, организации торговли, социальных отношений и форм социальной борьбы,— писал в конце 40-х годов И. П. Петрушевский,— остаются неразработанными»<sup>2</sup>. Обращая внимание востоковедов-медиевистов на главные вопросы изучения истории городов Средней Азии, А. Ю. Якубовский отметил необходимость раскрыть «проблемы социально-экономического содержания городской жизни..., иначе говоря жизни людей, вопросов производительных сил и производственных отношений, т. е. классовой структуры, классовых противоречий, идеологии и т. д.»<sup>3</sup>.

Большую работу в области изучения истории среднеазиатского ремесла выполнили этнографы. При этом в своих трудах они неодно-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 224.

<sup>2</sup> И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов, СВ, V, 1948, стр. 86.

<sup>3</sup> А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии, Труды ТаджФАН, т. XXIX, 1951, стр. 4.

кратно подчеркивали необходимость исследования ремесленного производства с более ранних времен. «Как показывает опыт изучения ремесленных организаций гончаров, — пишет Е. М. Пещерова, — для того, чтобы сделать выводы относительно процесса сложения и развития городских ремесленных организаций Средней Азии вообще, необходимо прежде всего изучить ряд отдельных ремесел и их организацию, начиная с возможно самых ранних этапов их бытования»<sup>4</sup>. Другой этнограф — О. А. Сухарева, во вступительной части книги, в которой на основании изучения этнографических материалов рассматривается ремесленная промышленность Бухары конца XIX — начала XX в., высказалась за необходимость тщательного изучения средневековых письменных источников с целью выявления фактических данных о ремесле. «Специальному исследованию материалы среднеазиатских письменных источников о ремесле пока не подвергались, — писала она, — не решены многие основные вопросы городской жизни вообще, в том числе и ремесел. Не суммированы, в частности, данные о ремесле и ремесленниках, имеющиеся в актовых материалах, в которых встречаются указания на занятие ремеслом упоминаемых в актах лиц, названия кварталов, базаров или иных пунктов города, связанных с ремеслом»<sup>5</sup>.

В настоящей работе автор попытался собрать сведения, содержащиеся в письменных источниках, и путем анализа извлеченных материалов охарактеризовать ремесленное производство в Самарканде и Бухаре на одном из этапов их многовековой истории. Решению вопросов, связанных с историей городского ремесла, и пониманию специфики местного исторического процесса значительную услугу оказали исследования по истории среднеазиатского города феодального периода, основная часть которых опубликована в последние десятилетия<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Е. М. Пещерова. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX в., XXV Международный конгресс востоковедов, 1960, стр. 1.

<sup>5</sup> О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века, Ремесленная промышленность, Ташкент, 1962, стр. 11.

<sup>6</sup> Назовем основные работы: В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских, («Хлопковое дело», 1924, № 11—12), Соч., т. II, ч. I, М., 1963; Он же. История культурной жизни Туркестана, (Л., 1927), Соч., т. II, ч. I, М., 1963; В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология, Сб. «Оружейная палата», М., 1925; М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарьи). Из материалов, собранных экспедицией, бывшей в Таджикистане летом 1925 г., Ташкент, 1926; Он же. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисоля), «Этнография», кн. IV, 1927, № 2; М. Ф. Гаврилов. Тацкое искусство узбекской женщины села Милябада, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 1—2; Он же. О ремесленных цехах в Средней Азии и их статусах — рисоля, «Известия Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928; В. К. Балков. Кустарно-ремесленная промышленность Средней Азии, Ташкент, 1927; И. М. Русак. О худо-

Попытка рассмотреть ремесленное производство в двух крупнейших городах Средней Азии — Самарканде и Бухаре XVI в. в значительной степени продиктована наличием сравнительно большого числа первоисточников, извлечения из которых дали возможность рассмотреть общее состояние ремесленного производства и социально-экономическое положение мелких производителей в это столетие.

жественно-кустарной промышленности Средней Азии, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1929, № 6—7; А. М. Миرون ов. Производство хлопчатобумажной маты и набоек в Средней Азии, «Хлопковое дело», Ташкент, 1930, № 10—11; Он же. Кустарная выработка шелковых изделий в Средней Азии в прошлом и настоящем, «За реконструкцию шелководства», Ташкент, 1931, № 3—4; П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк, М.—Л., 1932; Он же. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., МИУТТ, ч. 1, Л., 1932; Он же. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, Л., 1933; Он же. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939; Он же. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии; А. А. Семенов. Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана, ЛИУ, Ташкент, 1937, № 4—5; Он же. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои, Сб. «Родоначалник узбекской литературы», Ташкент, 1940; Он же. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы, Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946; Он же. Рецепты оформления старинных восточных рукописей, Труды ТаджФАН, т. XXIX, 1951; Он же. О среднеазиатской бумаге (сорта среднеазиатской бумаги, ее производство и способы окраски), ИООН АН ТаджССР, 1963, № 1 (32); О. А. Сухарева. К истории развития самаркандской декоративной вышивки, ЛИУ, Ташкент, 1937, № 6; Она же. Художественные ткани, Сб. «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент, 1954; Она же. Набойка, Сб. «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент, 1957; Она же. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографический очерк), Ташкент, 1958; Она же. Позднефеодальный город Бухара...; Она же. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии, Л., 1970; Она же. К вопросу о литье металлов в Средней Азии, СЭС, III, Л., 1971; Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги в Узбекистане, СЭ, III, 1940, № 3; А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи, как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков, ТОВЭ, т. II, Л., 1940; Он же. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв., ТОВЭ, т. IV, Л., 1947; А. М. Беленицкий. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV веках, ТОВЭ, т. II, 1940; Он же. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., КСШМК, вып. 6, 1940; Он же. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках, Изв. ТаджФАН ССР, 1949, № 15; А. М. Беленицкий и И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелководства (К идентификации ткани «заиданечи»), СА, 1961, № 2; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973; В. А. Шишкин. Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент), Ташкент, 1943; И. П. Петрушевский. Из истории Бухары в XIII в., Уч. зап. ЛГУ, № 98, Сер. востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949; М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана, Ташкент, 1947; Он же. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953; Он же. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои, Труды САГУ вып. LXXXI, Ташкент, 1956; Он же. Столичные

Крупными ремесленными и торговыми центрами Средней Азии этого времени были и другие города: Ташкент, Андижан, Шахрисабз, Ходжент, Ура-Тюбе, Карши, входившие в состав государства Шейбанидов. Даже в таком сравнительно небольшом населенном пункте, как Гиждуван, были не только рынки, предназначавшиеся для торговли

---

города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965—1966), Ташкент, 1973; Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. (Заметки о Ходже-Ахраре), Сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948; Е. М. Пещерева. Из истории цеховых организаций в Средней Азии, КСИЭ, VI, 1949; Она же. Бухарские золотощей, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVI, 1955; Она же. Гончарное производство в Средней Азии, М.—Л., 1959; Она же. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX—начале XX в., КСИЭ, XXXIII, М., 1960; Г. А. Пугаченков а. Самаркандская керамика XV века, Труды САГУ, вып. XIV, Ташкент, 1950; Она же. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр, Труды САГУ, вып. LXXXI, Ташкент, 1956; Г. А. Пугаченков а, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана, М., 1965; Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии, ИООН АН ТаджССР, вып. IV, 1953; Он же. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии, Труды АН ТаджССР, т. XXVII, 1954; Н. Т. Ершов. Ремесло таджиков Дарваза, ИООН АН ТаджССР, № 10—11, 1956; Е. А. Давидович. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.). Материалы II Совещания археологов и этнографов Средней Азии, 29 октября—4 ноября 1956 г., Сталинабад, М.—Л., Она же. Средневековое оконное стекло из Таджикистана, ДАН ТаджССР, 1958, № 7; Она же. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в., ИООН АН ТаджССР, I (24), 1961; Она же. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии (К постановке вопроса), НАА, 1965, № 6; М. А. Абдураимов. К изучению истории социально-экономической жизни государства Тимуридов, Сб. «Из истории развития общественно-экономической мысли Узбекистана в XV—XVI вв.», Ташкент, 1960; М. Ю. Юлдашев. К вопросу о ремесленном производстве в Бухарском ханстве в XVI—XVII веках, ОНУ, 1961, № 4; Р. Г. Мукминова. К истории производства самаркандской бумаги в XVI в., ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964; Она же. К характеристике самаркандских тканей, ОНУ, 1970, № 9; Она же. Ремесленные корпорации и ученичество (по среднеазиатским письменным источникам XVI и XIX вв.), Сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1973; Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в., Ташкент, 1967; История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969; И. М. Джабаров. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк), СЭС, III, Л., 1971; С. М. Махкамова. Бекасам, Ташкент, 1971; Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972; Н. О. Турсунов. Из истории ремесленных цехов Средней Азии, СЭ, 1972, № 1; Он же. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана, Душанбе, 1974; Т. А. Абдуллаев. Художественные металлические изделия Самарканда, Сб. «Из истории искусства великого города», Ташкент, 1972; Он же. XIX—XX асрларда ўзбек қандакорлиги, Тошкент, 1974; Э. В. Сайко. Становление города как производительного центра (Формирование экономической основы — ремесла. Средняя Азия), Душанбе, 1973; Sigrid Westphal-Hellbusch, Ilse Bruns. Metallgefasse aus Buchara, Museum für Völkerkunde, Berlin.

определенным видом товаров, но и специализированные кварталы мастеров (например, керамической посуды), а в Шахрухие — стеклодувные мастерские. Однако, имеющиеся в нашем распоряжении данные письменных источников позволяют сделать некоторые выводы о состоянии ремесла лишь в Бухаре и Самарканде указанного времени.

В целом даже относительно этих городов источники XVI в. отличаются скудостью сведений о производительной деятельности горожан. Очень часто это лишь косвенные данные или случайные упоминания, включенные в многословные описания разнообразных, в основном политических, событий. Значительно больше материалов заключено в документах. Но и здесь нет данных, в частности для суждения о том, какие изменения произошли в ремесле и различных феодальных институтах XVI в., чем ремесло этого периода отличалось от предыдущего и последующих периодов, чему равнялся дневной заработок среднего ремесленника и многого другого.

Ремесло среднеазиатских городов имеет многовековые традиции, изделия мастеров на протяжении многих десятилетий, а порой и столетий, могли не изменять форму, вид, материал и т. д. Мастера обычно не ставили подпись на своих изделиях, нет на них и даты. Этим можно объяснить слабую представленность в экспозициях музеев предметов, относящихся именно к XVI в. Речь идет не о том, что этих предметов недостаточно, а о том, что не уточнено время и место их изготовления.

Ремесленники находились на учете городских властей; существуют косвенные свидетельства о наличии списков горожан-налогоплательщиков. Однако статистический материал о налогообложении в источниках отсутствует.

Некоторые сведения, касающиеся городских ремесленников и характера производства, единичны и позволяют привлекать их лишь как иллюстративный материал. В силу всего этого «Очерки» охватывают далеко не все вопросы, связанные с проблемами развития ремесла среднеазиатского города указанного периода.

И все же анализ извлечений из первоисточников позволяет перечислить ведущие отрасли ремесла в Самарканде и Бухаре, охарактеризовать отдельные их стороны; отметить характерные черты ремесленных мастерских (бумагоделательных и чугунолитейной), дать картину классовой дифференциации внутри самих ремесленников и подчеркнуть тот контраст, который существовал между трудовым человеком и феодалами, а порой даже наглядно представить конкретный образ униженного ремесленника, задолжавшего купцу-скупщику и, согласно специальному судебному решению, обязанного выполнить все, что он прикажет. Первоисточники позволяют также составить довольно обширный список податных сборов, взимавшихся с ремесленного и тесно связанного с ним торгового населения.

Большое методологическое значение при изучении поставленной проблемы имели для нас труды К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых дается теоретическая разработка проблем ремесла и его роли в истории феодального города. Не менее важно для разрабатываемой темы значение произведений В. И. Ленина, особенно его книги «Развитие капитализма в России», в которой Ленин рассмотрел и вопрос о примитивных формах промышленности, в частности, домашнюю промышленность, а также отметил, что ремесло было необходимой составной частью городского быта.

Среднеазиатские города развивались не изолированно и в этом плане определенный интерес представляют исследования по истории ремесла в России и в сопредельных со Средней Азией странах<sup>7</sup>.

В исследовании не затрагиваются вопросы техники и технологии производства, ибо разрешение этих вопросов, являющихся темой самостоятельного исследования, требует привлечения другого круга источников.

Транслитерация по тексту по техническим условиям не дана и обозначается только в указателе терминов.

Автор выражает глубокую благодарность за ценные замечания и советы при работе над рукописью настоящей монографии своему учителю доктору исторических наук, профессору И. П. Петрушевскому, академику АН УзССР Я. Г. Гулямову, доктору исторических наук О. А. Сухаревой и доктору исторических наук Е. М. Пещеревой. При переписке текстов и составлении указателей помогала М. Ю. Усманова, в составлении указателей принимала участие М. Усанова, которым автор также глубоко признателен.

---

<sup>7</sup> Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, [М.], 1968; И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов; Он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., 1960; Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье; Сб. «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», Материалы обсуждения, М., 1962; Э. П. Стужина. Китайское ремесло в XVI—XVIII вв., М., 1970; Hans E. Wulff. The Traditional crafts of Persia, Cambridge, Massachusetts, and London, 1966.

## ИСТОЧНИКИ

Предлагаемые вниманию читателей «Очерки» основаны на анализе материалов, извлеченных из письменных источников, принадлежащих перу историков, литераторов, поэтов, писцов-секретарей, живших в основном на территории Средней Азии, перу тех, кто создал, как отметил В. В. Бартольд, историческую литературу, которая в XVI в. «по качеству и количеству стояла даже выше, чем в прежние века». В этот период продолжались «также работы по созданию переводной и подражательной литературы на турецком (узбекском — Р. М.) языке, в том числе и исторической»<sup>1</sup>.

В круг изучавшихся нами источников входят разного вида документы, исторические сочинения, мемуары, дневники путешественников, хроники и другие произведения авторов периода правления Шейбанидов, ценность которых с точки зрения изучаемого вопроса разнозначна.

Несмотря на плодотворную работу востоковедов, издавших целый ряд чрезвычайно интересных среднеазиатских письменных памятников, в том числе и относящихся к рассматриваемому времени, многие из источников XVI в. все еще остаются в виде рукописей. Есть среди них и такие, которые известны лишь в единственном экземпляре, а значение их для истории велико.

Некоторые из использованных письменных источников вводятся в научный оборот впервые.

Язык основных источников — староузбекский и персидско-таджикский.

**Документальные источники.** Наиболее богат конкретными фактами актовый материал. История государства Шейбанидов в этом отношении выгодно отличается как от соседних стран, например, Ирана средних веков, где, как отметил И. П. Петрушевский, наблюдается недостаток документальных источников<sup>2</sup>, так и от Средней Азии периода правле-

<sup>1</sup> В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 269.

<sup>2</sup> И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 12.

ния Тимуридов и Аштарханидов. В отличие от многих исторических сочинений повествовательного характера, заключающих в себе сведения преимущественно по политической истории, привлеченные нами документы дают материал, помогающий осветить некоторые стороны социально-экономической жизни городского населения, организации ремесленников, положения последних, а также другие моменты хозяйственной истории трудового населения города, имеющие важное значение для разрешения проблем, связанных с ремесленным производством.

Важнейший источник для изучения социально-экономической истории города — рукопись «Маджму'а-йи васайк»<sup>3</sup>. Она включает свыше семисот решений, составленных в канцелярии самаркандского казия в самом конце XVI в. До настоящего времени эта книга остается неизданной, хотя она известна в единственном экземпляре. Лишь небольшое число документов (меньше одной десятой) из «Маджму'а-йи васайк» было опубликовано в виде книги под названием «Казийские документы XVI века». Издание сопровождается небольшим введением, в котором приводится краткая характеристика документов «нотариального и судебного порядка», данная некогда В. Л. Вяткиным, приобретшим рукопись<sup>4</sup>. В настоящее время даже это издание, страдающее рядом неточностей<sup>5</sup>, является библиографической редкостью.

Хронологически казийские решения охватывают 997—1000 г. х. (1588—1591 гг.), всего четыре года. Сюда включен также документ о создании обеленного имения, датированный 1556 г.

Большая часть казийских документов относится к Самарканду и лишь сравнительно небольшое число их — к Самаркандской области. Однако некоторые выводы, сделанные нами на основании изучения документов, можно отнести и к другому крупному центру ремесла и торговли государства Шейбанидов — Бухаре. Общий консерватизм и традиционализм приемов в ремесленном производстве дают право расширить хронологические рамки и использовать казийские документы для характеристики социально-экономической жизни страны в более ранние десятилетия XVI столетия, равно как и к началу следующего века.

Большая часть документов из «Маджму'а-йи васайк» представляет значительный интерес для исследуемой темы. В актах приводится масса конкретного материала, позволяющего говорить о положении ремесленников, о ремесленных мастерских, торговых лавках, специализированных базарах, о видах ремесел, установить наименования ремесленных кварталов, названных в связи с определением местонахождения

<sup>3</sup> Маджму'а-йи васайк, рип. ИВ АН УзССР, № 1386.

<sup>4</sup> Казийские документы XVI века, Ташкент, 1937.

<sup>5</sup> См. текст и перевод документов № 24, 34, 35, 58.

рассматриваемого в юридическом решении объекта, и т. д. Из «Маджму'а-йи васайк» мы узнаем о наименованиях изготовлявшихся и реализовавшихся в Самарканде тканей, ткацких изделий, кожи, изделий из металла, порой даже их вес, а в некоторых случаях цену на них. Здесь мы находим подробные сведения об учениках-шагиридах, поступление которых на обучение к мастеру сопровождалось заключением соглашения между близкими ученика (в отдельных случаях самим учеником) и мастером и фиксировалось судебным учреждением. Интересны для нас и те места из казийских решений, исследование которых позволяет выяснить правовое положение ремесленного населения города, увидеть картину социального расслоения в среде мелких производителей.

Очень интересны документы, составленные для получения денежной ссуды не только отдельными мастерами, но и группой ремесленников, надо полагать, принадлежавших к одной корпорации. Здесь же имеются соглашения, заключенные при получении денежной ссуды, между отдельными ремесленниками и торгово-ростовщическими элементами города, а также решения о закладе мастерских и аренде их непосредственными производителями.

Все это выгодно отличает данную книгу от других письменных источников рассматриваемого времени. Однако при работе над рукописью нужно иметь в виду, что казии старались затушевать тяжелое правовое и экономическое положение трудового населения. Поэтому казийские решения, как и все другие источники периода феодализма, требуют критического подхода к материалам, заключенным в них.

Другой важнейший документальный источник — собрание ярлыков (нишанов), приведенное в «Мактубат ва аснад»<sup>6</sup>. Здесь представлены копии официальных документов и частных писем, а также образцов-трафаретов для их составления<sup>7</sup>. В. В. Бартольд, который в 1902 г. доставил рукопись в Азиатский Музей, назвал ее «Маншурат»<sup>8</sup>; П. П. Иванов определил упомянутый сборник разных документов как «Инша»<sup>9</sup>; в каталоге персидских и таджикских рукописей Ленинградского Отделения Института Востоковедения АН СССР (где хранится рукопись) она причислена к группе, условно поименованной «Письма. Акты» — «Мактубат ва аснад» (مکتوبات و اسناد). Мы придерживаемся последнего наименования.

Кроме В. В. Бартольда и П. П. Иванова «Мактубат ва аснад» привлек внимание А. М. Беленицкого, который подробно рассмотрел два

<sup>6</sup> Мактубат ва аснад, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № А-210.

<sup>7</sup> Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР (Краткий алфавитный каталог), ч. I, М., 1964, № 4246.

<sup>8</sup> В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВОРАО, т. XV, стр. 219.

<sup>9</sup> П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов.

указа, выданные старшине цеха мастеров палаток и начальнику оружейной палаты<sup>10</sup>.

В собрании нишанов представлено большое число копий документов и формуляров, исходивших, как правило, от феодального правителя и охватывающих разные стороны хозяйственного и социального строя Мавераннахра и Хорасана XV—XVI вв. Те нишаны, которые имеют отношение к настоящему исследованию, широко использованы в работе, часть из них впервые вводится в научный оборот. Изучение нишанов и маншуров показывает, что они были скопированы для использования в качестве образцов, поэтому упоминание конкретных деталей (имени — кому предназначался документ и кем он был издан, а также даты и места составления) не имело практического значения и обычно опускалось.

Рукопись «Мактубат ва аснад» не имеет начала и конца. На первых сохранившихся листах упоминается имя Алишера Навои, который называется «опорой государства». Поэт обращается к государю с просьбой вернуть из Мекки некоего Хафиза Гиясиддина Мухаммеда и получает на то разрешение повелителя, которым, как видно из содержания, является Султан Хусейн Байкара (1469—1507 гг.). К правлению этого Тимурида относятся и те указы, в которых упоминаются имена Баднуззамана, Мухаммед Мумина, Низамульмулька, как и названия отдельных городов Хорасана. Имя Мир Алишера встречается и на других страницах сборника, а также в конце рукописи<sup>11</sup>.

Некоторые нишаны подобраны по тематике. В одном месте помещены указы о назначении на должность казия, в других — решения о мухтасибях, начальниках ночных сторожей (падишах-и миршаб, миршаб) уборщиках (сторожах при гробницах) (фарраш) и т. д. Однако такой подбор сделан относительно очень небольшого числа документов. Указы о назначении на те же должности разбросаны и в других местах рукописи. Имеются также нишаны о назначении начальника строителей, начальника музыкантов, а также разных чиновников в Ташкенте, Ура-Тюбе и Андижане.

Включение в собрание копий документов производилось без соблюдения хронологических рамок. Пример тому — упомянутые выше копии писем и документов, связанных с именем Алишера Навои.

Один из нишанов был издан с целью предоставления «сыпу Абдулазиз Баходур-хану» на правах дарбаста города Мешхед, «где располагается могила имама Ризы»<sup>12</sup>. Отсюда можно заключить, что данный указ был оглашен от имени Шейбанида Убайдулла-хана (1533—

<sup>10</sup> А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв.

<sup>11</sup> Мактубат ва аснад. л. 18а, 22а, 23б, 24б, 208б.

<sup>12</sup> Там же, л. 85а—85б.

1539гг.), при котором был временно завоеван Мешхед, и сын которого Абдулазиз-хан, наследовал ему.

В серии рассматриваемых указов есть нишан, где говорится о назначении даругой Бухарского тумана Комот Мухаммеда Яр Султана, в других копиях документов приводятся данные о должностных лицах, находившихся в Кеше, Джизаке, как и иные сведения, позволяющие уточнить место и время их составления. Таким образом, работа над каждым указом требует детального изучения с тем, чтобы попытаться определить место и время их издания, отождествить тех, имена которых изредка встречаются в копиях, с конкретными лицами.

Однако среди указов есть и такие, которые не имеют данных, позволяющих установить время и место их издания. К таким, например, относится чрезвычайно ценный по содержанию указ, выданный на имя старшины цеха ткачей.

В целом серия рассматриваемых копий указов и писем составлена в период, начиная от времени султана Шахруха и кончая последними Шейбанидами, т. е. в XV—XVI вв. Территориально они охватывают земли, подвластные Тимуридам и Шейбанидам. Если даже предположить, что некоторые из них относятся не к среднеазиатским, а хорасанским городам, то и тогда они вполне могут быть использованы для характеристики социальной и экономической истории среднеазиатских центров ремесла и торговли, поскольку Хорасан и Средняя Азия до конца XV в. были тесно связаны между собой в экономическом и политическом отношениях. Часть же нишанов из собрания «Мактубат ва аснад», безусловно, относится к территории государства Шейбанидов.

Особенно большой интерес представляют сведения из «Мактубат ва аснад» об обязанностях мастеров придерживаться установленных норм и о контроле государства над ремесленным производством, например, о фиксации специальным лицом привозимой в столицу шелковой пряжи, о необходимости взвешивать ее и вносить за право реализации определенную плату. Мы узнаем, что специальное лицо следило за рыночными ценами, а анализ указов о предоставлении льгот особым лицам из привилегированных купцов позволяет составить перечень пошлин, взимаемых с рядовых торговцев.

В сборник включены и другие фактические данные, не имеющие прямого отношения к рассматриваемым проблемам, но представляющие определенный интерес, например, сведения о назначении главного палача.

Рукопись «Мактубат ва аснад» — ценный памятник. Масса сведений из этого сборника, как правило, отсутствующих в других источниках, раскрывает перед нами политическое и экономическое положение торгово-ремесленного населения города, помогает выявить терминологию

гию налоговых сборов с ремесла и торговли, роль и обязанности старшины ремесленных корпораций.

Большинство нишанов написано на таджикском языке, и лишь небольшая их часть составлена на староузбекском. Примечательно, что в одном из указов предписывается не прикладывать печать на распоряжения, переведенные с фарси (персидского) на узбекский язык.

Отдельные места рукописи читаются крайне трудно, особенно слова в конце строк, написанные без обозначения диакритических знаков — точек и ташдидов. Это обстоятельство, как и обилие в текстах словесных украшений, доставляет значительные трудности исследователю.

«Мактубат ва аснад» известен в единственном экземпляре, поэтому восстановить отсутствующие листы (в начале и в конце книги) и сопоставить утраченные места текста, к сожалению, пока не с чем.

Важные сведения о ремесленных корпорациях заключены в нескольких документах, внесенных в книгу Зайниддина Васифи «Бадаи'ал-вакаи'». Общность содержания сближает их с нишанами и маншурами из сборника «Мактубат ва аснад». Грамота ( *نشانی* ) на пожалование должности главного портного удела Шахрухия мастеру Хусейну Портному, а также грамота ( *منشور* ) Науруз Ахмед-хана о пожаловании доходов с рудников и земель йабис в Ташкентском вилаете<sup>13</sup>, включенные в мемуары Васифи, помогают установить, что власть главы корпорации ремесленников распространялась на мастеров не только города, но и области, а также отметить, что полезные ископаемые в государстве Шейбанидов, как и другие виды недвижимостей, находились в распоряжении феодальных властей и землевладельческой знати.

В двух содержательных исследованиях, посвященных произведению Зайниддина Васифи, А. Н. Болдырев приводит текст указанных грамот и отмечает общность языка и структуры их, а также то, что основные элементы построения подобных документов в Хорасане конца XV в. и в Мавераннахре первой четверти XVI в. «были одинаковы для феодальных кругов как Герата, так и Средней Азии»<sup>14</sup>. Анализ рассмотренных нами указов из серии включенных в сборник «Мактубат ва аснад» подтверждает верность вывода А. Н. Болдырева и позволяет распространить его на серию нишанов и маншуров из этого сборника.

В мемуарах Васифи приводятся также тексты писем. В одном из них, адресованном некоему Ходже Мирам, говорится о разделении производственного процесса между мастерами-медниками, изготовляв-

<sup>13</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи'ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, М., 1961, т. I, стр. 695—697; т. II, стр. 1332.

<sup>14</sup> А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества., стр. 415; Он же. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи., стр. 268.

шими и отделявавшими посуду. Право ограничения сферы деятельности указанных специалистов-медников, как видно из текста письма, зависело от упомянутого Ходжи Мирама<sup>15</sup>.

Большой и интересный материал о ремесле и торговле в Бухаре XVI в. заключен в сборнике документов джуйбарских шейхов. В отличие от рассмотренных выше актов они изданы полностью. Тексты документов напечатаны в 1938 г. под названием «Из архива шейхов Джуйбари»<sup>16</sup>, переводы опубликованы позже в книге П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов». Публикация сопровождается ценной исследовательской частью<sup>17</sup>, в которой П. П. Иванов, анализируя документы, отметил, «что сам по себе факт сочетания в руках одного и того же лица значительной земельной собственности и торговых предприятий представляет значительный интерес с точки зрения изучения взаимоотношений между крупным феодальным землевладением и торгово-ростовщической верхушкой города, объединившимися в данной исторической обстановке. Как показывают документы, нередко в одном и том же лице мы видим местного феодала и в то же время участника крупной торговли или ростовщика»<sup>18</sup>.

Следует оговорить, что кроме документов, вошедших в указанный сборник, в настоящее время известны и другие акты, связанные с захватнической деятельностью джуйбарских шейхов. Среди них купчие на недвижимость, приобретенную названными шейхами<sup>19</sup>, копия жалованной грамоты, освобождающая от обложения земли, принадлежавшие шейхам, и другие<sup>20</sup>.

Большая часть документов архива шейхов Джуйбари, хронологически охватывающих период 1544—1578 гг., является актами, составленными в связи с покупкой джуйбарскими ходжами земель, торговых лавок, ремесленных мастерских, мельниц, маслобоен и другого вида имущества. В связи с этим, наряду с большим количеством данных, характеризующих землевладение джуйбарских шейхов, в хозяйственных документах имеется интересный фактический материал о торгово-ремесленных заведениях Бухары рассматриваемого периода.

<sup>15</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ал-вакаи', т. I, стр. 108.

<sup>16</sup> Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в., М.—Л., 1938.

<sup>17</sup> См.: Р. Г. Мукминова. [рец. на] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., ВИ, 1954, № 11; Е. А. Давидович. [рец. на] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., СЭ, 1955, № 3.

<sup>18</sup> П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 42.

<sup>19</sup> ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1706, л. 3.

<sup>20</sup> Мактубат ва аснад, л. 183а.

При описании границ объектов купли-продажи в документах упоминаются лавки и мастерские ремесленников, места их расположения, а также владельцы жилых домов в Бухаре, часть которых, судя по определению, добавленному к собственным именам, являлась мастерами, специализировавшимися на выделке тех или иных изделий. Это помогает выявить названия рынков и кварталов, в том числе и специализированных, располагавшихся на территории Бухары. Ценность хозяйственных документов из архива шейхов Джуйбари заключается особенно в том, что они освещают ремесло и торговлю Бухары, в то время как значительное число уже рассмотренных выше источников относится к Самарканду. Материалы архива дополняют и подтверждают данные из других документальных источников в той части, где идет речь о социальном расслоении в ремесленной среде.

Архив джуйбарских шейхов достаточно хорошо известен исследователям истории средневековой Средней Азии, в первую очередь благодаря работам П. П. Иванова. Использовались они и другими специалистами, особенно Е. А. Давидович, поэтому мы ограничиваемся лишь кратким анализом этих документов.

Для разработки истории развития городского ремесла указанного периода привлекались также вакфные грамоты, в том числе грамоты в пользу двух самаркандских медресе, строительство которых было последовательно осуществлено в начале XVI столетия Мухаммедом Шейбани-ханом, его старшим сыном Мухаммедом Тимур Султаном, и женой последнего Михр-Султан-ханум, от имени которой и была составлена дарственная грамота<sup>21</sup>. В связи с передачей в вакф движимого и недвижимого имущества, в состав которых входят торговые лавки, ремесленные мастерские, базарные ряды, бани, склады, мельницы, селения, множество земельных участков и другие объекты с подробным описанием их границ, в данную вакфную грамоту включен значительный материал, анализ которого позволяет судить о состоянии ремесленного производства и внутригородской торговли в столице первых Шейбанидов. Здесь мы находим названия специализированных базаров, производственных помещений, улиц, терминологию для обозначения рынков («базар», «сук», «тим», «тимча») и многое другое.

В грамоте упоминается 82 различных дукана (мастерские и торговые лавки), в числе которых гончарные, свечные, ковочные, токарные, бакалейные и мясные, а также красильни, прачечные, маслобойни и много иных. Здесь имеется свидетельство о размерах некоторых из самаркандских дуканов.

---

<sup>21</sup> Вакф-наме-и хазрати Шейбани-хан, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-670. Подробнее см.: Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме», Ташкент, 1966, стр. 9—25.

Анализ материалов о домовладельцах, упоминающихся в грамоте, позволяет говорить о специализации той части городского населения, которая проживала рядом с базарами, а данные о бумагоделательных мастерских, о доставке бумаги из вакфных мастерских на самаркандские рынки, в то время как нужды самого вакфного учреждения удовлетворялись путем приобретения бумаги с базара, позволяют судить как об уровне бумажного производства, так и о степени товарности в данной отрасли ремесла.

В той части вакфной грамоты, где речь идет об условиях пользования вакфным хозяйством и распределении доходов вакфного учреждения, имеются некоторые подробности, позволяющие выявить разные категории ремесленников. Определенный интерес представляет упоминание о чугунных котлах, разных сортах вин, названиях местных блюд, покупке мыла и др.

В 1974 г. опубликованы критический текст и перевод самаркандских документов XV—XVI вв. о владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане<sup>22</sup>. Во введении и примечаниях к тексту документов на анализе материалов, извлеченных из публикуемых актов, и сопоставлении их с показаниями других письменных источников, издатель О. Д. Чехович раскрывает содержание отдельных терминов, географических и историко-топографических названий, уточняет биографические данные. Особый интерес для нас представляют те из актов, в которых содержится терминология, использованная для обозначения профессий мастеров, и редко встречающиеся названия специализированных базаров в Самарканде (медников, серповщиков).

В вакфном документе 1489 г. упоминаются орудия земледельческого труда (кетмень, лопата), а также котлы, в том числе чугунный котел для литья свеч, кувшины, блюда и миски, что значительно расширяет список бытовавших в среднеазиатских городах ремесленных изделий. В том же документе называются земли Чуйанчийан (чугунщиков), что представляет большой интерес для истории чугунолитейного дела в Средней Азии.

Изучение актов показывает, что многие земельные участки были приобретены Ходжа Ахраром у мелких землевладельцев и ремесленников, что способствовало переходу последних в число зависимых от него людей.

Значительный интерес представляет также указ Абдуллатиф-хана от 1543 г., где приводятся названия палатов, от которых освобождался потомок Ходжи Ахрара, и которые, надо полагать, обязано было платить рядовое население Самаркандского вилаята.

<sup>22</sup> Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане), Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания, указатели О. Д. Чехович, М., 1974.

Некоторый интерес для нас представляет неопубликованная вакфная грамота, составленная от имени Хусейна Хорезми. Единственная известная рукопись этой грамоты хранится в Центральном Государственном архиве УзССР<sup>23</sup>. Здесь, кроме наименования торговых лавок, ремесленных мастерских и других производственных помещений в Самарканде и его округе, упоминаются также предметы домашнего обихода. Надо полагать, изготовленные руками местных мастеров. Небезынтересно отметить применение в быту горожан таких предметов, как ложка (кошик — قاشق) и солонка — небольшой глиняный горшочек с одной ручкой для соляного раствора (намакдон — نمکدان), а также упоминание деталей одежды.

В рассматриваемом источнике имеются сведения о карбасном зар'е — «зар'и карбас города Самарканда», который, как явствует из контекста, использовался для измерения не только карбаса, но и других тканей, например тафты (يگ دستار نافتد پلج ذرعى يزرع كرىلس) (بلده سمرقند)

Мера длины зар' (ذرع) — «локоть», встречающаяся в другой вакфной грамоте, составленной во второй половине XV в. в Самарканде, использована для определения размеров (длины и ширины) ковров. В. Л. Вяткин приравнивает зар' к аршину (71,12 см)<sup>24</sup>. В. Хинц приводит в своей работе различные виды зар', и в числе их «зира' ал-кирбас» — «египетский локоть для измерения белого холста», равный 54,04 см<sup>25</sup>.

«Зар'-и карбас города Самарканда» из вакфной грамоты Хусейна Хорезми, по-видимому, является разновидностью зар'. Его размер пока не установлен. В том же документе Хусейна Хорезми дается определение размера большого самаркандского маинна<sup>26</sup>. Подобные материалы по метрологии средневековой Средней Азии повышают ценность вакфной грамоты Хусейна Хорезми.

Сведения названных вакфных грамот позволяют заключить, что экономическая и политическая мощь представителей династии Шейбанидов, их приближенных и вообще духовных и светских феодалов базировалась не только на землевладении и скотоводстве, но и на эксплуатации предприятий торгово-ремесленного характера: мастерских, торговых лавок, красилен, мельниц, маслобоек, базаров и т. п.

<sup>23</sup> Вакфная грамота Хусейна Хорезми, ЦГА УзССР, ф. И-323, д. 1412.

<sup>24</sup> В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, Сб. «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, рис. 37, текст, стр. 125, перевод.

<sup>25</sup> В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; Е. А. Давидович. Материалы по метрологии Средней Азии, М., 1970, стр. 64, 68, 80.

<sup>26</sup> Подробнее см.: Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 34.

Значительный материал бытового характера заключен еще в одном вакфном документе — дарственной грамоте в пользу мавзолея Ишрат-хана, составленной в 868 г. х. (1463/64 гг.), — факсимильное издание которого, перевод текста и историческое исследование были выполнены В. Л. Вяткиным<sup>27</sup>. Здесь имеется масса данных о разных видах тканей и ковров, с указанием их расцветок и размеров, о медной и бронзовой посуде, разных светильниках, медном мангале с железными ножками. Предметы, передаваемые в вакф, подлежали подробному описанию во избежание их замены и поэтому из данной грамоты можно узнать о разных видах вышивок, каждая из которых имела свое название, о расцветках скатертей и других предметах, выполненных руками народных мастеров, но украшавших аристократические дома.

Определенный интерес представляют также письма и грамоты среднеазиатских послов, которые в конце XVI—XVII в. были выданы бухарскими и ургенческими (хивинскими) государями на право свободного вывоза и освобождения от пошлин товаров и «поминков», посылаемых русскому царю в Москву<sup>28</sup>, откуда снаряжались ответные посольства с соответствующими подношениями. Послы имели и свои товары, которыми вели бойкую торговлю, успешно используя свое привилегированное положение. Ассортимент ремесленных изделий, входивших в поминки, как и товары послов, обычно заносился в грамоты с точным указанием их количества, а иногда и стоимости. Отсюда мы узнаем, что хлопчатобумажные и шелковые ткани и изделия из них были обычными товарами, отправляемыми в Московское государство. В посольских грамотах, письмах, приказах, челобитных, проезжих и другого рода грамотах почти с исчерпывающей полнотой представлены названия товаров, вывозимых из среднеазиатских ханств, что позволяет определить экспортную продукцию ремесла как и перечень предметов, ввозившихся в Среднюю Азию из Московского государства. В списке последних не только товары, удовлетворяющие запросы хана, его семьи, двора и аристократической верхушки, но и материал для изготовления ремесленных изделий.

Дополнительным документальным материалом для нашей работы служили отдельные сведения, имеющиеся в ярлыках, выданных местными правителями на имя карасканских сеидов Андижанской области<sup>29</sup>. Так, в документе, выданном в 1008 г. х. (1599/1600 гг.) в числе других податей и повинностей упоминаются сборы с хлопка «гуза-пули», а в другом ярлыке из той же серии — сборы «пилла» (коконы), как

<sup>27</sup> В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана.

<sup>28</sup> Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв., МИУТТ, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв., Л., 1932.

<sup>29</sup> Сборник ярлыков, ркп. ИВ АН УзССР, № 1644.

можно заключить из содержания документа, взимавшиеся с хозяйств, где разводились шелковичные черви. Подобные факты помогают уточнить районы возделывания хлопка и разведения шелковичных червей в отдельных местностях Андижанской области. В сочетании с данными других источников они позволяют говорить о наличии в этот период, как и в прежние века, местной сырьевой базы для развития ткацкого—хлопчатобумажного и шелкового, производства.

Все ярлыки из указанного сборника переведены на узбекский язык<sup>30</sup>; часть их опубликована в факсимильном воспроизведении<sup>31</sup>.

К сказанному можно добавить, что наименования податных сборов, взимавшихся с «подданных прославленного города Бухары», имеются также в фирмане (1541 г.) Абдулазиз-хана, выбитом на плите портала Большой соборной мечети Бухары<sup>32</sup>.

К числу использованных источников можно причислить и другие документы. На них мы будем ссылаться в процессе изложения.

**Исторические и литературные произведения.** В круг привлеченных нами сочинений авторов конца XV—XVI в. входят разнообразные виды памятников — исторические сочинения, мемуары, стихотворные хроники и поэмы, дневники путешественников. Многие из них опубликованы, некоторые переведены на русский и европейские языки, часть — все еще доступна лишь в рукописях.

Среди письменных источников особый интерес для исследователей представляет «Бабур-наме» («Записки Бабура») — один из замечательнейших памятников истории и литературы на узбекском языке. Богатый разнообразным материалом, он привлек внимание многих историков и лингвистов, несколько раз публиковался в оригинале, наиболее ценным из которых пока остается факсимильное издание, выполненное Аннетой Беверидж в 1905 г.<sup>33</sup>

Положительным явлением в области востоковедческой науки было издание текста «Бабур-наме» на основе русской графики и публикация полного перевода «Записок» на русский язык<sup>34</sup>.

Произведение Захириддина Бабура слишком хорошо известно, чтобы останавливаться на нем более подробно, отметим только несколько

---

<sup>30</sup> А. Жувоимардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир, Тошкент, 1965.

<sup>31</sup> Р. Н. Набиев. Источники по истории крепостного права в Средней Азии. Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964; см. также: А. Жувоимардиев. Цит. работа. Дальше при ссылке на изданные документы: Хужжатлар.

<sup>32</sup> В. А. Шишкин. Фирман 1541 г. на портале Большой соборной мечети Бухары, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964.

<sup>33</sup> The Babar-nama, Sibb Memorial, series, 1, ed A. S. Beveridge, London, 1905.

<sup>34</sup> Захириддин Мухаммад Бобир. Бобирнома, 1—II-кисм, Тошкент, 1948—1949; Захириддин Мухаммад Бобир. Бобирнома, Тошкент, 1960; Бабур-наме. Записки Бабура, Ташкент, 1958.

моментов, представляющих особый интерес в связи с разрабатываемой темой<sup>35</sup>.

Раскрывая события, связанные со своей жизнью и обширной многообразной деятельностью, вдумчивый и наблюдательный султан Бабур обращает внимание на отличительные черты быта жителей той или иной местности, например, замечает особенности производившихся здесь ремесленных изделий (характеризует самаркандские бумагу и бархат, ценные сорта дерева и т. д.), говорит об отличительных чертах местных базаров, о костюмах окружавших его людей.

«Записки» в основном посвящены описанию военных походов и многочисленных битв, в которых участвовал сам автор. В процессе их изложения Бабур приводит обильный материал о литье пушек, о наименованиях доспехов, предметах вооружения и конского убранства.

Человек широких взглядов, Бабур однако остается типичным представителем своего класса. В «Бабур-наме» имеются сообщения о взимании обременительных налогов с податного населения покоренных городов и областей, не отличавшихся от открытого грабежа, о тяжелой воинской повинности, о торговых пошлинах, в сборах которых принимал участие и сам Бабур. Автор свысока смотрит на низы городского населения — активного участника городской жизни и обороны при вражеских нападениях. В его книге нашли отражение голод и смерть беднейших людей Самарканда при осаде города, казнь одного из ремесленников, участника обороны Самарканда, ткача Девана Джамабафа.

Другой ценный письменный источник на узбекском языке — стихотворное произведение «Шейбани-наме», принадлежащее перу Мухаммеда Салиха<sup>36</sup>. Он был, как отметил Зайниддин Васифи, «эмиром эмиров и царем поэтов окружения Шейбани»<sup>37</sup>. В его сочинении мы находим некоторые данные о проявлении недовольства среди беднейшей части городского населения, которое было направлено против местных и пришлых феодальных правителей. Все тирапы в освещении Мухаммеда Салиха — представители тимуридского лагеря, политические противники хана Шейбани. Здесь мы находим также ценные материалы о восстании в Каракуле 1501 г., о его предводителе — выходеце из народа<sup>38</sup>.

<sup>35</sup> Много труда в изучение литературного наследия Захириддина Бабура и его популяризацию вложено доктором исторических наук С. А. Азимджановой.

<sup>36</sup> См.: Мухаммед Салих. Шейбани-наме, посмертное изд. П. М. Мелиоранского, СПб., 1908; H. Vambergy. Mohammed Salih. Die Scheibaniade, Wien, 1885; Мухаммад Салих. Шайбонинома, Тошкент, 1961. Мы пользовались «Шейбани-наме», подготовленным к изд. П. М. Мелиоранским.

<sup>37</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 134.

<sup>38</sup> Р. Г. Мукминова. Народные движения в Узбекистане в 1499—1501 гг., Изв. АН УзССР, 1950, № 1.

Привилегированное положение писателя сквозит в его поэме. Мухаммед Салих пытается оправдать завоевания узбекского хана, причисляя покоренные народы к «неверным».

Картины безнаказанных притеснений и грабежей, однако, дают исследователю подробный перечень присвоенных богатств: тканей, металлической, фарфоровой (چینی و ففوری) и стеклянной (شیشه) посуды, доспехов воинов и много другого. Пытливым взором окидывает Мухаммед Салих костюмы кочевников, не забывает упомянуть и о предметах домашнего обихода. Данные «Шейбани-наме» расширяют список ассортимента и других ремесленных изделий, изготовлявшихся местными и, частично, иноземными мастерами.

Определенный интерес с точки зрения разрабатываемого вопроса представляют произведения Алишера Навои. Много ценного в его поэме «Стена Искандера». Прозаическое произведение «Махбуб ал-кулуб» («Возлюбленный сердце») написано шестидесятилетним Алишером Навои<sup>39</sup>. Умудренный жизненным опытом поэт изложил итог своих наблюдений за жизнью купцов, ремесленников, торговцев и покупателей.

«Бадаи' ал-вакаи'» Зайниддина Васифи написано в конце тридцатых годов XVI в.<sup>40</sup> Автор в течение двадцати лет пребывал при дворах нескольких представителей династии Шейбанидов, правивших в те годы различными уделами в Средней Азии. Васифи дал интересную характеристику «типичных представителей среднеазиатских городских кругов» и тем самым, по мысли А. Н. Болдырева, прочно установил весьма существенную роль горожан и в том числе ремесленников в развитии культурной жизни Средней Азии и Хорасана, роль города вообще.

Сочинение Васифи богато интересными замечаниями о мастеровых людях Самарканда и Герата, бытовых подробностях городской жизни, об изделиях, вырабатывавшихся здесь, цене на металлы (медь и олово). Только в мемуарах Васифи дается подробная картина участия ремесленников в общественной жизни города; здесь приводятся также письма и грамоты, написанные автором по просьбе ремесленников и старшин ремесленных цехов.

Глубокое и всестороннее описание мемуаров Зайниддина Васифи дано в исследованиях А. Н. Болдырева<sup>41</sup>.

<sup>39</sup> Алишер Навои. Стена Искандара, Соч., т. VII, Ташкент, 1968; Он же. Махбуб ал-кулуб. Возлюбленный сердце, Сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948.

<sup>40</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I—II; Зайн ад-дин Махмуд Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I—II, Изд. 2-е, Тегеран, 1972.

<sup>41</sup> А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи...; Он же. Очерки из жизни гератского общества...; Он же. Навои в рассказах современников. Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946; Он же. Зайнадин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии), Сталинабад, 1957.

В качестве источника по истории торговли и ремесла нами привлечен также труд Хафиза Таныша «Абдулла-наме»<sup>42</sup>. Это интереснейшее сочинение по истории Средней Азии неопубликовано в оригинале, а переведено лишь частично<sup>43</sup>. Наряду с описанием политических событий автор рассказывает и о быте бухарцев. Ценность источника хорошо известна, отметим только, что изложение Хафиза Таныша отличается точностью и обилием фактического материала. О ряде событий автор говорит как очевидец.

Хафиз Таныш сообщает о сборах с торговли и ремесла, о строительных работах в Бухаре и Самарканде. В книге используются термины для обозначения разных форм бокалов, ваз и других сосудов — местных и иноземных, деталей одежды, изысканных блюд (разных видов плова) и напитков. Сопоставление подобных данных с показаниями других источников позволяет уточнить список местных и импортных товаров, расширить сведения о торговой деятельности городов.

Отдельные факты, вкрапленные в сочинение Хафиза Таныша, позволяют выявить исключительно тяжелое положение податного населения. Однако в освещении подобных явлений у автора нет объективности. Притеснителями народа в его изложении, как правило, являются те правители, которые стояли в оппозиции Абдулла-хану.

При описании многолетних походов Абдулла-хана II, Хафиз Таныш упоминает о предметах вооружения, а порой и о материале, из которого они были изготовлены, и их форме. Особый интерес представляют замечания о ружьях и артиллерийских огнестрельных орудиях, особенно сведения о литье пушек.

Значительный интерес вызывают сообщения Хафиза Таныша о политических и экономических связях Средней Азии с Россией, в частности о возвращении в Бухару посольства, отправленного Абдулла-ханом в Московское государство. Караван верблюдов в числе других товаров вез панцири (جوشته‌های فرنگی), названные Хафизом Танышем европейскими, и ловчих птиц.

Материал по нашей теме содержится еще в одном интереснейшем источнике по истории Средней Азии XVI в. — сочинении Фазлаллаха ибн Рузбихана «Михман-наме-йи Бухара»<sup>44</sup>, написанном в 914 г. х. (1508/1509 гг.). Исследование произведения, факсимиле рукописи и пе-

<sup>42</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2207.

<sup>43</sup> Хафиз Таныш ибн Мир Мухаммад Бухорий. Абдуллонома (Шарфномаи шохий), I ж., Тошкент, 1966; II ж., 1969.

<sup>44</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, № 1414; имеется стамбульская рукопись, издатель Манучехр Сотуде, Тегеран, 1963.

ревод с персидского, выполненные Р. П. Джалиловой, готовятся к изданию.

Перу Бадриддина Кашмири ибн Абдуссалам ал-Хусейни принадлежит сочинение «Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман» («Райский сад и роща пажей»), оконченное в 998 г. х. (1589—1590)<sup>45</sup>. Здесь собраны копии ярлыков, писем и другого вида записей Абдулла-хана II, Ходжа Ислама, Ходжа Са'да и других феодалов и правителей областей. Сочинение включает материалы о специализированных базарах и гузарах в Бухаре (Кафшфурушан, Касагаран, Гокушан), о торговой деятельности джуйбарских шейхов, о массовой мобилизации населения на строительство зданий и проведение оросительных каналов, об участии в этих работах рабов, о налоговых сборах и поставке населением сотен верблюдов с зерном для войск Абдулла-хана II. Из сообщений Бадриддина Кашмири мы узнаем о гибели в результате голода, чрезвычайно холодных зим и эпидемий беднейшей части населения Бухары и других городов, об умелом использовании тяжелого экономического положения в стране джуйбарскими шейхами для усиления влияния на народ. В книге говорится о строительстве караван-сарая в Бухаре, где из разных стран собирались торговцы и купцы, ведущие оптовую торговлю. При перечислении подарков, подносившихся Абдулла-хану II и джуйбарским шейхам, автор упоминает разного вида изделия, доставлявшиеся из других государств, например, из Индии парча (پارچہ)

(возможно, камхаб), мандиль, фута; из Хорасана бархат, атлас, стрелы; из Мекки молитвенные коврики, полотенца (платки?), зубочистки; из Кашмира кашмирские шали, особые ткани, лекарственные травы.

Ходжа Са'д вел обширную переписку с областными правителями, в некоторых из этих писем заметно стремление отдельных лиц оградить страну от беспрерывных феодальных усобиц, разорительных и для части господствующих слоев общества.

«Хабиб ас-сийар» известного историка Гиясиддина Хондемира дает дополнительные сведения по социально-экономической истории Средней Азии начала XVI в. Хондемир, в частности, сообщает об обязанности простого народа и ремесленников (عامۃ رعایا و محترمان) Герата после захвата его узбекским ханом в 1507 г. внести в казну хана контрибуцию в сумме «сто тысяч одномискальных тангача, каждая из которых в то время шла за шесть кепекских динаров».

Дневники двух иностранцев — испанца Рюи Гонзалеса де Клавихо и англичанина Антония Дженкинсона<sup>46</sup>, лично наблюдавших жизнь в

<sup>45</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, ркп. ИВ АН УзССР, № 2094.

<sup>46</sup> Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1405—1406 гг., СПб., 1881; Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг., Сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1932.

Бухаре и Самарканде, не раз привлекались историками. Один из них посетил двор Тимура и оставил интересные описания производительной деятельности самаркандцев, другой в конце 1558 г. побывал в Бухаре. Иноземцы заметили много того, что казалось общезвестным и не нуждающимся в фиксации местными историками. По мере надобности мы привлекаем переводные тексты двух путешественников.

Все исторические и литературные произведения безусловно требуют критического подхода, тем более, что каждый из авторов был человеком из зажиточных слоев горожан, был близок к хану, к феодальным кругам и зависел от них. Отдельные же писатели были из царского рода.

Отличительная черта большинства повествовательных источников в том, что они написаны в целях прославления царских особ и феодальных правителей, а жизнь и борьба трудового населения, в частности, рядовых ремесленников, отражены лишь в связи с описанием других событий. Некоторое исключение в этом отношении представляют произведения Зайниддина Васифи и Алишера Навои.

В изложении рассмотренных авторов нет объективности. Общее тяжелое положение народных масс здесь прослеживается лишь по замечаниям авторов о дороговизне в отдельных городах, о голоде в связи с осадой крепости, хотя виновниками и притеснителями народа в таких случаях являются, по их мнению, феодальные владетели, как правило, противники прославляемого ими государя. Об активном участии горожан и, в частности, мастеровых людей, в общественной жизни страны и в обороне города, как и отдельные подробности о социально-экономическом состоянии городского населения мы узнаем лишь из отдельных высказываний.

Во всех этих литературных произведениях и документах не рассматривается процесс производства ремесленной продукции, та работа, которая целиком возлагалась на плечи трудового люда. Некоторое исключение в этом отношении представляют цеховые сказания-рисала, особенно рисала читгаров, изучение текста которых дает возможность представить процесс производства набивной ткани<sup>47</sup>.

**Рисала.** Рисала — наставления в области различных отраслей ремесла, дошедшие до нас в списках XVIII—XIX вв. Это — письменный источник, помогающий составить картину состояния ремесленного производства позднесредневековой Средней Азии. Как совершенно верно было отмечено в литературе, неправомерно было бы сближать подобные рисала со статутами ремесленников средневековой Западной Евро-

---

<sup>47</sup> Рисала-и читгари, ркп. ДО ИВ АН СССР, № В-1900 (23), на узб. яз.; Рисала-и читгари, ркп. ИВ АН УзССР, № 5003, на тадж. яз.

пы<sup>48</sup>. По существу, это уставы-обрядники, где описание трудового процесса, обычно далеко не полное, дается лишь в форме вопроса и ответа — специально подобранного изречения, приписываемого пророку Мухаммеду. В большинстве рисала нет сведений по экономическому и общественному строю ремесленных организаций. Однако при очень небольшом числе письменных памятников, где бы имелся фактический материал о состоянии среднеазиатских ремесленных организаций, даже такие уставы представляют интерес для исследователей.

Пути возникновения рисала были совершенно иными, резко отличающимися от тех, в которых составлялись пышные рукописи, рассчитанные на удовлетворение прихотей и художественного вкуса высокопоставленных особ. Рисала создавалась для рядовых ремесленников и учеников, обучающихся определенной профессии. Бумага, на которой писался устав-обрядник, была невысокого качества, хранился он не в специальных сундуках с «редкими книгами», как это отмечается, например, относительно рукописных книг библиотеки самаркандского медресе Шейбани-хана<sup>49</sup>, а в нишах жилых домов ремесленников, нередко в чаше «чистой чини-касе»<sup>50</sup>, предназначавшейся для пищи. По-видимому, эти обстоятельства являются одной из причин того, почему уставы-обрядники дошли до нас лишь в поздних списках конца XVIII—XIX в. Переписчиками рисала нередко были недостаточно грамотные студенты медресе, где готовились кадры духовенства, обладавшего монополией «на чтение и письмо»<sup>51</sup>. Для таких переписчиков характерен был особый почерк — неряшливый насталик (шагирди)<sup>52</sup>.

Богатая коллекция уставов-обрядников хранится в рукописном фонде Ленинградского Отделения Института востоковедения АН СССР.

В феодальной Средней Азии, и в частности в XVI в., значительное развитие получило искусство набивки ткани — читгарлик, о чем свидетельствует как наличие специалистов-читгаров и обучающихся у них учеников, так и наличие торговых сделок, связанных с тканью чит разных расцветок. В связи с этим наше внимание привлекают два устава-обрядника мастеров-читгаров, находящиеся в двух замечательных рукописехранилищах нашей страны — Институте востоковедения АН УзССР и Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР. Сведения о производственном процессе и классовой диффе-

---

<sup>48</sup> О. А. Сухарева. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков. Памяти М. С. Андреева, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, СХХ, 1960, стр. 196.

<sup>49</sup> Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., текст, стр. 112, перевод, стр. 229. Дальше при ссылке на текст: Вакф-наме.

<sup>50</sup> Рисола-и бафандачилик, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-1900 (29), л. 856—86а.

<sup>51</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 351.

<sup>52</sup> СВР АН УзССР, т. VIII, № 5941, стр. 390.

ренциации в среде ремесленников, имеющиеся в этих рисала, значительно отличают их от многих других уставов-обрядников. Один из них — «Рисала-и читгари» составлен на узбекском языке<sup>53</sup>. Вместе с другими рисала по разным отраслям производства — кузнечной, кожевенной, ткацкой, столярной и других — он некогда был доставлен из Средней Азии в Азиатский Музей Императорской Академии наук С. М. Смирновым и в настоящее время входит в сборник уставов-обрядников «Маджму'а»<sup>54</sup>. Последний состоит из тридцати шести отдельных «уставных обрядников»<sup>55</sup> на узбекском и таджикском языках. В приписках на русском языке, сделанных в начале каждого из них, сообщается, что подлинники находились в городах Ферганской области — Коканде, Намангане, Чусте и в Исфаринском уезде.

Некоторые из уставов-обрядников, включенных в «Маджму'а», были предметом изучения и издания русских ученых<sup>56</sup>, другие до настоящего времени не привлекали внимания исследователей, хотя часть их представляет определенный интерес для специалистов. К числу таких относится упомянутый устав-обрядник цеха набоечников, который остался вне поля зрения исследователей, если не считать кратких описаний, имеющихся в каталогах<sup>57</sup>.

В отличие от других рисала из сборника «Маджму'а», представленных в форме книжечек небольшого формата, «Рисала-и читгари» на узбекском языке написан на длинной полосе бумаги. Текст состоит из 120 строк.

Другой устав-обрядник читгаров (رساله چیت گری) на таджикском языке хранится в Институте востоковедения АН УзССР<sup>58</sup> и представляет собой книжечку небольшого формата, заключенную в переплет. Согласно дате, рисала был переписан в 1836 г.<sup>59</sup>

Как и другие религиозно-этические правовые уставы-обрядники, два названных рисала построены по шаблону и состоят из нескольких разде-

<sup>53</sup> Рисала-и читгари, № В-1900 (23).

<sup>54</sup> Маджму'а, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-1900.

<sup>55</sup> Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР, ч. 1, № 3861, стр. 509—510.

<sup>56</sup> [М. Гаврилов]. Рисала сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов. Собрал и перевел М. Гаврилов, Ташкент, 1912.

<sup>57</sup> Персидские и таджикские рукописи..., ч. 1, № 3861. (Там же приводится библиография); СВР АН УзССР, т. VIII, № 6009.

<sup>58</sup> Рисала-и читгари, № 5003. Описание см.: СВР АН УзССР, т. VIII, № 6009. На основании начала рукописи: *بسم اسناد رساله چیت گری این است* «устав» назван *رساله چیت گری* — «Рисала [цеха] «читгари». В дальнейшем в тексте данного рисала слово чит — *چیت* правильно пишется через букву *ت*.

<sup>59</sup> Там же, л. 68б.

лов. Схема написания такого вида рисала рассмотрена в литературе<sup>60</sup>. Для нас представляет интерес та часть рисала, где в форме вопросов и ответов, которые мастер-читгар и ученик должны были произносить при выполнении определенных этапов работы, дается описание процесса производства набивной ткани — чит. На основании этого можно выявить процесс набивания на ткань разноцветных узоров с помощью специальных штампов-калыбов, узнать об орудиях производства набойщиков, о классовой дифференциации в ремесленной среде, о тяжелой участи учеников, целиком подчиненных воле мастера. Последние в свою очередь находились в зависимости от стоящих над ними цеховых старшин и феодальной верхушки («акабиран») города.

Два рисала имеют много общего, но в то же время в них есть и отличия. Например, в уставе-обряднике на узбекском языке перечисляются цвета ткани бязь, а в рисала на таджикском языке приводится пример наказания ученика, если тот приступит к работе без разрешения на то обучающего его мастера. Из содержания рисала читгаров на узбекском языке создается более подробная картина производства набойки. Здесь кроме процесса набивания ткани предметом разбора является процесс приготовления и использования красок. Ткань, на которую наносится узор, здесь называется «буз» (бязь), а в рисала на таджикском языке ткань определяется словом «карбас». Эти два названия применительно к одной и той же ткани использовались и авторами сочинений, написанных в XVI в.<sup>61</sup>. В обоих рисала используются одни и те же термины для определения некоторых орудий производства: калыб, кудунг, лавак, а также красителей — бузгундж, зак, руйан и др.

Порядок разделов в каждом рисала, в целом построенных по обычному шаблону, несколько различен. Это позволяет считать, что каждая из рисала является списком, сделанным с разных экземпляров, в основе которых некогда лежал общий оригинал.

Рассматриваемые списки рисала относятся к XIX в., однако, можно полагать, что оригиналы их были написаны значительно раньше. Надо думать, что при составлении копий рисала добавления и изменения в тексте делались не без вмешательства цеховых старшин и духовенства, действовавших в своих корыстных интересах. В отдельных случаях определенную роль при переписке должно было сыграть и стремление приписать основание данного ремесла личности, происшедшей из местности, где производилась переписка.

---

<sup>60</sup> [М. Гаврилов]. Цит работа; А. Самойлович. Туркестанский устав-рисо-ля артистов, Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 55.

<sup>61</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-намс-и Бухара, л. 84; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1127; Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, стр. 41.

Следует оговорить, что из использованных письменных памятников рисала — единственный вид источника, относящийся к XIX в. Однако имея в виду известную традиционность в технике производства и производственных отношений феодального периода и соблюдая критический подход к содержанию, эти источники могут быть использованы при разработке отдельных частных вопросов по истории ремесла XVI в.

Иной характер имеет трактат по каллиграфии Султана Али Мешхеди, тоже названный «рисала». Он был создан в 1514 г. «главою всех в писании насталиком». Написанный на хорошей бумаге, красивым почерком, великолепно оформленный, он является своеобразным уникальным источником для изучения способов выбора бумаги, лощения ее, изготовления чернил и т. д. На первом листе трактата имеется позднейшая запись: «Рисаля муллы Султан Али о письме». Она была подарена шахом Аббасом Сефевидом в вакф Ардебильской мечети<sup>62</sup>, поэтому и хранилась в совершенно иных условиях, чем рассмотренные ранее рисала.

Подсобным материалом для нашей темы служили миниатюры среднеазиатских художников XVI в. Анализ рисунков позволяет получить некоторое представление о состоянии прядильной техники, об обработке металла при помощи наковальни и молота, об обработке земли и проведении оросительных каналов при помощи лопаты и кетменя таких же форм, какими иногда еще пользуются в индивидуальных хозяйствах и теперь, об инструментах ремесленников, об участии мастеров-строителей в возведении монументальных зданий и городских стен, о домашнем убранстве, вооружении, деталях одежды, о формах керамических и металлических сосудов, кухонной утвари, подсвечников.

Угнетение основной массы производителей воплощено в устном народном творчестве, образцы которого в несколько измененном виде в числе других старинных песен дошли до нас. В одной из них описывается изнурительный труд ткача:

Морозно порой в мастерской у меня,  
Все тело дрожит день-деньской у меня.  
И слезы струятся рекой у меня.  
Слезам мата моя орошена...  
Вложил в свой товар я и жилы и пот...  
Кто лжет, что работа моя не трудна?<sup>63</sup>

Тяжелое положение основной массы мастеровых было причиной их активного участия в общей классовой борьбе трудового населения города, наблюдавшейся на протяжении всей истории средневековья.

<sup>62</sup> Г. И. Костыгова. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Труды, II (V), Восточный сборник, Л., 1957, стр. 104

<sup>63</sup> Песня столетий, т. I, Ташкент, 1964, стр. 16—17.

## САМАРКАНД И БУХАРА В XVI ВЕКЕ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

На рубеже XV—XVI вв. территория Средней Азии была охвачена межфеодальными войнами. некогда обширное государство Тимуридов разделилось на мелкие враждующие между собой княжества. В результате — трудовое население городов «превратилось в нищих», скот был уведен предводителями военных ополчений, «хлеб растоптан» феодальной конницей. «Пришла суровая зима и выпало много снега», — сообщает Мухаммед Салих, и тогда (начало XVI в.) «умерли многие голодные и разутые» жители Бухары и Самарканда. «Люди высохли как цветы тюльпана» не только в этих городах с окружающими их областями, «многие умерли (также) в Карши и Кеше». Трупы, «не покрытые саваном», валялись на улицах<sup>1</sup>.

Жители, особенно низы городского населения, активно защищали родной город от нападений феодальных захватчиков. Нередко они ставляли противника покинуть окрестности города. Понятны поэтому те жестокие меры, которые принимались начальниками военных отрядов, осаждающих крепость, для расправы с инициаторами энергичных выступлений беднейших горожан. Примеры организации обороны города рядовыми жителями в источниках довольно часты. Описывая один из них, Гиясиддин Хондемир и Захириддин Бабур называют в числе других защитников осажденного Самарканда ремесленника-ткача, презрительно именуемого представителями феодальных кругов Девана Джамабаф (буквально Безумный, Юродивый ткач), и Кал Кошика (буквально Плешивая ложка). Эти двое попали в плен к андижанским бекам, осаждавшим Самарканд, были подвергнуты пыткам, а затем убиты<sup>2</sup>.

В 1501 г., после продолжительной борьбы, номинальная столица Тимуридов Самарканд была захвачена узбекским ханом Мухаммедом

<sup>1</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 66—67, 71, 82.

<sup>2</sup> Хондемир. Хабиб ас-сийар, Бомбей, 1856/1857, т. III, ч. III, стр. 276; Бабур-наме, стр. 58.

Шейбани (1499—1510) — основателем династии Шейбанидов, просуществовавшей почти сто лет, до 1599 г.

Захват Шейбани-ханом владений Тимуридов сопровождался гибелью населения, разрушениями городов и общим разорением страны, перераспределением богатств и личным обогащением Шейбанидов и их приближенных. В то же время, поскольку завоеватели желали оставить Самарканд и Бухару центрами узбекского государства, Шейбанихан попытался оградить население этих городов от массового грабежа в момент завоевания. Это намерение хана хорошо отразил поэт Мулла Шади, заметивший: «Если Шах-Бахт (Шейбани-хан) разорит город (Самарканд), то как он сможет сделать его столицей (государства)?».

Обосновавшись в Самарканде, новый правитель приложил некоторые усилия для благоустройства разоренного города, такую же политику проводил в Бухаре его брат Махмуд Султан, старавшийся как и Мухаммед Шейбани возвысить город не только за счет награбленных богатств, но и с помощью людей, главным образом, ремесленников, вывезенных из Хорезма — Булдумсаза, Кята, и других местностей. Насильственное переселение в Бухару мастеров письма и миниатюрной живописи, литературных деятелей, строителей и других специалистов особенно практиковали несколько позже Убайдулла-хан (1533—1539) и Абдулла-хан II (1557—1599).

Некоторые из Шейбанидов стремились сблизиться с крупным купечеством, духовной и светской знатью и создать условия для рациональной эксплуатации местного трудового населения. Они и их приближенные приобретали целые селения и отдельные земельные участки, торгово-ремесленные предприятия, караван-сарай, мельницы, склады и т. п. Огромные богатства, переданные в вакф невесткой Шейбани-хана, и большое число торговых предприятий, принадлежавших Дуст Мухаммед-бию, сыну приближенного Шейбани-хана Джан Вафа-бия, — наглядный пример сказанному.

Относительный подъем в области экономики, достигнутый в отдельные годы правления Шейбанидов, обычно сменялся феодальными междоусобицами, вторжением иноземных войск и кровопролитной династической борьбой за владение ханским тронem, что было так характерно для всего периода феодализма.

Последствия междоусобных войн, холод, голод и холера привели в те годы к гибели значительной части беднейшего населения. Тяжелое экономическое положение трудового населения умело использовали представители крупного духовенства для усиления своего влияния. Обстановка феодальной раздробленности, приводившая к разорению страны, как отметил А. Ю. Якубовский, «тяжелее всего сказывается на положении трудящегося населения...», поэтому «приходится считать

всякую серьезную попытку к политическому объединению страны фактом прогрессивным»<sup>3</sup>.

Попытка преодоления раздробленности в стране и ликвидации сепаратистских устремлений узбекских султанов была предпринята Абдулла-ханом II, особенно начиная с 80-х годов XVI в. Проводимая им политика объединения удельных владений нашла поддержку среди той части светской и духовной знати, которая была заинтересована в обуздании центробежных притязаний феодальной верхушки, в покровительстве купцам и торговле, в восстановлении производительных сил. Централизаторская политика находила поддержку и со стороны горожан, особенно ремесленников и мелких торговцев. В то же время изнурительные захватнические походы Абдуллы-хана II приводили к разорению народа и опустошению городов и сел, мешали внутреннему развитию экономики всего государства.

Таким образом, в рассматриваемый период Средняя Азия то объединялась под властью верховного правителя, то вновь дробилась на независимые от центральной власти или полунезависимые удельные владения во главе с узбекскими султанами.

В условиях династических и феодальных войн, междоусобиц и набегов, сменявшихся короткими периодами относительно спокойного экономического развития, развертывалась производительная деятельность трудового населения Средней Азии.

Историки и поэты описывают Самарканд начала XVI столетия как многолюдный, довольно благоустроенный город со множеством базаров, караван-сараев, торговых и ремесленных мастерских. Повидавший многие города Востока Захириддин Мухаммед Бабур характеризует в своих мемуарах Самарканд того времени как «удивительно благоустроенный город», отличающийся специализированными базарами и торговыми рядами. «У этого города есть одна особенность, — отмечает он, — которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай»<sup>4</sup>.

В Самарканде было множество торговых рядов, где реализовывался часто здесь же изготовлявшийся определенный вид товаров: хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, готовая одежда и обувь, кожаные изделия и предметы вооружения, разнообразная продукция металлостроителей и гончаров, хлеб, мясо, кондитерские изделия и т. п. (Следует, однако, отметить, что принцип специализации базаров и торговых рядов не всегда строго выдерживался).

<sup>3</sup> А. Ю. Якубовский. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, Сб. «Алишер Навои», стр. 8.

<sup>4</sup> Бабур-наме, стр. 28.

Названия отдельных кварталов свидетельствуют о профессиональной специализации, возникшей в средневековье на основе территориальной производственной деятельности.

В разных частях города располагались бани, караван-сарай, красильни, маслобойни, где вырабатывалось растительное масло. Ближе к воде селились чигары и кожевники. Как явствует из упоминания в одном из источников старшины (мехтер — *مختار*) мыловаров, в Самарканде, вероятнее всего, в пригородной части, имелись мыловарни, продукция которых продавалась населению. Свечники делали свечи разных размеров, в специальных лавках торговали пирожками, хлебными лепешками, разного вида сладостями, мясом, вином, напитками и прочим.

При Шейбанидах, которые руководствовались тщеславным желанием сделать свою столицу средоточием выдающихся построек, несколько изменился архитектурный облик Самарканда. Здесь были построены новые монументальные здания — медресе Шейбани-хана и Михр-Султанханум, возведена суфа Шейбани-хана, на которой были установлены могильные камни, испещренные каллиграфическими надписями имен похороненных под ними представителей правящей династии и членов их семей. Восхищенный отзыв об этих произведениях искусства оставили в своих мемуарах Фазлаллах ибн Рузбихан и Зайниддин Васифи<sup>5</sup>.

Определенное внимание уделялось в XVI в. и зданиям, построенным ранее. Согласно Васифи, например, в царствование Кучкунчи-хана (1510—1530) были реставрированы и благоустроены медресе, ханака и мечети Самарканда<sup>6</sup>. Следует отметить, что строительство и ремонт подобных зданий тяжелым бременем ложились на плечи трудового населения.

Самарканд был не единственным центром и столицей государства Шейбанидов. Убайдулла-хан связал свое правление с другим крупным городом Средней Азии — Бухарой. При нем, при его сыне Абдулазиз-хане (1540—1549), а позднее при Абдулле-хане II Бухара значительно расширилась территориально.

При Тимуридах Бухара не играла столь большой роли в политической и экономической жизни страны, какая принадлежала при них Самарканду; в XVI веке, особенно в 80-е годы, Бухара стала ведущим городом государства Шейбанидов. При Абдулле-хане II значение столицы окончательно перешло к этому городу, игравшему в дальнейшем роль политического и административного центра Бухарского ханства.

<sup>5</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михмап-наме-ин Бухара, л. 123а, 126а; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 49. Подробнее об этих памятниках см.: Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 9—24.

<sup>6</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 47.

Как и в Самарканде, здесь были специализированные кварталы, базары и торговые ряды. В городе было множество ремесленных мастерских, торговых заведений, довольно часто упоминаются на территории Бухары дома ткачей алачи и разных других специалистов<sup>7</sup>. Англичанин Антоний Дженкинсон, прибывший в Бухару в самом конце 1558 г., записал в своем дневнике: «Каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок»<sup>8</sup>.

Развитие внутренней, межобластной, транзитной торговли и производственная деятельность ремесленников, питавших эту торговлю, привели к строительству новых рыночных зданий, часть которых сохранилась до наших дней.

На протяжении XVI в. были перестроены отдельные участки городской стены Бухары. При Абдулла-хане II юго-западная часть стены охватила Джуйбар. Здесь были также построены новые ворота «Дарваза-и ноу»<sup>9</sup>. Эти мероприятия характеризуют степень и темпы развития городской жизни в Бухаре<sup>10</sup>. Бухара, как отметил Антоний Дженкинсон, была «окружена высокой земляной стеной с различными воротами и разделена на три части; две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынкам». По его словам, «дома по большей части земляные, но есть также немало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных; в особенности бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете»<sup>11</sup>. До того, как посетить Бухару, Дженкинсон побывал во многих городах Англии, Московского государства и других стран, поэтому его слова «город очень велик» можно рассматривать как результат сравнения Бухары с другими городами, которые он видел.

Бадриддин Кашмири сообщает о строительстве в Бухаре нескольких зданий, в том числе бань, двух караван-сараяев на Чорсу «в даруни шахр» и на улице Саррафан «в бируни шахр». Здесь, как отмечает автор, собирались купцы и торговцы со всего мира для того, чтобы совершать торговые сделки.

Часть построек делалась из жженного кирпича, например, каменная мечеть на берегу хауза Кархана. На окраинах Бухары в западной и восточной частях города были разбиты два больших сада. В них были проведены оросительные каналы, сделаны водоемы, посажены деревья и разные цветы. Был вновь оживлен чарбог в Джуйбаре, который, по словам Бадриддина Кашмири, был разрушен Шейбанидами в начале XVI в. (возможно, при втором захвате ими Бухары). Сад был обне-

<sup>7</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 52, 57, 81 и др.

<sup>8</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию..., стр. 182.

<sup>9</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 201.

<sup>10</sup> О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства, стр. 46. и сл.

<sup>11</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию..., стр. 182.

сен забором и засажен фруктовыми и декоративными деревьями. Среди них автор называет хурму, лимон и самшитовое дерево<sup>12</sup>.

В многолюдной части Бухары находился во второй половине XVI в. пороховой склад. Хафиз Таныш описывает, как однажды в результате взрыва склада многие погибли, в том числе и ремесленники. Пожар уничтожил торговые лавки, ремесленные мастерские и жилые дома.

В строительстве зданий и садов принимали участие разные специалисты. Сколько усилий и труда должны были вложить они в эти постройки, основная масса которых предназначалась для удовлетворения желаний феодальной знати!<sup>13</sup>

Бухара и Самарканд были густо застроены жилыми домами и хозяйственными помещениями. Как показывает анализ косвенных данных, в черте города, особенно в его центральной части, пахотных земель было мало<sup>14</sup>.

Та часть города, где проживало трудовое население, состояла из низких и небольших глинобитных домов. Большая скученность населения и недостаток воды тяжело отражались на жизни горожан, особенно беднейшей его части. Упоминания о холере, риге и других заболеваниях изредка встречаются в письменных источниках в связи с описанием тех или иных событий.

Плотной стеной окружали Самарканд пригородные сады. Здесь располагались дворцы правителей и феодальной знати. Часть этих садов и построек в них были уничтожены на рубеже XV—XVI вв. в результате династических и межфеодальных войн, а позже — вследствие завоевательных походов и междоусобий узбекских султанов, каждый из которых при благоприятных условиях не прочь был захватить верховную власть<sup>15</sup>.

В окрестностях Самарканда находились водяные мельницы, а на каналах, выведенных из Сиба, располагались мастерские по выделке писчей бумаги, в том числе и всемирно известной — самаркандской. Большой интерес представляет для нас случайное упоминание в Самаркандском вилаете чугунолитейной мастерской<sup>16</sup>.

<sup>12</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 290—296.

<sup>13</sup> См., например, Мухаммед Юсуф Мушш. Мукимханская история, Перевод с тадж., предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова, Ташкент, 1956, стр. 68.

<sup>14</sup> См., например, Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 70:

تاشقارى باغلاريميز بوزولدى  
ايجكارى ابولاريميز بوزولدى

<sup>15</sup> См., например, Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 58; Бабур-намэ, стр. 64.

<sup>16</sup> Маджму'а-йи васайк, л. 227 а.

Как и в окрестностях Самарканда, за пределами Бухары находились мельницы; в одном из его туманов располагалось небольшое селение ткачей алачи — Алачабафан, известное также под названием Ту-канчи<sup>17</sup>.

Сосредоточение некоторых видов ремесла в сельских местностях позволяет заключить, что в XVI в. феодальный город был не единственным центром ремесленного производства и что он экономически был тесно связан с прилежавшими селениями.

К XVI столетию относятся некоторые работы по улучшению оросительной сети, например, ремонтирование вододелителя через реку Зарафшан (арка которого сохранилась до наших дней), постройка водоудерживающей плотины Абдулла-хан банди, проведение новых оросительных каналов на реке Вахш.

Для определения роли города как экономического центра области большое значение имеет выяснение вопроса: на каком сырье работали городские ремесленники, оно было местным или привозилось из сельских местностей? Скучные, но довольно интересные материалы источников дают наметки для разрешения этого вопроса. Например, в одном из нишанов, вошедшем в сборник «Мактубат ва аснад» и выданном по поводу назначения на должность надзирателя ткачей Камалиддина Зикрия, сообщается, что шелк ( *ابریشم* ) доставлялся в город (в тексте не указано, какой) из области ( *از اطراف و جوانب* )<sup>18</sup>. Здесь он взвешивался, что между прочим, свидетельствует о том, что под словом «абришам» подразумевалось сырье, из которого в процессе дальнейшей обработки выделывалось изделие, вероятно, ткань. Таким образом, в данном случае мы имеем конкретное указание о ввозе в город сырья из области. Из хлопка, привозившегося из сельских местностей, ткали ткани мастера, специализирующиеся на выделке тканей и проживавшие на территории Бухары и Самарканда. На привозной коже и шерсти работали специалисты-кожевники, валяли войлок мастера-намадмалы.

Можно утверждать, что и многие другие виды сырья также привозились в город из земледельческих и скотоводческих районов, хотя о некоторых из них можно говорить лишь на основании косвенных данных. Так, белый козий пух ( *تبیید سفید* ), о котором сообщается в документе от 7 зулхиджа 998 г. х. (12 мая 1590 г.) в связи с предоставлением его скупщиком Дарья-ханом некоему Мулле Хусейну, сыну Муллы Хасана, с условием уплаты стоимости пуха по истечении семи месяцев, безусловно, был доставлен в Самарканд из сельских районов<sup>19</sup>.

<sup>17</sup> Из архива шейхов Джуйбарн, Док. 200.

<sup>18</sup> Мактубат ва аснад, л. 1166.

<sup>19</sup> Маджму'а-йи васаяк, л. 189а.

Косвенным доказательством тому может служить отсутствие на территории Бухары и Самарканда сколько-нибудь крупных земельных участков, отведенных под пашню, что делало практически невозможным разведение в городе такого количества коз, с которых можно было бы снять столько пуха, предназначавшегося для продажи, количество которого соответствовало бы деловым операциям крупного скупщика-роствщика, каким был Дарья-хан.

Все это говорит о том, что городские мастера работали в большинстве случаев на сырье и полусырье, доставлявшимся из сельских, в основном расположенных не очень далеко, районов. Некоторые виды полуфабрикатов привозились из дальних стран, например, рыбий зуб— бивни и кости моржа, использовавшийся для выделки рукояток ножей и кинжалов, везли с далекого Севера, особый сорт кожи, болгары (بلغار از هر رنگ), — из Казани, через Астрахань везли дорогие меха и, как отметил Фазлаллах ибн Рузбихан, — меховые шубы и особые сорта шелковых тканей, а в списке имущества скупщика Тангри Берди числятся 62 манна большим самаркандским весом особой породы тропического дерева чуб-и бакам (چوب بقم), использовавшегося, в основном, как краситель<sup>20</sup>.

Некоторые изделия ремесла готовились городскими мастерами специально для удовлетворения нужд сельских жителей. Тем самым развивались и укреплялись экономические связи с сельской округой.

Бухара и Самарканд — два крупнейших центра ремесла и торговли, последовательно являвшиеся столицей всего государства Шейбанидов, в отдельные периоды были лишь центрами удельных владений узбекских султанов, каждый из которых при удобном случае искал пути для ослабления своего соседа. Самарканд, например, находясь на Зарафшане выше Бухары, всякими средствами старался обеспечить себя водой за счет соперницы. В целом, оба города являлись экономическими и торгово-ремесленными центрами прилегавших к ним областей, порой центром всего государства, транзитными пунктами для товаров, привозившихся из других стран. Все это наметилось еще в раннее средневековье, задолго до XVI столетия.

Бухара и Самарканд имели много общего в своем социально-экономическом развитии. Мастера, проживавшие в этих городах, выпускали ассортимент товаров, предназначавшихся не только для зажиточных слоев населения, но и рядовых потребителей, не только местных, но и соседних, а также частично для жителей отдаленных стран. В обоих

---

<sup>20</sup> Там же, л. 229а. (Здесь мы имеем любопытный пример использования единицы веса манн для определения веса дерева); МИУТТ, стр. 432.

городах ремесленники играли большую роль в общественной и культурной жизни города.

Особо следует подчеркнуть важное значение мелкотоварного производства в экономике обоих городов, а также то, что его развитие происходило в условиях господства феодальных порядков, под властью землевладельческой знати.

Материалы из дарственной грамоты Михр-Султан-ханум, вакфной грамоты Хусейна Хорезми, отдельных указов из сборника «Мактубат ва аснад», равно как и сведения из мемуаров Зайниддина Васифи и Захириддина Бабура, убедительно свидетельствуют, что одни и те же феодалы — духовные и светские — могли одновременно владеть селениями, порой расположенными в различных районах и областях, многочисленными земельными участками в сельских местностях и в городе (здесь главным образом под постройками). Нередко те же лица владели торговыми заведениями и ремесленными мастерскими, караван-сараями, банями, маслобойнями, мельницами и другими производственными помещениями в городе и в примыкающей к нему территории. Приведенные данные подтверждают мнение П. П. Иванова, отметившего эту особенность феодальной знати на основе материалов архива джуйбарских шейхов<sup>21</sup>. Такое положение феодальной знати обеспечивало ей экономическое и юридическое подчинение как сельского, так и трудового городского населения.

Подобное же явление для городов Ирана XIII—XIV вв. отметил И. П. Петрушевский, установив, что одни и те же лица были одновременно и городской знатью, и землевладельцами, и феодалами. Земли мелкими участками сдавались крестьянам на условиях издольной аренды, почему у их владельцев не было необходимости жить в сельских усадьбах. «В городе и в прилегающем сельском округе сохранили власть одни и те же сильные группы класса феодалов — земско-городская чиновная и духовная знать, подчинившая себе экономически, юридически или идеологически большие массы городских и сельских низов»<sup>22</sup>.

Феодально-чиновная знать (в отдельных случаях и мелкие феодалы) одновременно могли выступать в роли ростовщиков. Они предоставляли горожанам и сельским жителям ссуды деньгами и зерном, снабжали сырьем ремесленников. До нас дошли сведения о видном сановнике последней четверти XVI в. Кулбаба Кукельташе, характеризующие его как кредитора. Из юридического решения от 1590 г., утвержденного в кази-хана Самарканда, мы узнаем, что упомянутый «эмир эмиров» при дворе Абдулла-хана II, будучи крупным землевладельцем и при-

<sup>21</sup> П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 42.

<sup>22</sup> И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов, стр. 96—97, 109—110.

нимая активное участие в государственных делах, занимался ростовщичеством. По акту, группа лиц, связанных коллективной круговой порукой, получила у него ссуду с условием вернуть указанную сумму (надо полагать, в эту сумму причислены были и причитающиеся проценты) по истечении двух лет<sup>23</sup>. В просмотренных нами документах имеются и другие примеры, свидетельствующие о занятиях городской знати ростовщичеством.

В городе жили богатые купцы, тесно связанные с феодальными властями. Они занимались не только розничной, но и крупной оптовой торговлей (по нашим материалам, в основном тканями). Некоторые из них практиковали торговлю по долговым документам, через доверенных лиц.

В Самарканде и в Бухаре было немало купцов-скупщиков, представлявших сырье ремесленникам. Имена отдельных из них дошли до нас благодаря юридическим документам XVI в. Один из таких самаркандских купцов-скупщиков хранил в своих складах большие запасы сырья и полуфабрикатов для ткачей футы и специалистов, имевших дело с ценной породой дерева чуб-и бакам<sup>24</sup>. Документы содержат примеры о занятии отдельных торговцев-посредников закупкой и перепродажей партий шелка-сырца, белого вычесанного козьего пуха и других видов продукции. Экономические и классовые интересы богатых купцов и феодалов тесно переплетались.

С феодальной и торгово-ростовщической верхушкой города тесно было связано духовенство, которое вело чисто городской образ жизни. Основным видом недвижимого имущества духовной знати, как и светской, была земля. Одновременно она владела земельными участками, торгово-ремесленными заведениями и другими недвижимостями на территории Бухары и Самарканда и, следовательно, принимала активное участие в эксплуатации не только сельского, но и городского населения, в том числе и ремесленников. Джуйбарские шейхи — классический пример феодального и торгово-ростовщического духовенства. Интересы джуйбарских шейхов были тесно связаны с купеческо-ростовщической верхушкой Бухары, которая выступала за создание благоприятных условий для передвижения и безопасности торговых караванов, для защиты земельных и другого вида богатств от захвата мятежными владетелями.

Многосторонними были связи представителей правящей династии и духовенства. Идеологическое влияние духовной знати узбекские султаны стремились использовать для укрепления своей власти над народными массами. Связи светских феодалов с духовенством проявля-

<sup>23</sup> Маджму'а-йи васанк, л. 186а, 186б.

<sup>24</sup> Там же, л. 229а.

лись также в передаче в вакф разного вида имущества. В качестве мутаваллия вакфных имений духовные лица извлекали доход от ремесленных мастерских, лавок, рыночных площадей, базаров, мельниц, маслобоен и т. п. Изучение вакфных грамот в пользу медресе Шейбани-хана и мавзолея Ишрат-хана показывает, что в XV—XVI вв. мутаваллиями могли быть и светские лица — в обоих случаях попечителями вакфа были женщины из семьи феодального правителя.

Таким образом, светская и духовная знать города, состоявшая из различных социальных групп феодального класса, была владельцем разного вида собственности и в городе, и в сельских местностях. Это позволило ей подчинить экономически и идеологически массы городского и сельского населения, использовать свое положение в административной, военной и судебной системах, играть руководящую роль в социально-политической жизни страны, и, в частности, в повседневной деятельности ремесленного населения. В то же время внутри класса феодалов шла острая борьба за власть, за приобретение богатств, чинов и званий.

Документ 1590 г., где фигурирует упоминавшийся уже Дарья-хан, отражает жестокую мораль феодального общества, отнимающего у ремесленников, лишенных возможности пользоваться плодами своего труда, даже семейное счастье. Паразитическая верхушка светских и духовных феодалов жила за счет ренты-налога с крестьянства подвластной ей территории, а также сборов с ремесленников и торговцев.

В отличие от более раннего времени, когда основным потребителем ремесленной продукции являлись богатые дехканы и купцы<sup>25</sup>, в рассматриваемый период изделия ремесла покупались широкими слоями рядового населения. В городе жили люди разного политического и экономического положения. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что центральной фигурой города был ремесленник. Мастерские люди, составлявшие основную часть трудового населения Бухары и Самарканды, были наиболее полезной частью горожан, на производственной деятельности которой зиждилась экономика города. Как и другие слои трудового населения города и масса крестьянства, ремесленники находились под гнетом феодалов, в руках которых сконцентрировались огромные земельные территории и торгово-ремесленные заведения.

Конкретных данных соотношения различных профессиональных и социальных групп городских жителей нет. Численность населения в Самарканде определяется обычно цифрой 100 тысяч<sup>26</sup>.

---

<sup>25</sup> А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 269.

<sup>26</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 53.

Одна из характерных черт среднеазиатского города — существование тех же земельных отношений, того же закона феодальной земельной ренты, какие господствовали в сельских местностях<sup>27</sup>. Как в сельских местностях, так и в городе, «земско-городская знать» извлекала доходы из принадлежавшей ей разного вида собственности путем сдачи ее в аренду непосредственным производителям или предоставлением на откуп отдельным представителям феодального класса.

Анализ материалов, относящихся к концу XVI в., позволяет отметить экономическое расслоение внутри мелких городских производителей и активное наступление на них со стороны феодального класса.

В еще более тяжелом положении по сравнению с общей массой ремесленников находилась пестрая городская беднота, определяемая в просмотренных нами источниках разными терминами: оубаш (اوباش) — «подонки», «сборище», «бродяга»; мискин (مسكين) — «нищий», «бедняк»; йатим (يتيم) — «сирота»; кизил айяк (قزل ايلاق) — «босоногие»; ронуд (رونود) мн. ч. от (رند) — «мошенники», «подонки», «беспутные гуляки», айаран (اياران) — «грабители». Для обозначения бедной, нуждающейся части населения использовался также термин факир (فقير)<sup>28</sup>.

Обширная терминология для обозначения самой обездоленной части городского населения сама по себе яркий материал, иллюстрирующий бесправие беднейших слоев, а также свидетельство того, что бедняки составляли довольно значительную часть населения среднеазиатского города и играли заметную роль в его истории.

Политически и экономически эта часть городского населения сближалась с низшими слоями мастеровых людей, совместно с которыми она активно выступала на защиту крепости от феодальных захватчиков, боролась против своих поработителей за облегчение условий существования. Характерно, что указанные термины в источниках встречаются в основном в связи с социальными движениями в городе.

Категория бесправных людей пополнялась рабами. В Средней Азии XVI в., особенно в домашнем хозяйстве, продолжалось применение рабского труда, однако роль его в производстве ремесленной продукции

<sup>27</sup> Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 41.

<sup>28</sup> Множественное число от факир (فقير) — фукара (فقرا) приобрело значение: «простой народ», «податное население», «народ», что соответствовало термину ра'айа (رعايا) в его широком смысле — «подданные». Подробнее о терминологии, обозначавшей городскую бедноту, см.: С. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, 1957, стр. 91—93.



была незначительной. Некоторое применение рабский труд находил в строительстве и ирригационных работах<sup>29</sup>.

Различные социальные слои населения в целом можно разделить на два основных лагеря, противостоящих друг другу — эксплуататоров и эксплуатируемых. К последним относились рядовые ремесленники, принимавшие активное участие в городской жизни, нередко выступавшие против феодалов вместе с низами горожан и угнетенным крестьянством. Классовые интересы этой группы населения были направлены против городской верхушки, что ярко проявилось, например, в выступлениях народных масс в Самарканде и в Каракуле в самом начале XVI в.<sup>30</sup>

Все это целиком относится и к Бухаре, и к Самарканду времени правления Шейбанидов.

Два крупнейших города, тесно связанные между собой экономически и политически, имели и свои специфические особенности: не в каждом из них были представлены все специальности, общий список которых составлял, по нашим данным, свыше ста тридцати наименований, могло быть разным и их соотношение. При всем многообразии ремесел в каждом из городов выделялось несколько отраслей производства, которые были ведущими и в значительной мере определяли своеобразие хозяйственного профиля.

Материалы источников не дают возможности перечислить, какими именно отраслями ремесла в XVI в. один город отличался от другого. К тому же сам характер изложения не всегда позволяет локализовать отдельные производства (это прежде всего касается многих нишанов из сборника «Мактубат ва аснад»). И все же анализ довольно скудных и отрывочных сведений позволяет установить некоторые виды ремесла, характерные именно для Самарканда, или наоборот — только для Бухары. К сожалению, эти отдельные данные не всегда характеризуют ведущие отрасли ремесленной промышленности.

По свидетельствам источников, Самарканд в XVI в. славился особым сортом бумаги, известной в других областях и странах под названием «самаркандской»<sup>31</sup>. Самаркандский бархат кермези также вывозили из Средней Азии «во все края и страны»<sup>32</sup>. Самарканд специализировался кроме того, на художественной обработке камня, особенно на изготовлении каменных надгробий из местного мрамора белого и серого тонов. Резчики по камню вырезали изысканный узор на мраморе, выбивали пышные надписи на фамильных усыпальницах. Они припи-

<sup>29</sup> См. документы о рабах из «Маджму'а-йи васаник»; Матлаб ат-талибия, л. 81б; Т. Файзиёв. Бухоро хонлигида кул савдоси, Ташкент, 1969.

<sup>30</sup> Р. Г. Мукминова. Народные движения...

<sup>31</sup> Р. Г. Мукминова. К истории производства самаркандской бумаги...

<sup>32</sup> Бабур-наме, стр. 62.

мали заказы не только представителей местной городской знати, но и феодалов из других городов<sup>33</sup>.

Еще более скудны сведения источников о специализации в выделке ремесленных изделий, характерных для Бухары. И все же изучение материалов позволяет говорить о выделке здесь «бухарской алачи», а также «бухарских луков», пользовавшихся большим спросом у соседних народов, в частности, у кочевых племен. «Луки» и «луки, отделанные золотом» ( *کمان طلاکار* ) числятся в списках товаров, вывозившихся из Бухарского ханства в Московское государство<sup>34</sup>.

Этим не исчерпывается список самобытных изделий местных мастеров. Однако отсутствие материалов вынуждает ограничиться пока лишь отдельными примерами.

Цифровые данные, характеризующие распространение ремесел, и даже точный перечень отраслей ремесла в государстве Шейбанидов отсутствуют. Это не удивительно, ведь о России более позднего времени В. И. Ленин писал: «Вследствие крайне неудовлетворительного состояния нашей экономической статистики никаких точных данных о степени распространения ремесла в России не имеется»<sup>35</sup>.

Просмотренные источники дают возможность установить наличие большого числа специалистов, проживавших в Бухаре и Самарканде в XVI в., и несколько расширить список ремесленников по отраслям составленный и опубликованный М. Ю. Юлдашевым на основе изданных казийских документов XVI в.<sup>36</sup>

В число их входят: шлифовальщик (резчик?) по металлу методом «чархкари» ( *چرخکاری* ), многочисленные специалисты, оформлявшие рукописные книги, каждый из которых выполнял лишь одну из операций и имел соответствующее наименование<sup>37</sup>. Были мастера, специализирующиеся на шитье и отделке разных видов обуви, платья, головных уборов, профессионалы кожевники — чармгар ( *چرمگر* ), специалисты по выделке высокосортной шагреновой кожи — кимухтгар ( *کیمختگر* ) и другие.

Разделение труда между прядильщиками, отбеливателями, красильщиками и набойщиками подтверждается наличием в Самарканде

<sup>33</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. II, стр. 954.

<sup>34</sup> МИУТТ, ч. I, текст, стр. 439.

<sup>35</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 329.

<sup>36</sup> М. Ю. Юлдашев. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв., Ташкент, 1964, стр. 12—13. Уточнение некоторых терминов см.: О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара, стр. 12, прим. 23.

<sup>37</sup> См. указы, составленные на имя Бехзада и старшины музыкантов. Макутбаг ва аспад, л. 1696—1706, 214а.

и Бухаре отдельных мастерских, красилен и заведений, где на ткань набивались цветные узоры. Шелкомотание и шелкокручение составляли самостоятельные операции, в значительной степени отделившиеся от ткачества. Возможно, такое же расчленение существовало и в области производства шерстяных тканей. Во всяком случае тот поставщик, у кого Дарья-хан приобрел расчесанный козий пух, не занимался прядением шерсти, по крайней мере той шерсти, о которой говорится в решении<sup>38</sup>. В круг специализации было втянуто не только городское население, но и часть жителей пригородов. Определенную роль играл также обслуживающий персонал — весовщик, грузчик (ترازودار، حمل) и другие.

Продукты производства городского ремесла предназначались для удовлетворения потребностей как феодальных кругов, так и широких слоев рядового населения, и в этом отношении среднеазиатские города имели много общего со средневековыми городами Западной Европы, промышленность которых в XIV—XV вв. переживала значительный подъем. В городах Германии, например, как выявлено Ф. Энгельсом, в XIV и XV вв. место «феодальных локальных сельских промыслов заняло городское цеховое ремесло, продукты производства которого предназначались для более широких кругов и даже для более отдаленных рынков... Наряду с ткачеством особенно широкое развитие получают и те соприкасающиеся с искусством отрасли производства, которые питала светская и церковная роскошь позднего средневековья: труд золотых и серебряных дел мастеров, скульпторов и резчиков по дереву, граверов на меди и по дереву, оружейников, чеканщиков медалей, токарей и т. д.»<sup>39</sup>.

Ведущими отраслями городского ремесла в Средней Азии в XVI в. были ткацкая, гончарная, обработка металлов, производство писчей бумаги, строительное дело, изготовление одежды и пищевых продуктов. Особенно велика была роль хлопкоткацкого производства и отраслей, связанных с отделкой хлопковых изделий. Заметное место в городском хозяйстве занимала выделка шелковых материй.

Приведенных материалов достаточно для определения высокой степени специализации городского ремесла в XVI столетии, его многоотраслевого характера.

Внутриотраслевое территориальное разделение труда было одним из важнейших признаков ремесленной промышленности XVI в. Отделение сырья от производителя стимулировало развитие производительных сил, влияло на дальнейшее усиление дробной специализации.

<sup>38</sup> Маджму'а-йи васакк, л. 189а.

<sup>39</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 346.

## Глава I

### ОТРАСЛИ РЕМЕСЛА

#### ТКАЦКОЕ ДЕЛО

Как и в других странах, в Средней Азии «ткачество, которым до того крестьяне занимались между делом, чтобы изготовить себе необходимую одежду, было первым видом труда, получившим благодаря расширению сношений толчок к дальнейшему развитию»<sup>1</sup>.

Материалы источников свидетельствуют о том, что ткачество в Средней Азии играло ведущую роль среди других отраслей феодальной промышленности. Письменные памятники этого времени донесли до нас значительное число наименований профессионалов-ремесленников, занимавшихся выделкой и отделкой разных видов тканей, специализированных (на производстве и реализации хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных материй) мастерских, лавок, торговых рядов и базаров, а так же названия самих тканей и изделий из них. Даже простое упоминание этих названий в совокупности со случайно сказанными словами историков, указаниями юридических документов и определениями поэтов представляют определенный интерес для исследователя, ибо это помогает установить разновидность и назначение тканей, использовавшихся среднеазиатским населением, выявить место их изготовления, а в отдельных случаях — их качество и стоимость, размеры (ширину и длину) купонов и судить об уровне текстильного производства в XVI столетии. Сведения письменных источников представляют особый интерес и потому, что образцов местных средневековых тканей дошло до нас очень мало, в плохой сохранности, по времени же они относятся к разным столетиям, и не всегда ясно, были ли они изготовлены в Средней Азии или же относились к категории товаров, импортировавшихся из других стран.

Ткани, остатки которых найдены в самаркандских мавзолеях Ишрат-хана, Гур-Эмир и Шахи-Зинда, изготовлены в период наиболее

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 55.

близкий к рассматриваемому<sup>2</sup>. Бесспорно, ими пользовалась аристократическая часть местного населения. Основную часть указанных тканей исследователи предположительно относят к завезенным из других стран. Археологические материалы, характеризующие некоторые ткани, этим пока ограничиваются. Поэтому даже отрывочные сведения письменных источников представляют интерес как фактический материал о профессиональном занятии ткачеством и отделкой готовых тканей населения Самарканда, Бухары и их округи, о наименованиях материй, а также о соответствующих организациях ремесленников. Большинство этих сведений датировано.

Ниже приводится перечень тканей с краткой характеристикой тех из них, относительно которых нам удалось извлечь данные из обширного круга письменных источников, созданных в ту эпоху. Особое место среди этих источников принадлежит актовым материалам. Следует оговорить, что предлагаемые описания не претендуют на всесторонность и исчерпывающую полноту, поскольку они основаны на изучении лишь письменных источников и только тех из них, которые относятся к определенному, сравнительно короткому периоду. Более глубокое исследование вопроса является предметом будущего.

Большинство названных здесь тканей имеет среднеазиатское происхождение.

**Карбас** (کرباسی). Одной из распространенных в Средней Азии хлопчатобумажных материй была ткань карбас (из санскритского карпасси — «хлопок»). Она производилась задолго до XVI в., и позже, вплоть до начала XX в. В письменных сочинениях на узбекском языке эта ткань обычно называется базз, буз (بوز، بزز)<sup>3</sup>. В таджикско-персидских произведениях, например, в мемуарах Зайниддина Васифи<sup>4</sup> и Фазлаллаха ибн Рузбихана<sup>5</sup>, ткань определяется словом карбас. В однотипных рисала читгаров на узбекском и таджикском языках она соответственно называется буз (базз) и карбас.

<sup>2</sup> В. Н. Кононов. Анализ ткани савана из детского погребения в склепе Ишратхана, Сб. «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958; В. А. Шишкин. Гур-Эмир, Научные труды ТашГУ, вып. 232, Ташкент, 1964; Н. Б. Немцева. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в., Сб. «Из истории искусства великого города», Ташкент, 1972; Е. Ф. Федорович. Исследования средневековых тканей Самарканда, Сб. «Из истории искусства великого города»; О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 80.

<sup>3</sup> Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, стр. 41. Рисала-и читгари, № В-1900 (23); Махмуд Кошгарий. Туркий сүзлар девони (Девону луготит турк), т. III, стр. 134.

<sup>4</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. II, стр. 1127.

<sup>5</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, л. 84а.

Бязь нередко встречается в числе хлопчатобумажных тканей, экспортировавшихся в XVII в. из Средней Азии в Московское государство. В посольских письмах лишь в редких случаях упоминается карбас. В русском тексте описи товаров, привезенных хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром (ноябрь 1641 г.), фраза, написанная в подлиннике на таджикском языке *جامه کرباس شصت جامه* передана в форме: «карбас 60 отрезов», т. е. слово карбас оставлено как в таджикском тексте<sup>6</sup>. В большинстве других подобных документов использовано слово «бязь». Следовательно, в XVI в., как и позже, одна и та же ткань у тюркоязычных и таджикоязычных народностей, проживавших на территории Мавераннахра и Хорасана, называлась по-разному — карбас и буз (базз)<sup>7</sup>. В России эта ткань была известна в основном под названием «бязь». Отсюда выражение «бязинный, бязевый, из бязи сделанный»<sup>8</sup>.

Бязь представляла собой хлопчатобумажную ткань полотняного переплетения. В документе конца XVI в. упоминается «карбас дунимбанди» (*کرباس دونیم بندی*), что позволяет предполагать наличие ткани карбас разной плотности<sup>9</sup>. Простая, прочная и теплая она изготовлялась городскими и сельскими жителями для продажи и для собственного употребления. Из нее шились платья и рубашки; из окрашенной бязи стегали одеяла, делали скатерти; красильщики кусок такой ткани использовали для процеживания раствора краски, из нее шились мешочки, ею пользовались как бинтом. Занимательный эпизод о применении бязи мы находим в мемуарах Зайниддина Васифи. Это место мемуаров представляет значительный интерес для расширения наших знаний об использовании карбаса в быту городским населением. Поэтому позволим себе привести краткое изложение текста Васифи.

В 1507 г. после смерти Султана Хусейна два враждующих царевича, Баднуззаман-мирза и Музаффар Хусейн, поделили между собой власть и трон, почему звание шаха им, по словам Васифи, соответствовало так же, как «деревянным фигуркам в шахматах». В результате,

---

<sup>6</sup> В первой части фразы *جامه کرباس شصت جامه* слово *جامه* (جامه) означает «отрез», в конце же фразы под «джама» подразумевается «отрез на одежду». МИУТТ, текст стр. 426—427, перевод, стр. 168.

<sup>7</sup> Одновременное употребление этих двух названий применительно к XIX в. отмечено в литературе. П. Н. Пашино писал, что бязь или карбас — это бумажная неокрашенная материя (П. Н. Пашино Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки, СПб., 1868, стр. 140). См. также: М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча, стр. 17.

<sup>8</sup> В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. 158.

<sup>9</sup> Маджму' а-ин васанк, л. 96а.

потерпев поражение от войск Шейбани-хана, они бежали, бросив жен, обширные владения и несметные богатства. В занятом войсками узбекского хана Герате шахини думали лишь о своем спасении и сохранении хотя бы части имущества.

В связи с этими событиями Васифи рассказывает и о своих похождениях в Герате, в которых он выступает в роли героя, помогающего спрятать сокровища (خزینہ) шахини. Переодетый в грязную одежду, обмотав голову рваной чалмой, в старой тубетейке<sup>10</sup>, он вместе со своим родственником Гиясиддином переносит ценности в безопасное место. Драгоценности были уложены в мешки и сумки, тут же сшитые из куска карбаса (پارہ کرپاس). Из сундука для одежды вытащили великолепный халат, который Васифи надел на себя и, подвязав его полы к поясу, прикрепил поверх мешок из карбаса с драгоценностями, а золотые предметы положил в папку (چزدان) и спрятал за пазуху.

Другим куском карбаса он обвязал левую, якобы сломанную, руку. В складки обмотки также были спрятаны дорогие камни, как и под подвязку для руки, одетую на шею и сделанную из старого платка (полотенца). Поверх всего Васифи снова надел старый халат и вместе с переодетым Гиясиддином в течение семи дней успешно переносил драгоценности царицы, «выдавая себя за несчастного калеку» и получая в пути медные гроши от некоторых сердобольных узбекских воинов<sup>11</sup>.

При отбеливании бязь могла стать белоснежной, однако в большинстве случаев ткань сохраняла желтоватый или сероватый оттенок.

Бязь окрашивали в разные цвета. В рисала читгаров на узбекском языке говорится, например, что бязь может быть восьми цветов: черного (قارا), синего (کوک), желтого (سارق), зеленого (سبز) цвета муравья (رنگ موری), цвета серой белки (سناپ رنگ) фиолетового (بغم رنگ)<sup>12</sup>.

Можно было якобы получить ткань 72-х цветов. Правда, цифра 72 была принята в мусульманской литературе как условное обозначение большого количества. В данном случае, по-видимому, эта цифра должна была означать «очень много». Указанная рисала относится ко вре-

جامه چرکین [پارہ] کنیزکی را در بر کردم و فوطه پارہ پارہ<sup>10</sup>  
غلامی را با طاقیہ کہ لایق آن بود بر سر تابه پیش آبرو بیچیدم  
(Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1123).

<sup>11</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1122—1128; см. также: А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества..., стр. 351—352.

<sup>12</sup> Рисала-и читгари, В-1900 (23), строка 56. Прочитать и определить еще одно название не удалось.

мени более позднему, однако можно вспомнить, что остатки набивной ткани из гробницы Биби-ханым очень близки к тканям XIX в., что дает нам право сведения рисала о наличии бязи разных расцветок отнести и к XVI в.

О сравнительной дешевизне бязи можно судить со слов Алишера Навои, который характеризуя купцов ( *تجار* ) и отражая их страсть к наживе, сообщает о стремлении последних превратить одну (деньгу) в сто, а бязь — в дорогостоящую ткань:

بیری یوز بولور دین باشیدا سودا  
بوزی کتان بولور دین کوتگیدا تمنا

По словам поэта, городские перекупщики при покупке ткани катан принимают ее как бязь, при продаже же — бязь оценивают дороже катана<sup>13</sup>.

Дешевая и практичная, бязь отличалась большой товарностью и имела широкий спрос на месте производства — у населения сел, городов и пригородов. Она экспортировалась также в другие области, порой довольно отдаленные. Продавцы карбаса (бязи) — карбасфурушан, упоминаются в письменных источниках<sup>14</sup>. Они производили торговые операции в городе и за его пределами.

Фазлаллах ибн Рузбихан рассказывает, что кочевое население нуждалось в ткани карбас<sup>15</sup>. В мирное время кочевники получали ее через посредство купцов, а в годы феодальных междоусобиц, когда торговые маршруты временно (иногда на продолжительное время) становились опасными и торговые операции приостанавливались, децтикипчацкие султаны — предводители военных отрядов, организовывали, по свидетельству Ибн Рузбихана, вторжения в Мавераннахр и увозили карбас<sup>16</sup>.

К более раннему времени относится сообщение Рашид ад-дина, который среди различного рода товаров трех купцов из Бухары, шедших в области, где жили монголы, называет карбас, занданечи, златотканную ткань зарбафт (парчу) и другие сорта материй. По словам историка, Чингиз-хан «приказал дать за каждую штуку зарбафта один балыш золота, а за карбас и занданечи по балышу серебра»<sup>17</sup>.

В посольских приказах, письмах, челобитных и т. п., составленных в основном в XVII в., встречаются упоминания о ввозе среднеазиатскими послами бязи в Россию. Приведем несколько примеров. В начале 1620 г. в Казань были доставлены и распроданы ургенцским послом

<sup>13</sup> Алишер Навои. Мухбуб ал-кулуб, стр. 41—43.

<sup>14</sup> Маджму'а-йи васаяк, л. 1196.

<sup>15</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, л. 84а.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 187—188.

«14 ямей бязи... да 270 бязей белых»<sup>18</sup>. Среди бухарских товаров, привезенных в Астрахань в 1634 г., которые Ходжа Ата-Кули не пожелал продавать в том городе, ибо цены на них были значительно ниже, и они, согласно челобитной бухарского посла к царю Михаилу Федоровичу, «стоят в Ярославле», упоминается: «664 балха белых бязей и 200 ямей бязи»<sup>19</sup>. Шестьдесят косяков бязи числятся в росписи товаров, привезенных в Московское государство хивийским послом Мухаммедом Амином Баходуром (в списке имущества самого посла называются шестьдесят «отрезков карбаса» (جامه كرباسي)<sup>20</sup>. Можно полагать, что и в XVI в., особенно во второй его половине, когда усиливаются торговые и экономические связи Средней Азии с Россией, карбас вывозился в Московское государство. Также обстоит дело и позже, в XVIII в.

На карте Бухары XIX в. обозначен базар (по продаже) карбаса — Базар-и карбас<sup>21</sup>.

Приведенные материалы позволяют считать, что карбас удовлетворял потребности широкого круга рядовых жителей, как местных, так и других областей и стран.

В источниках имеются два указания на меру длины для измерения карбаса. В одном из них, а именно в вакфной грамоте Хусейна Хорезми, упоминается «зар'-и карбас балада-и Самарканд» (خرع كرباس (بلده سمرقند)). Здесь самаркандский карбасный зар' использован, согласно контексту, для измерения в Самарканде XVI в. тафты<sup>22</sup>. В другом источнике — «Маджму'-а-йи васанк» говорится об отрезе карбаса в 4½ газа большим самаркандским газом (چهار انجم گز كرباسي بگزر (بزرگ سمرقند))<sup>23</sup>. Следовательно, для замера карбаса в Самарканде того времени, по нашим данным, использовались самаркандский карбасный зар' и большой самаркандский газ. Есть указание, что термины газ и зар' употреблялись в средневековой Средней Азии как синонимы<sup>24</sup>.

В имеющихся в нашем распоряжении юридических документах для измерения длины ткани чит использован газ без уточнения, а для заме-

<sup>18</sup> МИУТТ, стр. 133. Под словом «ямей» («яма») подразумевается جامه — «джама» в значении отрез на одежду.

<sup>19</sup> Там же, стр. 143.

<sup>20</sup> Там же, тадж. текст, стр. 426—427, перевод, стр. 168, см. также стр. 198.

<sup>21</sup> А. Р. Мухамеджанов. Историко-топографический план Бухары Ахмуда Доиши, ОНУ, 1965, № 5, стр. 34.

<sup>22</sup> Вакфная грамота Хусейна Хорезми, л. 27а.

<sup>23</sup> Маджму'-а-йи васанк, л. 96а.

<sup>24</sup> Мухаммед Вафа-и Карминаги. Тухфат ал-халик, ркп. ИВ АН УзССР, № 16, л. 201а; Е. А. Давидович. Материалы по метрологии., стр. 110; В. Хинц. Мусульманские меры и весы..., стр. 63.

ра ширины той же ткани — газ-и мукассар («укороченный газ»). К сожалению, ни длина газ-и мукассара, ни длина большого самаркандского газа, ни самаркандский карбасный зар' для Самарканда XVI в. пока не установлены.

**Алача** (الاجه). Среди среднеазиатских тканей большой товарностью отличалась также алача. О ее распространенности на территории Средней Азии свидетельствуют сравнительно частые упоминания в юридических документах ткачей алачи — алачабафан; их жилые дома в Бухаре нередко встречаются в документах архива джуйбарских шейхов<sup>25</sup>. Относительно Самарканда называются не только ткачи, но и мастера — алачабафы, обучающие своей профессии учеников — шагирдов.

До нас дошли три договора, составленные в связи с поступлением мальчиков на обучение к ткачам алачи. Эти соглашения были заключены в 1589—1590 гг. между мастерами Устод Кучаком, сыном Устода Джав Али, Устод Назар Мухаммедом, сыном Устода Дустан Али, и Устод Мухаммед Касимом, сыном Устода Тамли (?) Мухаммеда, — с одной стороны, и учениками (или их близкими) — Турсун Мухаммедом, сыном Курбана, Султаном Али и Кул Мухаммедом, — с другой. Согласно договорам, каждый из упомянутых шагирдов, поступая к одному из названных мастеров, должен был по истечении указанного в соглашении срока получить специальность ткача алачи<sup>26</sup>.

В вакфном документе в пользу мавзолея Ишрат-хана в списке пожертвованного имущества упоминается покрывало «из алачи — катан египетский» (الاجه كنان مصري). В сносках В. Л. Вяткин уточняет, что алача, это «шелковая или полшелковая полосатая ткань», а «катан — полотняная ткань». В другом месте того же документа слово алача встречается в связи с передачей в вакф трех занавесей, которые должны были быть повешены перед гробницей. Одна из них описывается как «алачовая, по ней обшивка катани алая и алача искандерани (александрийская) с подкладкой бухарской алачи, оторочкой панбирик, и еще одна алачовая, катан с подкладкой голубой»<sup>27</sup>.

Из цитируемого мы узнаем, что алача, вероятнее всего в зависимости от места выделки, определялась как бухарская и александрийская (искандерани). Возможно, в Бухаре изготовлялась алача, отличавшаяся особыми качествами, чем, на наш взгляд, и можно объяснить наличие наименований александрийская и бухарская алача.

Уже упоминалось, что в Самарканде были мастера-специалисты по выделке алачи. По данным юридического документа более позднего вре-

<sup>25</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 10, 12, 52, 57, 81.

<sup>26</sup> Маджму 'а-йн васаяк, л. 118а, 119а, 121а.

<sup>27</sup> В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 126, 128.

мени, в городе рядом с мучным базаром и базаром одежды находился Алача-базар<sup>28</sup>. Однако мы не знаем, отличалась ли в XVI в. самаркандская алача от бухарской.

Приведенные материалы, касающиеся мастеров-алачабафов и тка-ни алача, относятся к двум крупнейшим центрам экономической жизни Мавераннахра. Между тем, отдельные данные свидетельствуют о выра-ботке алачи и в менее крупных ремесленных центрах. Так, на наш взгляд, можно рассматривать название одного из небольших селений — Дехче-и Алачабафан, входившего в селение Рахшабад тумана Руд-и шахр-и Бухара. Можно полагать, что жители этого местечка специали-зировались на выделке алачи. Сельцо это упоминается в документе, составленном в декабре 1561 г. в связи с покупкой земель джуйбарским шейхом Мухаммед Исламом<sup>29</sup>.

В начале XIX в. алача выдывалась в нескольких городах Бухар-ского ханства. В большом количестве ее выдывали в Шахрисабзе; а каршинцы в умении ткать эту «полушелковую ткань» «не имеют себе равных», — сообщал один из очевидцев. Однако как и прежде все это продолжало выдываться «по-старинному, ручным способом»<sup>30</sup>.

Для XVI в. нет конкретных данных, позволяющих определить ма-териал, из которого вырабатывалась алача. Отдельные сведения позво-ляют говорить о том, что это была полосатая хлопчатобумажная или полушелковая ткань. Вырабатывалась она из высококачественной тон-кой и ровной пряжи разных расцветок. По более поздним данным, ала-ча орнаментировалась темными или яркими, интенсивно окрашенными полосами, с темным, обычно синим, утком<sup>31</sup>.

Широкому распространению алачи способствовали ее прочность и дешевизна<sup>32</sup>.

Название алача, по мнению О. А. Сухаревой, происходит от сло-ва «ала» ( *Al* ) — «пестрый». Именно поэтому в России эта ткань была известна под названием «пестрядь»<sup>33</sup>. В описях товаров, достав-ляемых из Средней Азии в Московское государство в XVII в., в числе других тканей нередко упоминаются пестряди. Например, в сообщении

<sup>28</sup> ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 10484.

<sup>29</sup> Из архива шейхов Джуйбара, Док. 200.

<sup>30</sup> Абд-ур-Рауф. Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть). Перевод с перс. А. Н. Кондратьева, Самарканд, 1913, стр. 59, 60, 74, 98.

<sup>31</sup> О. А. Сухарева. Художественные ткани, стр. 26; М. В. Фехнер. Торговля русского государства..., стр. 71.

<sup>32</sup> Ал Вамбери. Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865, стр. 154, 351; О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 58, 61; П. И. Неболь-син. Очерки торговли России с Средней Азией, ЗИРГО, кн. X, СПб., 1865, стр. 286.

<sup>33</sup> О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 61; Она же. Ху-дожественные ткани, стр. 26; А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самар-канде XV—XVI вв., стр. 44.

об «отпуске из Туринска в Верхотурье бухарских купцов с ними товар» называются две пестряди и еще пять пестрядей; посол хивинского государя Араб-хана в 1620 г. продал в Казани 670 пестрядей; в 1620-х гг. бухарец Ходжа Ибрахим привез в Россию 1300 киндяков цветных; в росписи товаров, привезенных из Средней Азии в середине XVII в., числятся 18 косяков пестрядей; в списке разграбленных товаров хивинского посла называются 50 пестрядей<sup>34</sup>.

Полосатые ткани, правда довольно редко, мы видим на костюмах некоторых персонажей, на подушках-мутаках и других предметах обихода, изображенных на миниатюрах XV—XVI вв.<sup>35</sup>

По преданию, изложенному в двух рисала мастеров-ткачей «Бафандалик рисаласи» и «Рисала-и бафандачилик», составленных на узбекском языке, основателем искусства выделки алачи считался Шейх Наджмиддин Кубра<sup>36</sup>.

**Фута** (فوطه فوته). В письменных источниках нередко упоминается фута (фата) — легкая полупрозрачная ткань, как это установлено для более позднего времени.

В. Клейн, проанализировавший техническое строение тканей и рассмотревший типические особенности в переплетении их нитей, на основании исследования сохранившихся образцов футы пришел к заключению, что фута — ткань всегда чисто шелковая, состоящая из тончайших некрученых нитей, тогда как фута-покрывало, по его определению, могла быть разнообразных сортов, в том числе и миткалевая, т. е. хлопчатобумажная<sup>37</sup>.

На рынках Самарканда, как видно из юридических документов, обращалась и шерстяная фута. Так, например, в числе товаров Муллы Раджуи Мултани (юридический документ, составленный в Самарканде в самом конце 1589 г.) упоминается шерстяная фута (فوطه موی بافی)<sup>38</sup>.

В Средней Азии XV—XVI вв. термин фута использовался для обозначения разных деталей одежды. Ею мог быть кусок ткани, кото-

<sup>34</sup> МИУТТ, стр. 109, 133, 134, 153, 169, 198. По определению В. Клейна, киндяк — окрашенная бумажная материя (В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 70; См. также: Ю. Н. Завадовский. К вопросу о восточных словах в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.), Труды Института востоковедения, вып. III, 1954, стр. 142.

<sup>35</sup> Например, ткань подушки под головой больного Бабур. Миниатюра 8 (Миниатюры к Бабур-наме, Ташкент, 1969).

<sup>36</sup> Бафандалик рисаласи, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-1900 (8), л. 56; Рисала-и бафандачилик, л. 8а.

<sup>37</sup> В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 65; Абул-Фазл Бейхани. История Мас'уда 1030—1041, Ташкент, 1962, стр. 740.

<sup>38</sup> Маджму 'а-йи васайк, л. 184а.

рый в виде тюрбана обматывался вокруг головы. Футой — большим продолговатым шелковым платком женщины покрывали голову.

Среди захваченного завоевателями у покоренного населения Хисара платья ( *کونگلاک* ), кафтанов ( *خفتانلار* ), халатов

( *چکمه* ) и чекменей ( *چکمن* ) Мухаммед Салих называет и футу ( *فوطة* ), которую в данном контексте можно рассматривать как пояс или чалму<sup>39</sup>.

Длинная полоса ткани фута применялась как кушак для перепоясывания халата (кушаки — фата *فوطة* числятся, например, в росписи среднеазиатских товаров 1641 г.). На миниатюрах гератско-самаркандских мастеров верхние платья мужчин нередко перетянуты широкими или узкими матерчатыми кушаками. Спускающиеся концы кушаков, обтягивающих фигуры знатных вельмож, расшиты золотом.

Золотом обычно вышивались и концы чалм. Такими были, надо полагать, девять «чалм кисейных шелковых концы с золотом», упомянутых в списке товаров балхского посла Ходжа Ибрахима, ограбленного в 1640 г. предводителями калмыков по дороге в Астрахань<sup>40</sup>. Футой же, вероятно, более дешевыми сортами, перепоясывались ученики при обряде *камар-баста* — посвящения их в мастера<sup>41</sup>.

Специальная рабочая фута — пояс ( *فوته کار* ), вероятнее всего, старый поношенный кушак, надевался мастерами-читгарами перед тем как приступить к работе в мастерской, так же как и другие виды рабочей одежды *چامه کار*, *کرته کار*, *طاقه کار*<sup>42</sup>.

Полосы футы использовались и как банные полотенца. Зайниддин Васифи, передавая рассказ о событиях конца XV в., говорит, что обычно скромно одевавшийся Абдурахман Джами (а между тем, он был очень богат), опоясывался банным полотенцем из футы.

Фута, как деталь одежды знатного юноши конца XV в., упоминается в «Бадаи' ал-вакаи'». Она определяется как йездская тканая золотом ( *فوطة زرینت یزدی* ). В Герате этого времени указанная фута оценивалась в 50 танга<sup>43</sup>. Фута-и бенареси, называемая в другом источнике (конец XVI в., Самарканд), оценивается значительно дешевле — в 2 танга<sup>44</sup>.

<sup>39</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 105.

<sup>40</sup> МИУТТ, стр. 150.

<sup>41</sup> Е. М. Пешерева. Гончарное производство в Средней Азии, стр. 330.

<sup>42</sup> Рисада-и читгари, № 5003, л. 14а.

<sup>43</sup> Зайниддин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', стр. 623, 541.

<sup>44</sup> Маджиу 'а-би васанк, л. 26а.

Известно, что в форменных одеждах фатимидских халифов переязи из футы и других тканей разной ценности служили одним из существеннейших признаков различий их носителей<sup>45</sup>. Также, надо полагать, было и в Средней Азии: представители разных социальных слоев населения надевали пояса разных ценностей.

В казийском документе конца 1589 г. в перечне товаров разных тканей и ткацких изделий, полученных Устодом Джаухаром, сыном Абдуллы, и его супругой Биби Саусан, дочерью Абдурахима, называется несколько видов футы: две штуки футы джамрутинской (جمروئی), три штуки футы белой танасарийской (?) (تانه سري), четыре штуки футы шерстяной (موی باق)<sup>46</sup>. Упоминание в документах о футе александрийской, йездской и индийской (три «футы индийских» значится в росписи товаров, привезенных балхским послом Ходжа Ибрахимом; это название, вероятно, могло объединить джамрутинскую, танасарийскую и бенаресскую футу)<sup>47</sup> наводит на мысль, что в зависимости от места производства футы отличалась определенными качествами.

Фута выделялась в XVI в. и на территории Самарканда. В сборнике казийских решений имеется соглашение о поступлении в обучение к мастеру ткацкая футы Устоду Шахмухаммеду Футабафу, сыну Устода Яр Кули, ученика по имени Мир Мухаммед, сына Кутлук Мухаммеда. По истечении четырех лет ученик должен был приобрести специальность ткача футы (فوطه باق)<sup>48</sup>. По другому соглашению (от того же года — 998 г. х.) из той же серии документов, мальчик по имени Субхан-Кули отдан был в обучение профессии футадача (فوطه دار) мастеру Устоду Субхи<sup>49</sup>.

К приведенным данным следует добавить сведения, заключенные в акте о разделе имущества, оставшегося после смерти самаркандского скупщика Тагри Берди<sup>50</sup>. В описи товаров числятся 15 штук фута-и набафта (فوطه نابافته), оцененных в 75 танга. Содержание термина набафта не выявлено, можно только полагать, что под этим словом подразумевается полусырье, из которого в дальнейшем изготовлялась фута. Среди наследства называются также 429 штук фута-и талвали

<sup>45</sup> К. Иностранцев. Торжественный выезд фатимидских халифов, ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 63.

<sup>46</sup> Маджму 'а-йи васанк, л. 184а; Казийские документы XVI в., Док. 57, текст.

<sup>47</sup> МИУТТ, стр. 153; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 541.

<sup>48</sup> Маджму 'а-йи васанк, л. 119б.

<sup>49</sup> Там же, л. 120а. Значение термина (فوطه دار) не выяснено.

<sup>50</sup> Там же, л. 229а—229б.

( فوطه تلوئی ), а также фута- и гилим (?) ( فوطه گلیم ). К сожалению, значение данных терминов также не выявлено, поэтому отдельные места, и в том числе цитированные, остаются для нас не ясными. Следует также отметить необходимость дальнейшей работы по выявлению содержания и других встречающихся терминов. Тем не менее, сведения акта могут служить материалом, характеризующим сложный процесс изготовления отдельных видов тканей и детальное разделение труда при их изготовлении.

На самаркандских и бухарских рынках реализовывались разные виды футы, имевшие, как указывалось, различное назначение, часть их вывозилась в другие страны, в их число входили и транзитные, в частности, фута, выделяемая в разных областях Индии и перевозимая через Среднюю Азию в Россию.

В конце 1641 в. хивинский посол Мухаммед Амин Баходур привез в Москву большое количество разных тканей и изделий из них. Среди них в «Росписи посольским Эминь-Богатыря животам» называются семьсот штук кушаков, в соответствующем месте персидско-таджикского текста определенных как фута: *فوطه هفت صد عدد*<sup>51</sup>, т. е. в Россию из Средней Азии в XVII в. доставлялись специально изготовленные полотнища ткани, предназначавшиеся для кушаков, которые считались необходимым дополнением к распространенным в то время длиннополым кафтанам<sup>52</sup>. В Московское государство привозилась также фута, предназначавшаяся для покрытия головы (убрус) и для чалмы («9 чалм кисейных шелковых концы с золотом»). Фута упоминается и в списке подарков хивинского посла НаDIR Мухаммеда, которые были преподнесены разным чиновным лицам, о чем он в 1679 г. сообщал в челобитной царю Федору Алексеевичу<sup>53</sup>.

Наше внимание привлекает тот факт, что в списке подарков, преподнесенных царю Михаилу Федоровичу бухарским послом Кази бей Ногаем, упоминаются два разных вида футы: «фата же полосатая шелковая» и «фата кисейная»<sup>54</sup>, что подтверждает бытование в рассматриваемый период разных видов футы.

Термин фута в более позднее время встречается в русских источниках как изделие, выделяемое в России из среднеазиатского хлопка и полусырья. В записках о девятилетнем странствовании Филиппа Ефремов в 70-х годах XVIII в. пишет, что в Средней Азии «в великом количестве родится хлопчатой бумаги, из коей прядут пряжу, а из пряжи

<sup>51</sup> МИУТТ, текст, стр. 426—427; перевод, стр. 168.

<sup>52</sup> М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 73.

<sup>53</sup> МИУТТ, стр. 440.

<sup>54</sup> М. Ю. Юлдашев. К истории торговых и посольских связей..., стр. 34.

ткнут чадры, широкий холст, с которого у нас [в России] делают полуситец, набойку, кисеи, пестряди, выбойки, фаты, бурметы, бязи и другие разные ткани, кои отвозятся в другие земли»<sup>55</sup>.

Итак, на рынках Самарканда и Бухары обращалась фута разных сортов и видов — бумажная, шелковая, шерстяная, — имевших разное назначение и производившихся в разных местах, в том числе и в Средней Азии (по нашим данным, в Самарканде).

Согласно одной из рисала ткачей, основателем тканья футы считался Ходжа Абдулхалик Гиждувани<sup>56</sup>.

**Катан** ( *کتان* ). Прочная и дорогая, ткань катан находила применение в аристократических кругах. Из нее делались скатерти (дас-тархан-и катан — *خوان کتان* упоминается среди имущества, передаваемого в вакф в пользу мавзолея Ишрат-хана), шились халаты (джама-и катан), а также матрацы (бастар-и катан *بستر کتان* числится в описи имущества самаркандского скупщика, которое подлежало разделу между наследниками). Иногда одежда из катана отделялась золотым шитьем и драгоценными камнями.

Сравнение катана и бязи — наиболее дорогой и очень дешевой ткани, — приведенное Алишером Навои<sup>57</sup>, прекрасно осведомленным в вопросах экономики страны, дает нам представление о ценности катана.

По свидетельству Зайниддина Васифи, все вельможи Герата времени Абдурахмана Джамии носили изысканные роскошные одежды из шерсти, красного сукна (сакарлат) и катана. Видимо, катан был разной расцветки. Тот же автор, описывая костюм эмира Ходжи Пира, одного из приближенных Султана Хусейна, говорит, что он был одет в полотняный халат — джама-и катан, украшенный золотым шитьем и драгоценными камнями. В руках у него был платок из голубого катана<sup>58</sup>.

По упомянутому вакфному документу 1464 г., составленному от имени Хабибы Султан, дочери эмира Сухраба, среди движимого имущества, передаваемого в пользу мавзолея Ишрат-хана, называется надгробное покрывало из египетского катана<sup>59</sup>. Пять матрацев из катана числятся в списке имущества скупщика Тангри Берди<sup>60</sup>. Все это говорит о распространенности среди зажиточной части населения ткани катан. Мы не располагаем конкретными данными о выработке катана на территории Средней Азии.

<sup>55</sup> Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование, М., 1950, стр. 26.

<sup>56</sup> Рисала-и бафандачилик, л. 76.

<sup>57</sup> Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, стр. 41, 42.

<sup>58</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', стр. 623, 553.

<sup>59</sup> В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 126.

<sup>60</sup> Маджму 'а-йи васайк, л. 2296.

**Тафта** (تافته). Упоминания об этой ткани в наших источниках крайне редки. Более конкретные данные имеются в вакфной грамоте Хусейна Хорезми, согласно которой тафта использовалась для чалмы-тюрбана (دستار) Чалма из тафты длиной в 5 зар<sup>61</sup> «карбасным зар'ом города Самарканда» (بگ دستار تافته پنج ذرعى بلرع كرباس) (بلده سمرقند) входила в число одеяний, которыми мутавалли вакфа должен был ежегодно наделять потомков Хусейна Хорезми, если они станут «нуждающимися»<sup>61</sup>.

**Занданечи** (занданиджи) (زندانیجی). Населению многих стран (Ирака, Фарса, Кермана, Индостана и других) издавна (с VII—VIII вв.) была известна среднеазиатская ткань занданечи. Ее название происходит от селения Зандана близ Бухары, славившегося своей ткацкой мастерской. Первые сведения об этом согдийском центре шелкоткачества относятся к раннему средневековью. Наршахи рассказывает, что при дворах европейских правителей занданечи покупались «по той же цене, что парча». Название этой ткани сохранилось и в более позднее время, хотя с течением столетий она значительно изменилась, как внешним видом, так и материалом из которой она вырабатывалась. История данной ткани неоднократно привлекала внимание историков<sup>62</sup>.

В источниках XVI в., написанных на узбекском и таджикском языках, нам не встречалось наименование занданечи. Между тем, в описях, приводимых в посольских приказах и в других документах на русском языке, среди товаров, ввозимых в Россию из Средней Азии во второй половине XVI и в начале XVII в. (а основную часть их составляли бумажные материи), одно из важных мест занимает «зендень» (от среднеазиатского занданечи). Из 5 тыс. кусков материй, присланных в 1585 г. в Москву на продажу, 4200 были кусками зендея<sup>63</sup>. В челобитной Мухам-

<sup>61</sup> Вакфная грамота Хусейна Хорезми, л. 27а.

<sup>62</sup> Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs a la Transoxiane. Texte persan public par Ch. Schefer, Paris, 1892, p. 18; Абу Бакр Мухаммад ибн Жазфар Наршахий. Бухоро тарихи, форс-тожик тилидан таржима А. Расулевники, Тошкент, 1966, стр. 22; Мухаммед Наршахи. История Бухары, перевел с перс. Н. Лыкошин, Ташкент, 1897, стр. 29 и сл.; П. Савваитов. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской оружейной палаты, СПб., 1865, стр. 40; В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 68; В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии..., стр. 442—443; А. М. Беленицкий и И. Б. Бонтович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества; D. G. Shepherd and W. V. Henning. Zandaniji Identified. Aus der Welt der Islamischen Kunst, Festschrift für Ernst Kuhnel, Berlin, 1959, Отд. оттиск, стр. 56; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 75; А. А. Иерусалимская. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом (Об одной уникальной ткани из Северокавказского могильника Мошелева Балка), НАА, 1967, № 3.

<sup>63</sup> М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 75.

меда Али, посла бухарского хана Абдуллы II, к московскому царю Федору Ивановичу (1585 г.) в списке даров числится 2400 кусков материи, из них — 2100 «зенденей» («всяким цветом» и «объяринных»). «Изюрский» посол Кадиш, прибывший в Москву в 1589 г., привез товар, состоящий из разных сортов «зенденей». Зендени известны были на Руси и в более раннее время. Берестяная грамота (XIV—XV вв.) сообщает, что жительница Новгорода Марина просит купить зендянцу<sup>64</sup>.

Указывается также, что в 1616 и 1619 гг. через Астрахань в Казань «бухарскими и юргенскими тезиками», т. е. купцами Бухары и Ургенча, были привезены зендени: красные, цветные, семенди, узкие и широкие. В 1654 г. через посла хивинского хана Абулгази — Давлат Мамеда, прибывшего в Москву, была передана просьба «прислать в Астрахань бухарских зенденей на 2765 рублей 10 алтын по бухарской цене»<sup>65</sup>.

Эти примеры говорят о важном месте «зендени» в ассортименте текстильных товаров, ввозимых в Россию «тезиками Кизилбашскими, тезиками Бухарскими и Юргенцами». В то же время, приведенные извлечения не позволяют установить, какой вид ткани подразумевался под наименованием «зендень», был ли это какой-нибудь один определенный вид ткани?

Разрешению этих вопросов могут помочь сведения из тех же источников — писем, челобитных, ярлыков конца XVI—XVII в., написанных на персидско-таджикском и узбекском языках и переведенных на русский язык. В челобитной бухарского посла Мухаммеда Али, уже упомянутого выше, среди разных других товаров называются две тысячи «кусков зенденей всяким цветом» и сто «объяринных зенденей»<sup>66</sup>. А в посольском письме русскому царю Федору Ивановичу от «юргенского» посла Ходжа Мухаммеда, прибывшего в 1585 г. вместе с упомянутым Мухаммедом Али сначала в Астрахань, а затем в Казань, в списке купонов тканей числятся двести зенденей красных «да два зенденей всяких цветов». В челобитной от 1589 г. посол Кадиш жалуется царю Федору Ивановичу на «государевых торговых людей сурожского яру» Москвы, отказавшихся платить за купленные у него зендени. «Имал, государь, у меня зендени чары и семенди всяким цветом и черленые зендени, — пишет он, — и за те, государь, за все деньги платятца, а за 100 за черленые не платят, запираютца»<sup>67</sup>. При перечислении товаров бухарца Ходжа Ибрахима Мухаммедова (?) («Хозя-Брегим Магметова»), вместе с другими товарищами отпущенного из Казани вверх по Волге в Ниж-

<sup>64</sup> МИУТТ, стр. 98, 104; В. Л. Янин. Я послал тебе бересту, МГУ, 1975, стр. 149.

<sup>65</sup> МИУТТ, стр. 208, 209.

<sup>66</sup> Там же, стр. 98—99.

<sup>67</sup> Там же, стр. 104.

ний Новгород, упоминается триста зенденей семенди цветных и пятьдесят дюменди цветных. Намного больше, 2626 зенденей червчатых, 2000 зенденей цветных чаровых и 1530 зенденей семенди цветных, значится в списке товаров купца Ходжа Ата-Кули, прибывшего в Ярославль в 1634 г. с ярлыком от имени бухарского хана Имам-Кули.

Далее, в росписи «посольским» товарам, привезенным хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром, числится 1150 зенденей цветных семеней, 2400 зенденей меньшие, 100 зенденей широких бухарских.

Хивинский посол от Абулгази-хана Назар Надыркулов, направлявшийся в Астрахань в 1646 г., был ограблен в пути. В явочной челобитной на имя царя Алексея Михайловича в списке товаров, бывших у него до нападения, он называет 400 зенденей чаровых цветных, 200 зенденей красных чаровых, 100 зенденей бурметей<sup>68</sup>.

Следовательно, в конце XVI—XVII вв. в России известны были привозимые из Средней Азии «зендени широкие бухарские», «зендени бурмети», «зендени всяким цветом», «зендени красные», «зендени красные чаровые», «зендени цветные чаровые» («чаровые цветные»), «зендени чары» («чаровые»), «зендени семенди всяким цветом» (или «семенди цветные»), «зендени дюменди цветные», «зендени черленые», «червчатые», «объяринные зендени».

Эти сведения позволяют полагать, что под названием «зендень» могли подразумеваться разные ткани, отличавшиеся между собой расцветкой, шириной («широкие бухарские»), возможно, качеством. Наше мнение подкрепляется тем фактом, что в таджикском тексте описи товаров, привезенных хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром, слово зендень вообще отсутствует, в то время как в переводе этого текста на русский язык зендень упоминается трижды. Ниже приводятся соответствующие места из таджикского текста указанной росписи и перевод их на русский язык, опубликованные в «Трудах Историко-археологического института и Института востоковедения» в разделе «Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв.».

1. سه بندی الوان هزار و صد و پنجاه عدد — «1150 зенденей цветных семеней». (В данном случае слово «себанди — سه بندی» переводчиком, а позже и издателем, не переведено и передано в искаженной форме «семенди»).

2. دو نیم بندی دو هزار و چهار صد عدد — «2400 зенденей меньшие руки». (Здесь «дунимбанди» — دو نیم بندی переведено «меньшие руки»).

<sup>68</sup> Там же, стр. 135, 143, 168, 198.

3. سه بندى الوان صد عدد. — «100 зенденей широких бухарских». (В этом случае «себанди» — سه بندى передано словами: «широких бухарских»)<sup>69</sup>.

Во всех приведенных текстах на таджикском языке название зендень не упоминается. В первом и третьем примерах изделие определяется словами: «себанди алван» (себанди пестрый), во — втором: «дунимбанди». В русских же текстах во всех трех случаях добавлено «зендень».

Определенный интерес представляет термин себанди (سه بندى), который в русском переводе документа передается в форме «семенди». Это обстоятельство ввело в заблуждение исследователей, интересовавшихся его смысловым содержанием.

Рассматривая значение слова «семенди», В. В. Бартольд писал: «из названий различных видов «зендени» остается необъясненным слово «семенди». В словаре Вуллерса слово «Семенд» приводится как название деревни близ Самарканда; возможно, что ткань семенди выделялась там, хотя в известных мне восточных географических сочинениях этого названия нет, не было его, по-видимому, и в вакуфных документах, исследованных В. Л. Вяткиным»<sup>70</sup>.

Приведенные выше тексты из документов позволяют считать, что слово «семенди» является неправильно переданным персидско-таджикским словом «себанди» (سه بندى). Также в искаженной форме вошел в литературу термин «дюменди», встречающийся в переводах посольских писем на русский язык. Правильное чтение слова «дубанди» (دو بندى) дает основание считать, что речь идет об определенном виде ткани. Термины дубанди, дунимбанди и себанди, как и пурбанд (پربند), встречающиеся в документах при упоминании материй, отражают число нитей основы, т. е. плотность тканей<sup>71</sup>.

По определению В. Клейна, изучившего сохранившиеся образцы тканей в Оружейной палате и Историческом музее в Москве, «зендень» — чисто бумажная ткань без всякого шелка. По технике выработки она схожа с миткальными тканями, однако нити толще. Миткаль же определяется им как ткань полотняного переплетения без окраски<sup>72</sup>.

На основании сказанного можно заключить, что под наименованием «зендень» подразумевалась целая группа тканей. В этом отношении

<sup>69</sup> Там же, текст, стр. 426—427, перевод, стр. 168.

<sup>70</sup> В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии..., стр. 443.

<sup>71</sup> Маджму' а-йи васайк, л. 122а, 182б, 184а. О содержании указанных терминов см. Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла..., стр. 52, 53, 82, 83 и др.

<sup>72</sup> В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 68.

был совершенно прав В. В. Бартольд, отметивший, что под общим названием «зендень» понимались разного вида ткани<sup>73</sup>.

Выше были приведены некоторые данные о выработке и применении хлопчатобумажных тканей, выделявавшихся, в основном, среднеазиатскими мастерами. Мы остановились лишь на тех из них, относительно которых удалось собрать сведения более подробные, чем случайные упоминания. В действительности же список местных тканей был более обширным. В тех же источниках называются, например, малля (в русских источниках — мелля) — хлопчатобумажная ткань коричневатого, естественного цвета хлопка, малмаль (ململ), малмаль шахский (ململ شاهی), чубтар (?) (в текстах встречаются چوبتار и صوتار), хосса (خاصه) и др.

На рассмотренных примерах можно заметить, что ткани, изготавлившиеся местными мастерами, были разными. С одной стороны, это предназначенные для рядового населения, с другой, — более дорогие, вытканые из ровной тонкой пряжи, украшенные набивным рисунком, а порой и вышивкой — для более обеспеченных горожан.

Некоторые ткани подвергались после выделки дополнительной отделке — набиванию узоров и лощению. Судя по наличию специального наименования, лощением тканей занимался мастер-лощильщик — пардазгар (پردازگر). Набивание узоров на ткань производилось читгаром.

Чит (چیت). Все имеющиеся в нашем распоряжении упоминания о специалистах по набиванию ткани и самой ткани чит, относятся к Самарканду. Подобных сведений относительно Бухары XVI в. нет. Остается неясным, объясняется ли это случайным характером письменных сообщений, или же Бухара в этот период, как и в более поздний, не специализировалась на выделке набойки.

В Самарканде конца XVI в., согласно документальным данным, проживало несколько специалистов по набиванию ткани (их, конечно, могло быть гораздо больше). Один из них — Мулла Джамал Читгар, как явствует из договора об ученичестве, составленного 26 зулка'да 998 г. х. (26 сентября 1590 г.), должен был за четыре года обучить своей специальности (صنعت چیت گری) поступившего к нему в обучение мальчика по имени Худай-Кули, сына Тенгри-Кули. Имя другого — Лахури Читгара, сына Лалю, упоминается в долговой расписке. По документу зулхиджа 997 г. х. (13 октября 1589 г.) он обязан был по требованию «господина Дарья-хана, сына Шейха Саади», вернуть

<sup>73</sup> В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии., стр. 442.

ему долг в сумме ста пятидесяти танга ханских, серебряных в один мискаль.

В других юридических документах встречаются указания на продукцию, изготавливаемую чиггарами. Тому же «господину Дарья-хану» по истечении условленного времени (четыре месяца) лицо, именуемое в документе Мулла Хусейном, обязано было вернуть долг, заключающийся в тридцати двух кусках чита пурбанд семицветного (پرچه چیت پر بند هفت رنگ), каждый длиной в двенадцать газов и шириной в один газ-и мукассар<sup>74</sup>.

26 числа месяца раби 1-го 998 г. х. (февраль 1590 г.) было вынесено еще одно решение в кази-хана Самарканда. По нему некий Маддуд Казар Мултани, сын Муллы Мухаммеда Мултани, признавал за собой долг в сумме ста двадцати танга ханских, серебряных, чистых в один мискаль, новых в тридцать динаров, которые он по истечении двух месяцев обязан был отдать Мулле Фатхулле, сыну Муллы Якуба Мултани. Сумма эта являлась стоимостью сорока кусков купонов (پرچه) чита пестрого (ملون) пурбанд (پر بند), длина каждого из которых составляла двенадцать газов, а ширина — без одного гереха один газ газ-и мукассаром<sup>75</sup>. Следовательно, стоимость одного купона равнялась трем танга. В обоих случаях длина ткани чит составляла 12 газов, а ширина в первом случае один газ газ-и мукассаром, в другом — на один герех меньше.

В самом конце 1589 г. был составлен еще один юридический документ, из которого мы узнаем, что Устод Джаухар, сын Абдуллы, и его супруга Биби Саусан, дочь Абдурахима, получили по долговой расписке (تسک) разные ткани и ткацкие изделия (всего четырнадцать наименований), в том числе и разные виды чит: семь кусков (عدد) чита пурбанд семицветного, три куска чита пурбанд красного, один газ с четвертью газ-и мукассаром чита бикчи (?) красного (بیکچی) три газа упомянутым газом чита городского (شهری), красного<sup>76</sup>. Этот документ опубликован в числе других образцов официальных документов XVI в., но без перевода. А между тем зафиксированная торговая сделка представляет большой интерес. Из содержания доку-

<sup>74</sup> Маджму 'а-йи васанк, л. 122а, 182а, б.

<sup>75</sup> Там же, л. 182б; Казанские документы XVI века, Док. 4 (сравни текст и перевод). Герех равен 6,625—6,69 см. (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии... стр. 116, см. также, стр. 113). В приведенном тексте из документа герех составляет часть газ-и мукассар, т. е. укороченного газа. Размер последнего для Самарканда XVI в. пока не установлен. В Иране укороченный газ по Шардену=63,16 см, по Фрайеру=68,58 см (В. Хинц, Мусульманские меры и веса., стр. 63).

<sup>76</sup> Маджму 'а-йи васанк, л. 184а.

мента мы узнаем о торговле по долговой расписке — тамассук, об участии в торговых сделках наряду с мужчиной женщины, об обращении на самаркандских рынках ткани чит разных сортов и расцветок.

В этом документе купоны чита семицветного пурбанд и чита красного пурбанд, числящиеся в списке текстильных изделий, называются без указания длины и ширины. Вместе с тем, в тот же список включены чит красный шахри и чит бикчи, длина которых определена метражно: «один газ с четвертью газ-и муксаром чит бикчи и три газа упомянутым газом чит красный шахри»<sup>77</sup>.

Следовательно, чит мог продаваться и в купонах и метражно. Названные раньше размеры купонов чита семицветного и пестрого позволяют предположить, что в последнем случае купон чита так же состоял из ткани в 12 газов. Действительно, отсутствие размера в третьем случае, при упоминании метражного чита в том же документе заставляет думать, что длина и ширина ткани в купонах была практически установленной. Вероятнее всего, что здесь они были такие же, как в двух первых примерах. Только в таком случае можно было, на наш взгляд, не указывать размера купонов.

Известно, что ткани, предназначенные для одежды, изготовлялись и продавались целыми кусками и в более раннее время. Еще во времена Ибн Хаукаля «выделялись ведарийские хлопчатобумажные ткани, которые надевают целыми кусками, не обрезанными... эти ткани густые и нежные; цена куска ткани доходит от двух динаров до двадцати»<sup>78</sup>.

В своей статье Д. Г. Шеперд и В. Б. Хеннинг, основываясь на анализе куска шелковой ткани занданечи, хранящегося в соборе г. Юи, и на извлечении из юридического сочинения, в котором говорится, что длина каждого (куска) занданечи равняется 16 локтям<sup>79</sup>, также отметили практику продажи материи в Средней Азии в купонах.

Поштучно перечислялись ткани и в описях товаров среднеазиатских послов. Слово «адад» ( عدد ), дословно означавшее «число», «величина», «количество», «штука», при переводе текста на русский язык передавалось словом «штука» (иногда в переводе оно опускалось). Ткани в России определялись и в косяках (кусках)<sup>80</sup>. В описи товаров балхинского посла Ходжа Ибрахима упоминается восемнадцать кося-

<sup>77</sup> Там же. Казийские документы XVI века, Док. 57, текст.

<sup>78</sup> В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии., стр. 441.

<sup>79</sup> D. G. Shepherd and W. B. Henning. Zandaniji Identified, pp. 15—40.

<sup>80</sup> Кисак — кусок, отрез материи (Татарско-русский словарь, М., 1966, стр. 260);

кесак  — отрезок, кусочек (Махмуд Кошгарий. Тюркий сузлар дивони, т. I, стр. 372).

ков пестряди, столько же косяков кисен и столько же миткали. Сто пятьдесят косяков миткалей, обозначенные в тексте как *صد و پنجاه توب*, числятся в списке товаров хивинского посла Мухаммеда Амина Баходура.

В отдельных случаях слова «штука» и «косяк» опускаются. Так, в челобитной бухарского посла Мухаммеда Али царю Федору Ивановичу от 1585 г. называются 2000 зееней «всяким цветом», 200 мелей, 100 объяринных зееней, 100 дорог. «Бухаренин Хозя-Брегим Магметов» отпущен был «ис Казани... в Нижний... а с ним товару: 1300 киндяков цветных, 300 зееней семенди цветных, 23 дороги бухарские, 20 завесов выбойчатых, 150 кушаков харчевых, 50 зееней дюменди цветных». В других документах ткани, названные среди среднеазиатских товаров, также числятся без упоминания слова штука<sup>81</sup>.

Поштучно перечисляются, как уже говорилось выше, ткани при купле-продаже и в казийских документах XVI в. Здесь упоминается, например, 32 штуки ( *عرد* ) чита пурбанд семицветного, 40 штук чита разноцветного пурбанд, 7 штук чита пурбанд семицветного, 3 штуки чита пурбанд красного без указания размера ткани в каждом куске.

В «Рисала-и читгари», написанном на узбекском языке, мы находим довольно подробное описание процесса набивания бязи<sup>82</sup>. В связи с предписанием произносить соответствующие выражения из Корана при выполнении разных этапов работы, в этом уставе излагаются отдельные приемы производства набивной ткани, а именно предварительной подготовки бязи и нанесения на нее узоров. Набивание ткани производилось вручную, было довольно сложным и трудоемким делом, связанным с целым рядом последовательно выполняемых технических приемов: варкой бязи в котле, пропитыванием материи специальной протравой бузгун, высушиванием протравленной ткани, набиванием узоров, кипячением материи, крашением ее в кипящем растворе краски в течение определенного времени, прополаскиванием в проточной воде и т. д.<sup>83</sup>. Неоднократное прополаскивание набойки делало возможным производство этой ткани лишь в местах с проточной водой.

Рисунок отпечатывался при надавливании на ткань калыба (штампа для набивания рисунков), опущенного перед тем в раствор краски.

Из содержания рисала видно, что мастера-набойщики не ткали материю, а лишь отделявали готовую ткань. Поэтому для XVI в. вряд ли

<sup>81</sup> МНУТТ, стр. 153, 168, текст, стр. 427, 135, 98—101 и др.

<sup>82</sup> Рисала-и читгари, № 1900 (23).

<sup>83</sup> Рисала-и читгари, № 5003, л. 19а—19б. Техника производства набойки, изложенная в рисала, совпадает с описанием процесса набивания рисунков, сделанным на этнографических материалах в работах: А. М. Миронюк. Производство хлопчатобумажной маты и набоек, стр. 1137—1152; О. А. Сухарева. Набойка, стр. 43—60.

можно рассматривать читгаров как «ремесленников-ткачей местного ситца»<sup>84</sup>, равно как и «мастеров, ткущих выбойку или подкладочную матерью»<sup>85</sup>.

Можно полагать, что набойщики пользовались тканями, приобретенными со стороны. Это подтверждается и материалами более позднего времени. О прямой связи читгаров с рынком говорится в упомянутом рисала: «Если [тебя] спросят, что нужно читать при отправлении на базар, то читай...». Далее приводится стих из Корана, который полагалось читать в тот момент, когда брали в руки бязь (буз)<sup>86</sup>. На связь с рынком указывает и другое рисала читгаров: «Если тебя спросят, что читать при купле-продаже, то отвечай...» (далее приводится стих из Корана)<sup>87</sup>.

В конце XVI в. в Самарканде известны были красный, пестрый и семицветный чит (могли быть и другие). Ткани чит отличались также и другими качествами, что характеризуется словами пурбанд, бикчи (?), шахри. Получение разных окрасок чита достигалось последовательным нанесением одних красок на узор другого цвета.

Судя по упомянутому рисала, читгары сами готовили растворы красок для набивания ткани. Это требовало от них определенных знаний химических процессов. Мастер-читгар должен был в какой-то мере владеть искусством орнамента и обладать художественным вкусом.

Судя по остаткам набивной ткани, найденной в гробнице Биби-ханым, среди орнаментальных мотивов доминирующее место занимал цветной узор. Один из исследователей изящно заметил, что восточному мастеру фон ткани «всегда представлялся почвой с произрастающими из нее цветами», растительный мотив был для него не срезанным цветком, а «реальным живым созданием природы со всеми функциями жизни, создавшей его»<sup>88</sup>.

Из текста рисала читгаров выясняется, что ткань, подготовленная к набивке, называется базз (буз) или карбас (в рисала на таджикском языке). После нанесения узора одноцветный базз (буз, карбас) превращался в цветную набойку — чит, как он и называется с того момента в рисала<sup>89</sup>. Выделка разноцветной орнаментированной ткани чит была более сложной и трудоемкой, поэтому набойка, особенно та, которая отличалась красивым узором, должна была цениться дороже одно-

<sup>84</sup> СВР АН УзССР, т. VIII, стр. 449.

<sup>85</sup> В рукописи «Рисала-и читгари», № В-1900 (23) имеется заголовок на русском языке: «Рисоля для мастеров, ткущих выбойку или подкладочную матерью».

<sup>86</sup> Рисала-и читгари, № В-1900 (23), строка 57–58.

<sup>87</sup> Рисала-и читгари, № 5003, л. 14 б.

<sup>88</sup> Э. К. Кверфельдт. Черты реализма в рисунках на тканях и коврах времени Сефевидов, ТОВЭ, т. III, Л., 1940, стр. 264.

<sup>89</sup> Рисала-и читгари, № 1900 (23).

цветных бязей. Среди малообеспеченных слоев населения сбыт находила более дешевая бязь темно-синего кубового цвета, практичная и довольно нарядная<sup>90</sup>.

Как уже упоминалось, бязь вывозилась из Средней Азии в Московское государство. В списках ткацких изделий, экспортируемых из Средней Азии, указываются также «выбойки», «завесы выбоечные», «выбойки индейские»<sup>91</sup>. Как видно из приведенных ниже материалов, выбойками в России называли набойку — чит.

Среди товаров, доставленных хивинским послом Мухаммед Амином Баходуром в 1641 г., в перечне тканей числятся сто штук индийского чита ( *چیت ہندی* ). В переводе на русский язык, термин «чит» ( *چیت* ) передан словом «ситец»: «индийский ситец 100 штук»<sup>92</sup>.

По-видимому, «чит» в Средней Азии и «ситец» в России уже в XVII в. использовались как равнозначные определения одной и той же ткани.

По определению В. Клейна, занимавшегося анализом тканей, миткаль — это хлопчатобумажная ткань без окраски. Если же на ней сделать узор, то она становится «набойкой»<sup>93</sup>, т. е. тканью с узорами, нанесенными с помощью специального штампа. По цитированному рисунку набивная ткань называется чит, а кустарные заведения, где производились набивные ткани, известны были, по данным более позднего времени, под названием «читгар-хана»<sup>94</sup>.

Совокупность всех этих данных позволяет считать, что наименования «чит», «ситец» и «набойка» использовались в XVI—XVII вв. применительно к одной и той же ткани.

Кроме выделки и обработки хлопчатобумажных тканей в среднеазиатских городах XVI в. было распространено искусство обработки шелка. Письменные источники этого времени упоминают о разведении шелковичных червей и занятии шелкоткачеством, что было известно в Средней Азии с незапамятных времен.

В документе, выданном караскянскому сенду, указывается, что с населения одного из районов Андижанской области взимался сбор с коконов — «пилла»<sup>95</sup>. Факт разведения шелковичных червей жителями других районов можно установить из косвенных данных, например, упоминаний в документах большого числа тутовых насаждений. В отдельных случаях они являются, согласно документам, предметом купли-продажи. К 1562 г. относится купчая о приобретении Ходжой Мухаммедом

<sup>90</sup> А. М. Миронов. Производство хлопчатобумажной маты и набоек..., стр. 1144.

<sup>91</sup> МИУТТ, стр. 134, 168.

<sup>92</sup> Там же, текст, стр. 168, перевод, стр. 426—427.

<sup>93</sup> В. Клейн. Иноземные ткани., стр. 70.

<sup>94</sup> А. М. Миронов. Производство хлопчатобумажной маты и набоек., стр. 1141.

<sup>95</sup> Хужжатлар, Док. 61.

Исламом Джуйбари семидесяти тутовых деревьев, находившихся на площади, равной приблизительно одному с половиной танала, расположенной в вилаете Каракуль<sup>96</sup>.

Основываясь на документальных данных, П. П. Иванов в числе мастерских, приобретенных Ходжой Са'адом называет специальные мастерские, где производилось разматывание шелковых коконов (кудангкуби)<sup>97</sup>.

Наличие разных терминов, использовавшихся для определения лиц, занятых обработкой шелка, говорит о существовании в XVI в. ряда профессий, связанных с подготовкой шелка-сырца и шелковых нитей.

По нишану, выданному на имя надзирателя ткачей (ناظری جامه) (رافان) упоминающийся в указе шелк (اسریشم) поступал на городской рынок из области (از اطراف و جوانب)<sup>98</sup>. Следовательно, в рассмотренном случае (по всей вероятности, и в других) сырье закупалось мастерами, ткавшими шелк, на рынке у перекупщиков или непосредственно у сельских жителей. В то же время можно предположить, что разведением шелковицы могли заниматься в городе и в пригородных районах.

Привезенный в город шелк взвешивался на весах<sup>99</sup>. Основная обязанность надзирателя, согласно указу, состояла в наблюдении (личном или через особых представителей) за учетом привезенного шелка, а также в обеспечении взимания натурального сбора соответственно весу полусырья. Необходимость такого надзирателя можно объяснить значительным количеством доставляемого в город шелка.

Указание на сборы пилла говорят о том, что коконы взимались также у крестьян в счет уплаты налога.

Из отдельных, в большинстве своем случайных, упоминаний можно составить список шелковых тканей, изготовлявшихся местными мастерами, однако установить их полный перечень невозможно. Относительно одних имеются указания о выделке на территории Средней Азии, место изготовления других можно установить лишь по косвенным данным. В результате археологического обследования склепа-мавзолея эмира Бурундука в ансамбле Шахи-Зинда обнаружено детское погребение с остатками полуистлевшей ткани. Закрепление и реставрация их показали, что это был плотный узорчатый шелк, вытканный простым полотняным переплетением из некрученой нити. Некоторые признаки

<sup>96</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 310.

<sup>97</sup> П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 63.

<sup>98</sup> Мактубат ва аснад, л. 1166.

<sup>99</sup> Там же.

позволили исследователю предположить, что эта ткань местного среднеазиатского производства<sup>100</sup>.

Для наименования некоторых тканей, возможно шелковых, применялся специальный термин тавар (توار).

В значении «ткань» этот термин используется Махмудом Кашгари<sup>101</sup>.

Согласно другим словарям, тавар означал шелковую материю, атлас, камку<sup>102</sup>. Именно такое содержание можно вложить в данный термин в тексте анонимного сочинения начала XVI в. «Таварих-и гузиде-и нусрат-наме»<sup>103</sup>.

**Бархат** («бахмал», «махмал» — *بخمیل, مخمیل*). Одной из самых распространенных тканей праздничных одежд феодальной аристократии был бархат. Из него изготовлялись покрывала и занавеси, подстилки для сидения, подушки.

Особый сорт бархата вырабатывался в Самарканде. Из тимуридского, а позже шейбанидского государства этот дорогостоящий товар поставлялся в другие страны. «Еще один самаркандский товар — малиновый бархат, — писал в своих мемуарах Захириддин Бабур. — Его вывозят во все края и страны»<sup>104</sup>.

Сорт малинового бархата — кермези (*مخمل قرمزی*) был довольно распространенным, о чем говорят отдельные сообщения письменных источников<sup>105</sup>. Ткани красных цветов считались на Востоке цветом женщин и детей, что отмечается в поэтических произведениях Алишера Навои.

Экспортировался бархат из Средней Азии и в Московское государство, хотя далеко не в тех размерах, в каких доставлялись дешевые и практичные хлопчатобумажные ткани. Бархат поступал в Россию также в качестве «поминков», присланных русским царям среднеазиатскими правителями.

Определение бархата по месту производства не всегда точно отражает место его выделки. Например, виницейскими и флорентийскими,

<sup>100</sup> Н. Б. Немцева. К истории тканей и одежды..., стр. 247, 251.

<sup>101</sup> Махмуд Кошгари. Туркий сузлар девони, т. 1, стр. 388.

<sup>102</sup> Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1869, т. 1, стр. 382.

<sup>103</sup> Таварих-и гузиде-и нусрат-наме, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В—745, л. 146.

<sup>104</sup> Бабур-наме, стр. 62. The Babar-nama, л. 48a:

سمرقند نينک ينه بر متاعی قرمزی مخمیل دور  
کيم اطراف و جوانب قه ايلتارلار.

<sup>105</sup> На распространенность малинового бархата в аристократических семьях указывает использование определения «махмал-и кермези» для сравнения с обожженным телом служанки. Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакии', т. II, стр. 1138.

как отметил В. Клейн, назывались все лучшие сорта бархата, вырабатывавшиеся в Италии вообще<sup>106</sup>.

Как говорилось выше, под термином «зендень» в России XVII в. подразумевались разные виды ткачей. Аналогичным примером являются и хлопчатобумажные ткани, известные под названием «мервских». Ткани, называвшиеся «мервскими», «выделялись, между прочим, в Западной Персии», — писал В. В. Бартольд<sup>107</sup>. Географическое наименование, перешедшее на название изделия, не всегда соответствовало месту его производства. Возможно, и самаркандский бархат кермези был известен в России под другим названием. Любимыми цветами бархата в допетровской России были темно-красный, красный; вишневый, алый, зеленый и черный. Вполне возможно, что среди разного оттенка красных цветов бархата был и цвет кермези — ярко-красный, выделявшийся в XVI в. в Самарканде.

Выделка шелковой ткани с мягким густым низким ворсом на лицевой стороне, каким является бархат, представляет технически довольно сложный процесс и свидетельствует об относительном совершенстве ткацкого искусства того времени.

Камка (камха — *کامخا*, камхаб — *کامخاب*). Испанский посол Рюм Гонзалес де Клавихо, около трех месяцев проживший в столице империи Тимура — Самарканде, отметил, что богатство Самарканда «закключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях» — атласе, камокане (камке, камхе), тафте и других, которых, по его словам, «там делается очень много»<sup>108</sup>. Остановимся на ткани камхаб, называемом Клавихо «камоканом». Отличительная особенность этой ткани, по Клейну, — наличие как в основе, так и в утке ее, шелковых нитей почти одинаковой толщины. По словам того же исследователя, камка в России была самой употребительной из шелковых тканей<sup>109</sup>.

В Средней Азии дорогая шелковая ткань камхаб служила феодальным фамилиям. Платья из этой ткани обычно преподносились послам государей. Из сообщения испанского посла Клавихо можно полагать, что камка производилась в Самарканде (или в другом ремесленном центре тимуридского государства). Однако Антоний Дженкинсон, посетивший Бухару в конце 1558 г. и пробывший здесь в течение двух с половиной месяцев (с 23 декабря 1558 г. по 8 марта 1559 г.), причисляет этот род ткани к привозившимся из Китая. Он писал, что в мирное время из китайских стран привозят в Бухару мускус, ремень, атлас, камку и тому подобное<sup>101</sup>, т. е. камка у него называется среди привози-

<sup>106</sup> В. Клейн. Иноземные ткани... стр. 37.

<sup>107</sup> В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии... стр. 443.

<sup>108</sup> Клавихо. Дневник путешествия... стр. 327.

<sup>109</sup> В. Клейн. Иноземные ткани... стр. 56.

<sup>110</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию... стр. 184.

мых тканей. В то же время некоторые данные позволяют считать возможным производство этой ткани и на территории государства Тимура.

В своем интересном исследовании «Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV веках» А. М. Беленицкий приводит текст из сочинения Хафизы Абру, в котором автор дает описание встречи в Герате в 1379 г. племянницы жены Тимура, в связи с выдачей ее замуж за сына Гиясиддина — Пир Мухаммеда. В проведении пышных празднеств по поводу встречи невесты соответственно приказу государя приняли участие и городские ремесленники. По свидетельству Хафизы Абру, каждый цех ( *فرقه* ) ремесленников приготовил удивительное зрелище: чистильщики хлопка соорудили минарет из хлопка, а ткачи камки несли ткацкий станок, на котором тут же работали<sup>111</sup>.

Можно предположить, что и в Самарканде того времени также умели производить эту дорогую ткань. Возможно, камка выделывалась и в XVI в. Одновременно иные сорта этой ткани могли ввозиться из других стран, к которым и можно было бы отнести сообщение Антония Дженкинсона. По торговым книгам XVII в. в России, например, были известны несколько сортов камки, доставляемых из разных стран Востока и Запада: адамашка, виницейская, гирейская, есская или индейская, кизилбашская, царегородская, астрадамская, мисюрская, немецкая и китайская<sup>112</sup>. Последняя экспортировалась и на среднеазиатские рынки.

Камка могла быть одноцветной и многоцветной. Соответственно выделке определялась цена. «А кое камка толще, та и лучше», — сообщалось в торговой книге<sup>113</sup>.

В допетровской Руси собственного производства шелковых и парчевых тканей не было<sup>114</sup>, потребность господствующих кругов и зажиточных слоев населения в изделиях из этих тканей удовлетворялась ввозом из других стран.

В числе импортируемых в Россию дорогих тканей заметное место занимала камка. Ткань эта упоминается и в списках подарков, доставлявшихся московским государям послами среднеазиатских правителей. В ярлыке Надир Мухаммад-хана от 1050 г. х. (1640/1641 г.), составленном на имя русского царя «северные страны обладателя» Михаила Федоровича, в числе поминок называются одиннадцать «камок золотых»<sup>115</sup>.

<sup>111</sup> А. М. Беленицкий. Из истории участия ремесленников..., стр. 190.

<sup>112</sup> В. Клейн. Иноземные ткани..., стр. 56.

<sup>113</sup> М. В. Фехнер. Торговля Русского государства..., стр. 68.

<sup>114</sup> К. В. Дюнова. Ткани, Сб. «Оружейная палата», М., 1964, стр. 182.

<sup>115</sup> МИУТТ, стр. 154.

Камка упоминается также в числе подарков от среднеазиатских ханов и в других грамотах. «Да послал к вам («великому князю Михаилу Федоровичу») в поминках камочку золотную да бабр», — сообщает в ярлыке (март 1643 г.) хивинского хана. «2 камки золотных, да 2 лука» отправил в поминках царю Алексею Михайловичу венценосный историк, автор «Шаджара-и тюрк» — Абулгази-хан<sup>116</sup>.

Значительный интерес представляет тот факт, что Василию Даудову и Юсуфу Касымову, отправленным в Бухару из Москвы в 1675 г., было приказано добиться, чтобы хан присылал в Москву «с послы своими в поминках... зарбафы и камки и атласы золотные и иные узорчатые самые добрые товары...»<sup>117</sup>.

О бытовании камки в Бухарском ханстве в XVII в. мы узнаем из сообщения московскому царю Алексею Михайловичу бухарского посла Мулла Фаруха. Однако, по его словам, в Бухаре ее было «мало и те обыкновенные». Посол к тобольскому воеводе от Имам-Кули-хана Чобак Балыков «бил царю челом бархатом червчатым и камочкою цветною «плохими»<sup>118</sup>.

Относительно некоторых тканей, ввозимых в Россию из Средней Азии, в документах уточняется, что камка была «кизилбашская» или «китайская», т. е. завезенная в Среднюю Азию. Так, о рассмотренной выше камке, присланной Абулгази-ханом, в «Отписке астраханских воевод...» от мая 1654 г. сообщалось: «А что к тебе государю Юргенской Абыл-Гази царь прислал в дарех с гонцом з Давлет Маметом — 2 камки кизилбашские цветные, одна бруснична, а друга зелена з золотом, да 2 лука мешецкие»<sup>119</sup>.

В другом документе в росписи ханских даров балхского правителя Субхан-Кули Баходур-хана «белому бийю» Федору Алексеевичу от 1678 г., которые у посла Али Мурад чухра-окаси были отняты яицкими казаками, числятся восемьдесят «камок золотных китайских»<sup>120</sup>. А бухарский посол Мулла Фарух, посетивший Москву, показал, что из Бухары в Индию торговые люди ходят постоянно и привозят оттуда, в основном, дорогие узорчатые ткани, камки (камхаб) и атласы, а также драгоценные камни<sup>121</sup>.

Однако всегда ли камка, присылаемая из Бухары, Ургенча и Балха, была не среднеазиатского происхождения? Для выяснения этого вопроса требуются дополнительные материалы.

<sup>116</sup> Там же, стр. 207.

<sup>117</sup> В. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете, 1888, кн. III., М., 1889, стр. 49.

<sup>118</sup> В. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., стр. 11.

<sup>119</sup> МИУТТ, стр. 209.

<sup>120</sup> Там же, стр. 236.

<sup>121</sup> Русско-индийские отношения в XVII в., Сб. документов, М., 1958, Док. 92, стр. 170.

Судя по данным более позднего времени, среднеазиатские ремесленники производили и другие шелковые изделия. Так, Филипп Ефремов отмечал, что в Бухаре «выкармливают шелковые черви, кои производят множеству шелку, из коих ткют парчи полосатые с золотыми и серебряными узорами, атласы, бархат, магроматы, кутни полосатые с золотыми мелкими травками и всякие другие парчицы»<sup>122</sup>. К сожалению, более подробных данных об изготовлении в среднеазиатских мастерских в интересующий нас период шелковых тканей обнаружить не удалось.

Имеющиеся скудные данные говорят о выработке в Самарканде XVI в. шерстяных тканей.

Интересный термин *سقرلاط مالى* — валяние сукна (?), который мог бы в какой-то мере характеризовать эту отрасль ремесла, для нас не совсем ясен. Термин *ساكارلات (سقرلات، سقرلاط)* означает тонкую шерстяную ткань красного цвета. Не связана ли с производством этой ткани деятельность Устода Паянда Мухаммеда, сына Муллы Султана Мухаммеда, в обучение к которому в 1590 г. поступил Шахмухаммед, сын Курбана Али? Последний по истечении трех лет должен был приобрести специальность *ساكارлатмали (صنعت سقرلاط مالى)* в такой степени, что «мастера упомянутого искусства одобрили бы» его знания<sup>123</sup>.

Из другого юридического документа, составленного в том же году, мы узнаем, что неоднократно упоминавшийся в казийских решениях скупщик-ростовщик Дарья-хан, сын Шейха Саади, в числе других товаров купил белый расчесанный козий пух (*توت سفيد شانه کرده*)<sup>124</sup>, который, надо думать, в дальнейшем поступал к ткачам шерстяных тканей.

В целом материалы, извлеченные из письменных источников, позволяют наметить общие черты, характеризующие ремесла, связанные с производством ткацких изделий.

Текстильная промышленность среднеазиатских городов XVI в. включала группу отраслей, вырабатывавших пряжу и ткани из хлопка, шелка и шерсти.

Для изучаемого периода было характерно территориальное отделение сырья от производства ткани. Конкретные данные об этом имеются в указе, выданном на имя надзирателя ткачей и в юридическом документе, составленном в Самарканде в 1590 г.<sup>125</sup>.

<sup>122</sup> Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование, М., 1950, стр. 26.

<sup>123</sup> Маджму'а-йи васанк, л. 120а.

<sup>124</sup> Там же, л. 189а.

<sup>125</sup> Мактубат ва аспад, л. 116б—117а; Маджму'а-йи васанк, л. 189а.

Ассортимент среднеазиатских тканей в XVI в. был довольно разнообразен. Это были материи всевозможных сортов и видов, изготовлявшиеся из разной пряжи и отличавшиеся техникой выделки. «Пестрые» и «семицветные» набойки, однотонные, полосатые, с цветочным, в основном мелким, орнаментом, естественного цвета хлопка и отбеленные ткани резко отличались друг от друга.

Изготавливались ткани в купонах, определенной длины, но в отдельных случаях и метражно.

Для измерения тканей использовались, согласно нашим источникам, следующие меры длины: зар'-и карбас (карбасный зар') города Самарканда, большой самаркандский газ, газ-и мукассар — укороченный газ, и более мелкая мера — герех (могли быть и иные). Все извлеченные нами упоминания о мерах длины для замера тканей относятся к Самарканду XVI в.

Из пряжи ткали так же штучные изделия: платки, покрывала, тюрбаны, пояса-кушаки. По договору, составленному в Самарканде 11 зулькада 997 г. х. (21 сентября 1589 г.), некая Аваз (عوض)-бика, дочь Устода Шира, отдала в обучение своего сына Тимура. Мастер Устод Абдулла, сын Муллы Баглаки (باغلقی) должен был за три года обучить того мальчика «искусству чахаргулбафи» (اصنعت چهار گل بافی)<sup>126</sup>.

Неясно, означал ли этот термин ткань платка или покрывала с узорами на четырех углах или же — узорчатую ткань. В последнем случае это могло быть свидетельством наличия сложного ткацкого станка для тканья узорчатой ткани.

По сравнению с другими специалистами, ткачи (бафанда, алачабаф, футабаф, джамабаф и другие) чаще упоминаются в просмотренных нами источниках. Это, как и ряд других косвенных данных, позволяет считать, что мелкие производители, занятые выделкой тканей, составляли значительную часть ремесленного населения Бухары и Самарканда.

Сложный процесс производства таких тканей, как бархат, фута, алача и некоторых других, отделка чита и т. п. требовали квалифицированных мастеров, каждый из которых занимался выделкой лишь одного вида. Обычно к собственным именам специалистов добавлялись профессиональные наименования соответственно виду ткани, вырабатываемой каждым из них: бахмалбаф, шахибаф, футабаф, читгар, алачабаф, чахаргулбаф и т. п. Этот факт, в свою очередь, свидетельствует, что изготовление подобных тканей составляло основное занятие перечисленных лиц.

<sup>126</sup> Маджму'а-йи васанк, л. 118б.

Возможно, независимо от изготавливаемой ткани, ткачи объединялись в одну корпорацию. О широких полномочиях начальника ткачей, которому подчинялись не только ткачи — джамабафы (جامه يوفى), но и продавцы определенного вида тканей — баззазы, мы узнаем из нишана, выданного упомянутому надзирателю Камалиддину Зикрие<sup>127</sup>. Этот указ, как и рисала ткачей («Бафандалик рисаласи» и «Рисала-и бафандачилик» на узбекском языке)<sup>128</sup>, свидетельствует об объединении широкого круга специалистов, имевших дело с ткацкими изделиями. Хотя у нас нет конкретных данных, все же можно полагать, что в зависимости от выполняемой работы ремесленные организации могли отличаться одна от другой.

Набойщики же, наносившие узор на готовую ткань (как об этом свидетельствует наличие специального рисала читгаров на узбекском и таджикском языках, а также отсутствие набойщиков в числе перечисленных в рисала мастеров, занятых тканьем), составляли особую организацию.

Степень развития отраслевой системы в ткацком производстве характеризуется наличием особых дуканов по продаже разных (дорогих?) тканей (баззазан *بازازان*)<sup>129</sup>, а также специализированных торговых рядов и базаров: Алача, Баззазан, Карбас, Лаввафан (базар прядильщиков), улицы золотошвеев — Зардузан и других<sup>130</sup>.

Следует отметить одну очень интересную деталь. Наряду с мастерами, занятыми выделкой определенного вида ткани, были также продавцы, имевшие дело только с продажей и лишь одного вида ткани: карбаса (*كارپاس فروش*), дорогих материй (*بازاز*) и т. п., что свидетельствует о специализации торговли текстильными изделиями.

В рассматриваемый период, как и в более ранние века, практиковалось нанесение на ткань отличительных знаков. Об этом мы узнаем из юридического документа, оформленного в Самарканде 27 мухаррама 998 г. х. (6 декабря 1589 г.). Он был составлен в связи с получением Маулана Хафизом Ак-Мухаммедом, сыном Ходжи Мухаммеда, по доверенности (*يوكالت مطلقه عامه*) (ниже, в тексте документа, эта доверенность называется тамассук — *تامسك*), данной ему со стороны Мирзы Салима, сына Маулана Ибрахима Садра, следующих тканей:

<sup>127</sup> Мактубат ва аснад, л. 1166—117а.

<sup>128</sup> Рисала-и бафандаги, ркл. ЛО ИВ АН СССР, В-1900 (2), л. 5а, 7б; Рисала-и бафандаган, ркл. ЛО ИВ АН СССР, В-2036, л. 137а.

<sup>129</sup> Из архива шейхов Джулбары, Док. 10, 30.

<sup>130</sup> ЦГА УзССР, ф. И-18, ол. 1, д. 10484; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 23, 27, 231; Из архива шейхов Джулбары, Док. 10, 31.

один мандил-и сунарками (مندیل سونار کامی), один чубтар-и хай-рабади (چوبتار خیر آبادی), один хосса-и сунарками (خاصه سونار کامی), один малмал-и шахи (ملامل شاهی), один катан-и (?) гуджерати (اتان (!) گجرانی).

Далее в документе указывается, что «каждый из этих пяти упомянутых кусков [ткани] украшен печатью упомянутого господина садра»

هر یک از این پنج عدد پارچه مذکور مزین بمهر  
131. <sup>131</sup> حناب صدر مذکور. Следовательно, на ткани, в данном случае привезенные из Индии (что явствует из их наименований), в отдельных случаях наносилась пометка. Поскольку в документе говорится о «печати вышеупомянутого господина садра», можно полагать, что речь идет о проставлении на ткани оттиска печати с именем Мирзы Салима, сына Маулана Ибрахима Садра. Оттиск печати был поставлен на все перечисленные в акте ткани, как это можно заключить из содержания документа.

Целью опечатывания тканей могло быть освобождение товаров от взимания таможенных пошлин, число которых (на чем мы остановимся ниже в специальном разделе) было довольно значительным. При этом, высокое звание садра должно было гарантировать свободный провоз перечисленных товаров, а возможно и их перепродажу. Вполне вероятно также, что проставление оттисков печати предохраняло ткани от возможной замены их другими.

Рассмотренный факт о нанесении на ткань оттиска печати является единственно известным указанием о метке на ткань в XVI в. Для раннего средневековья подобный случай рассмотрен в работе Д. Г. Шелерда и В. Б. Хенвинга и в статье А. М. Беленицкого и И. Б. Бентовича. В статье двух последних исследователей высказана мысль, что подобная надпись на ткани могла быть таможенной или торговой пометкой.

Перечисленные ткани изготовлялись в мастерских-дуканах и домах ткачей (например, алачабафов). Основная их масса предназначалась для продажи. В то же время можно полагать, что грубые хлопчатобумажные ткани, в том числе и бязь, выделывались повсеместно для личного пользования не только в домах крестьян, в хозяйствах которых можно было наблюдать объединение добывающей и обрабатывающей отраслей, подобных тем, которые В. И. Ленин назвал «домашней промышленностью», но и в бедных городских семьях, члены которых сами

<sup>131</sup> Маджму'а-шш васайк, л. 1826.

готовили для себя и семьи одежду, скатерти, покрывала и другие бумажные изделия, необходимые в быту.

Из окружающих селений в город привозили пряжу, ткани домашнего изготовления, а из специализированных местечек и другие материалы, более тонкой выделки.

Таким образом, одни мастера ткали ткань для себя, другие ткали ее для продажи и сами же реализовывали свою продукцию, третьи передавали изделия купцам, которые, не принимая никакого участия в производстве, занимались только их скупкой и сбытом. Следовательно, в области ткацкого производства наблюдалось наличие разных видов ремесла: домашнего, на заказ и на рынок. В целом производство имело товарный характер.

Изготовление таких тканей, как самаркандский бархат и бухарская алача можно рассматривать как примеры свидетельства специализации Самарканда и Бухары на выделке отдельных видов тканей. Для более ранних столетий подобная специализация была отмечена в работе А. Ю. Якубовского, который писал: «Почти каждый город славился выделкой той или иной хлопчатобумажной, шелковой, а иногда и шерстяной ткани»<sup>132</sup>.

Специализация Самарканда и Бухары на производстве разных сортов тканей и местное своеобразие этих тканей способствовали распространению торговли текстильными изделиями за рамки местных рынков. Убедительный пример в этом отношении — производство малинового бархата в Самарканде, изготовлявшегося в расчете на экспорт «во все края и страны».

Название селца Алачабафан, упоминающегося в документе XVI в., можно рассматривать как один из примеров специализации жителей данного местечка на производстве определенного вида ткани, изготовлявшегося местными мастерами в расчете на вывоз. Город являлся основным центром изготовления тканей, но не единственным.

Ткацкие изделия составляли одну из основных статей внутренней и внешней торговли среднеазиатских городов, а также являлись одним из предметов обмена с кочевой степью. В этой области наблюдается разная форма соединения торгового капитала с ремеслом.

Как отметили К. Маркс и Ф. Энгельс, «Наряду с ткавшими для собственного потребления крестьянами, которые продолжали — и поныне продолжают — это делать, в городах возник новый класс ткачей, ткани которых были предназначены для всего внутреннего рынка, а по большей части также и для внешних рынков»<sup>133</sup>.

<sup>132</sup> А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии., стр. 5.

<sup>133</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 55

В Самарканд и Бухару доставлялись разнообразные материи из других городов шейбанидского государства. Однако среднеазиатская знать не довольствовалась местными тканями. Для удовлетворения ее вкусов ввозились дорогие материи из других стран. Ярлык бухарского хана Абдулазиза (1643) был выдан «торговому человеку» Ходже Ибрахиму для того, чтобы он купил в России для ханского обихода «узорчатые русские товары», «шелк цветной». Тонкие белые ткани, «которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатобумажной бумаги», доставляли из Индии. Оттуда же завозили ткани чит, чубтар, хосса и другие. «Персы привозят сюда материи, хлопчатую бумагу, полотно (и) пестрые шелка», «из Китайских стран в мирное время и, когда проезд свободен, сюда привозят атлас, камку и тому подобные вещи»<sup>134</sup>, — отмечает Антоний Дженкинсон. Ткани завозились в Среднюю Азию также из Афганистана, а согласно сообщению автора «Манокиби Ходжа Ахрар», и из Турции<sup>135</sup>. В свою очередь, из Самарканда и Бухары снаряжались большие караваны, которые доставляли ткани в другие государства.

Выше были приведены сведения из описей, на основании которых можно составить список среднеазиатских тканей, экспортировавшихся в Московское государство в конце XVI—XVII в. Они составляли основную часть вывозившихся в эти края товаров.

Среднеазиатские ткани доставлялись также в соседние степные районы, как об этом сообщают Фазлаллах ибн Рузбихан, Султан Бабур и другие историки<sup>136</sup>. А относительно вывоза товаров в Хивинское ханство Дженкинсон, посетивший Ургенч в 1558 г., писал, что в городе «одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Главнейшие товары, которые здесь продают, — это те, которые привозят из Бухары или из Персии...»<sup>137</sup>.

Основное место среди экспортируемых товаров занимали хлопчатобумажные ткани, привлекавшие малосостоятельного потребителя сравнительной дешевизной, прочностью и яркими красками. Массовый сбыт и внутри страны и за ее пределами имели теплые и прочные бязи, разноцветные набойки-чит, ткани из более толстой пряжи — алача. Таким образом, в рассматриваемый период Средняя Азия являлась производителем и экспортером тканей и изделий, главным образом, из хлопка. В меньшей степени вывозились шелковые материи. В отличие от раннего средневековья основная масса экспортной продукции ткачей была рассчитана не на феодальную знать, а на средние слои населения.

<sup>134</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 184.

<sup>135</sup> Р. Н. Хабиев. Из истории политико-экономической жизни., стр. 38.

<sup>136</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман наме-йи Бухара, л. 84а.

<sup>137</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 177.

Широкая торговля способствовала расширению ткацкого производства на землях среднеазиатских государств. При полном господстве феодального строя ткачество, которое занимало ведущее место в ремесленной промышленности, по-прежнему оставалось основанным на ручном труде и выработка высококачественных материй была возможна лишь благодаря традиционному умению народных мастеров.

#### КРАСИТЕЛИ, КРАСИЛЬНОЕ ДЕЛО

С производством тканей тесно связано красильное дело. Анализируя встречающиеся в письменных памятниках разрозненные, маленькими крупицами разбросанные сведения, можно убедиться в том, что в результате крашения ткани приобретали тот или иной цвет достаточной прочности. Любовь народа к яркому цвету отразилась в интенсивной окраске тканей, упоминания о которых имеются в источниках. Судя по рисала набойщиков, бязь могла быть окрашена в восемь цветов. «Если (тебя) спросят, каких цветов бывает бязь [буз]? То отвечай: восьми цветов», — поучает рисала и называет следующие цвета: черный (قارا), синий (كوك), желтый (سارِق), зеленый (سبز), муравьиный (?) (رنگ موری), темно-фиолетовый (красный) (ترکائی رنگ — ?) (سندھاب رنگ) и (?) (بشم رنگ).

В рисала дается также совет отвечать в таком же порядке о семидесяти двух цветах<sup>138</sup>, хотя в тексте не указывается, о каких именно.

Среди возможных расцветок бязи, перечисленных в упомянутой рисала читгаров, нет красного. Однако в XVI в. красный цвет использовался довольно активно: чит красный (سرخ) и чит красный шахри (سرخ شهری), зендени «красные» и «червленые»<sup>139</sup> так же, как и детали одежды красного цвета, нередко упоминаются в письменных памятниках конца XV—XVII в.

В числе ткацких изделий в юридических документах, составленных в Самарканде в связи с приобретением их в кредит, называются также многоцветные ткани чит — пестрый (ملون) и семицветный (هفت رنگ)<sup>140</sup>.

Окрашивались ткани в основном растительными красками, которые отличались интенсивностью тонов и чрезвычайной стойкостью.

<sup>138</sup> Рисала-и читгары, № В-1900 (23), строки 56—57.

<sup>139</sup> Черленый, червленый — красный. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. III, М., 1971, стр. 628.

<sup>140</sup> Маджму'а-йи васаник, л. 184а, 182б.

П. И. Пашино, собравший в 60-х годах XIX в. большую информацию о Туркестане, отметил, что среднеазиатские ткани, сотканые из окрашенной нитки, отличались нелиночестью<sup>141</sup>. Такими же прочными были в XVI столетии краски, использовавшиеся для нанесения разноцветных узоров на бязь. Подтверждением тому может служить фрагмент полустеблейшей хлопчатобумажной набивной ткани, обнаруженной при вскрытии гробницы Биби-ханым. Рисунок этой ткани сохранился, несмотря на то, что с момента ее выработки прошло больше пяти столетий<sup>142</sup>.

Добыча растительных и минеральных красок была делом сложным, требующим определенных знаний в области химических процессов. При приготовлении красок, как видно из рисала Читгаров, практиковалось соблюдение весовых соотношений, для чего использовались специальные весы (مئقال ترازو) и гири (مئقال)<sup>143</sup>. Рецепты красок отработывались в результате длительной практики и многолетнего труда и обычно хранились в большой тайне. Знатоки рецептов изготовления красок порой находили общее признание лишь в зрелые годы, о чем свидетельствует нишан из «Мактубат ва аснад». Согласно указу Шейбанида Абдулазиз-хана, последний проявил внимание к мастеру, познавшему тайны изготовления красок — Мулле Мир Мухаммеду Хусейну Афшангару, когда тот был уже убелен сединой. С юношеских лет до глубокой старости занимался Мулла Мир Мухаммед Хусейн приготовлением красок и посвятил этому всю жизнь. Он смешивал разные составы подобно лекарственным и мог получить оттенки красок, напоминавшие цвета павлина<sup>144</sup>.

Крашение тканей производилось как в специальных мастерских-красильнях, так и в домашних условиях. В юридических документах XVI в. довольно часто упоминаются красильни, применительно к которым использовались арабские и персидские слова — дука-и саббаги и дука-и рангреси (دكان صبغی دکان رنگری).

Сами мастера-красильщики также назывались по-разному — саббаг и рангрес (صبغ رنگرز). Наши материалы не включают каких-либо данных, свидетельствующих о разнице между носителями этих терминов, одновременно встречающихся в однотипных документах (хотя, по всей вероятности, разница между ними была)<sup>145</sup>. В Бухаре конца XVI в. проживали Ходжа Юсуф

<sup>141</sup> П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 140.

<sup>142</sup> О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара., стр. 80.

<sup>143</sup> Рисала-и ифакчилиқ, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № 1900 (2), л. 96—11а.

<sup>144</sup> Мактубат ва аснад, л. 198а, б.

<sup>145</sup> В современном Иране красильщики также обозначаются двумя этими терминами.

Али Саббаг, сын Устода Садриддина Саббага, Ибн Али Саббаг, сын Устода Ходжи Мухаммеда Му'аззина и Устод Могул Рангрес; что же касается Самарканда, то в первой четверти этого столетия здесь жили и работали Мубарак-Кадам Саббаг, сын Абдуллы, Хусейн Саббаг, сын Султана Дервиша и многие другие<sup>146</sup>.

Обучение навыкам крашения требовало значительного времени. Обычно мастера-красильщики готовили себе помощников из числа членов своей семьи и близких родственников. Вместе с тем имеются сведения о подготовке специалистов и из посторонних лиц.

В сборник казийских документов вошел договор, заключенный при поступлении на обучение ученика со стороны 7 зулка'да 997 г. х. (17 сентября 1589 г.) в «высоком здании суда» (در محكمه عليه).

Согласно его содержанию, Науруз Мухаммед, сын Шамухаммеда, поступил в ученичество к Устоду Хасану, сыну Устода Мухаммед Хусейна Саббага. Последний должен был за три года обучить мальчика красильному ремеслу (صنعت صبائی)<sup>147</sup>.

Случайно сохранившийся материал показывает, что, как и среди других ремесленников, из среды красильщиков выделилась более зажиточная прослойка. Один из представителей этой прослойки Мулла Яр Мухаммед Саббаг, сын Мир Дервиша, выступает в юридическом документе как кредитор, ссудивший довольно крупную денежную сумму Мулле Мухаммед Саиду, сыну Низамиддина. Последний согласно документу от 9 ша'бана 998 г. х. (13 июня 1590 г.) должен был через 16 месяцев вернуть кредитору 349 танга-и хани (в указанную сумму, видимо, входили и проценты за ссуду)<sup>148</sup>.

Красильни в Бухаре и Самарканде располагались в основном рядом или на территории базаров, по соседству с другими мастерскими и лавками. По данным «Вакф-наме», на территории Самарканда имелись, например, три красильни на базаре Эмир-зода Мухаммеда и по две красильни на базарах Ходжа Мухаммед Чап и Дар-и махкама-и кухня<sup>149</sup>, в Бухаре же джуйбарским шейхам принадлежали два дукаана-красильни, находившиеся «вне тима», красильный дукаан с худжрой на улице Масжид-и Гоукушан и сукнийат<sup>150</sup> красильного дукаана с айваном на базаре Дарваза-и поу на улице Масжид-и маулана Рахматулла<sup>151</sup>. Эти красильни названы в связи с оформлением акта передачи в вакф и куп-

<sup>146</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 4, 90, 266; Вакф-наме, текст, стр. 123, 129, перевод, стр. 236, 240.

<sup>147</sup> Маджму'а-ли васанк, л. 118а.

<sup>148</sup> Там же, л. 187а.

<sup>149</sup> Вакф-наме, текст, стр. 126, 130 и др., перевод, стр. 238, 241.

<sup>150</sup> О термине сукнийат см.: Р. Г. Мукминова. К изучению среднеазиатских терминов тагджа, сукнийат, ички, Сб. «Письменные памятники Востока», Ежегодник, 1968, М., 1970, стр. 129—130.

<sup>151</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 37, 44, 278.

ли-продажи разного вида имущества, т. е. совершенно случайно. В действительности же число их в двух городах могло быть значительно больше. Вполне возможно, что в городские красильни поступала для окраски не только пряжа, изготовленная в городе, но и привозимая из окрестностей.

Краски широко применялись не только в текстильном производстве, но и в ряде других, например, в гончарном деле. Несколько красильных дуканов вместе с дукан-хана, как и некоторые другие недвижимости, приобретенные джуйбарскими шейхами, находились в Гиждуване, где в этот период довольно развито было гончарное производство. Эти красильни располагались на улице Касагаран — мастеров, изготавливавших посуду — каса, а один из прежних владельцев красильни, продавший ее джуйбарскому шейху, именуется Махмудом, сыном Устода Султана Мухаммеда Касагара Гиждувани<sup>152</sup>. Подобные сведения позволяют считать, что красильщики работали в тесной взаимосвязи с гончарами. Однако в домах гончаров и в мастерских ремесленников, специализировавшихся на отделке тканей, например, в читгар-хане, краски умели готовить и сами мастера.

В рукописохранилище Ленинградского Отделения Института востоковедения АН СССР хранится рисала для мастеров, имевших дело с обработкой шелка, — «Рисала-и ифакчилик» (رساله ایفاکچی لیگ).

Из него мы узнаем, что при приготовлении красок мастера пользовались весами и гирями, что говорит о практике соблюдения определенных весовых соотношений<sup>153</sup>.

Красители применялись не только в текстильном и гончарном производствах, но и в других отраслях ремесла. До нас дошли, например, первая и вторая главы (باب) неустановленного сочинения о приготовлении киновари и окраске бумаги (در ریختن شنگوف و رنگ کردن کاغذ)<sup>154</sup>.

Растительные и некоторые минеральные краски находили значительное применение при производстве бумаги. Письмо на Востоке считалось красивым, если оно было написано на цветной бумаге. Многие богато оформленные манускрипты имели широкие поля, которые вырезались из окрашенной бумаги кремового, розового, светло-бирюзового, бледно-желтого, голубоватого тонов.

Автор трактата по каллиграфии (1514 г.) Султан Али Мешхеди советует писать не на белой бумаге, а на слегка окрашенной, дабы меньше утомлялись глаза.

<sup>152</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 283, 285.

<sup>153</sup> Рисала-и ифакчилик, л. 96, 11а.

<sup>154</sup> Персидские и таджикские рукописи..., ч. 1, № 1275.

«Нет цвета лучше, чем [у бумаги] китайской<sup>155</sup>. Нет нужды в том, чтобы ты проверял это [утверждение]. [Этот цвет составляют] шафран, хна и несколько капель чернил; ничего другого не одобряй. Письмо на такой бумаге красиво и также красиво золото. Хорошее письмо желательнее украсить. Густой красный и белый цвета утомляют глаза [так же], как если смотреть на солнце. [Бумага] для письма должна быть полудоной, чтобы глаз от нее успокаивался»<sup>156</sup>.

Известна также крапленая бумага, а также бумага темных цветов, на которой писали цветными чернилами: «На бумаге темных цветов красиво цветное письмо»<sup>157</sup>. Бумага «цвета гороха» (کاغذ نخودی)

упоминается в сборнике документов «Маджму'а-йи васайк»<sup>158</sup>. По свидетельству Султана Али для придания бумаге желтого цвета использовали шафран. Для получения желаемого оттенка при выделке так называемой «китайской» бумаги в нее добавлялись: «...шафран, хна и несколько капель чернил; ничего другого не одобряй»<sup>159</sup>.

Окрашенная бумага имела в восточных странах и специальное назначение. Синий цвет, например, выражал траур, красный — праздничное настроение. В рукописи XVI в., переписанной, по определению А. А. Семенова, «где-то на пространстве между Балхом и Бухарою», приведен рецепт окраски бумаги в пунцовый цвет, который, по словам анонимного автора, бывает «чрезвычайно приятным и очень прочным». Способ приготовления смеси разных жидкостей для окрашивания бумаги состоял из нескольких операций<sup>160</sup>.

Высокого уровня достигло в XVI в. искусство каллиграфии. Выдающимися мастерами художественного письма были упомянутый выше Султан Али Мешхеди, Мир Али Херави, Махмуд ибн Исхак аш-Шихаби и другие. Труд по теории каллиграфического искусства составил в 1586—1587 гг. Дервиш Мухаммед ибн Дуст Мухаммед Бухари.

Искусство художественного письма требовало не только красивого почерка, но и стойких хорошего качества чернил. Сложные рецепты составления черных и цветных чернил нашли отражение в произведениях авторов сочинений, написанных в XVI столетии. Автор XVI в., имя которого, как и название сочинения, пока не установлены, приводит описание способов приготовления жидкостей, используемых в худо-

<sup>155</sup> Сорт бумаги.

<sup>156</sup> Г. И. Костыгова. Трактат по каллиграфии Султан-Али Мешхеди. Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II(V), Восточный сборник, Л., 1957, стр. 133. Дальше при ссылке на трактат: Султан-Али Мешхеди.

<sup>157</sup> Там же.

<sup>158</sup> Маджму'а-йи васайк, л. 176.

<sup>159</sup> Султан-Али Мешхеди, стр. 133.

<sup>160</sup> А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись., стр. 157—158.

жественном письме, и требующих, как это видно из его изложения, определенных навыков и кропотливого труда<sup>161</sup>.

Рецепт приготовления чернил приводится в трактате Султана Али Мешхеда. Здесь как составные части жидкости называются: сажа (سود), вишневая камедь (صمغ), купорос (زآك) и чернильные орешки (مازو). Для получения стойких чернил он советует купорос заменить квасцами (كباشه), что стало практиковаться, согласно тексту, лишь Султаном Али: «Никто не знал этого кроме меня»<sup>162</sup>. В той части трактата, которая посвящена приготовлению чернил, Султан Али советует:

«Возьми хорошей сажки, один сир сажки и четыре [сира] хорошей вишневой камеди. Скоро ли, долго ли, отыщи купорос и чернильный орешек, возьми сир одного и два сира другого. Вишневую камедь высыпь в чистую воду, чтобы она полностью растворилась [и стала] как медовая вода. Один-два дня крепко перемешивай воду с вишневой камедью, очисти комнату от пыли и сора. До ста часов растирай ее [с сажкой?]. Запомни от меня эти похвальные слова: квасцы гораздо лучше купороса, и никто не знал этого кроме меня. Чернилам от купороса бывает вред. Итак, лучше заменить купорос квасцами. Вскипяти настой из чернильных орешков и следи, пока он станет совсем прозрачным и [тебе] по душе. Прибавь к нему мягкие квасцы. Я ясно сказал тебе то, что было скрыто. После этого понемногу сливай [оба раствора], пробуй [достаточно ли слил одного и другого] и с этим не спорь, дабы в то время, когда [чернила] сгустятся, во время письма твое сердце было бы спокойно. Труда рук для этого не жалея. А иначе, знай: то, что ты сделал, бесполезно»<sup>163</sup>.

Раскрывая «то, что было скрыто» и являлось профессиональной тайной, Султан Али учит молодых писцов, как получить стойкие чернила и красное письмо.

Для придания чернилам особого аромата в смесь добавляли разные вещества. «Вместо чернил свежим мускусом» было написано письмо Тимура к хорезмскому государю Юсуфу Суфи для того, чтобы буквы «вышли яснее на шелковой бумаге». По определению А. А. Семенова: «В художественной каллиграфии существовала сложная система (продукт многих веков и поколений) выбора наилучшего тростника для письма, очинки тростниковых перьев, выбора бумаги..., способов окрас-

<sup>161</sup> Перевод этого места рукописи с подробным указанием доз, требуемых специй и времени выдержки, необходимого для добавления нужных жидкостей, приводится в работе А. А. Семенова «Гератская художественная рукопись»..., стр. 158—160.

<sup>162</sup> Возможно и другое понимание: Султан Али раскрыл секрет изготовления стойких чернил.

<sup>163</sup> Султан-Али Мешхеда, перевод, стр. 129, 131, текст, стр. 129, 130.

ки в разные цвета, разнообразная рецептура для получения черных и цветных чернил, для приведения в жидкий вид золота и серебра. Все это имело свою терминологию, свои секреты, свою школу»<sup>164</sup>.

Богато оформленные манускрипты нередко иллюстрировались миниатюрами. Их краски сохранили яркость до настоящего времени. Как и многие другие мастера того периода, выполнявшие при изготовлении основного изделия целый ряд побочных операций, художник сам составлял нужные ему краски, что требовало знания их состава и технологии приготовления. В живописи использовались не только растительные, но и минеральные краски, разведенные на взбитых яичных белках.

В специальном «Трактате о живописи», время создания которого исследователь относит к XV в. и локализует Средней Азией, говорится о тридцати двух красках, которые якобы распространил Джабраил<sup>165</sup>.

Роскошные рукописи, созданные в рассматриваемый период, сочетали в себе достижения в технике миниатюры позднего средневековья и прекрасное оформление листов, в котором принимало участие множество мастеров близких специальностей. Каждая художественная рукопись была продуктом коллективного труда<sup>166</sup>. Над ее созданием трудились: мастера-бумагоделы и лошильщики, художники-миниатюристы и художники-орнаменталисты, каллиграфы и переплетчики (имевшие дело с картоном и кожей), те, кто умел разводить лазурь, приводить в жидкое состояние золото и серебро, и те, кто проводил золотые и цветные линии, орнаментировал поля, делал заставки, и многие из них использовали те или иные краски. В одном из указов, составленном на имя знаменитого мастера-живописца Камалиддина Бехзада, «художественное мастерство которого, согласно указу, превосходило Мони», перечисляется целая группа лиц, участвовавших в создании богатой книги. Среди них называются: катибан (писцы), наккашан (художники, орнаментовщики), музаххибан (золотильщики), джадвалкашан (линовальщики), халкаран (наводящие золото), заркубан (инкрустаторы золотом), ладжвардшуйан (моющие лапис-лазурь) и другие специалисты, работавшие в библиотеке (китаб-хана) государя. *...حکم فرمودیم که*

*منصب استیفا کالانتری مردم کتابخانه همایون و کتابان و نقاشان و  
مذهبان و جدول کشان و حل کاران و زرکوبان و لاجورد شویان و*

<sup>164</sup> А. А. Семенов. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои, стр. 133.

<sup>165</sup> Э. Дарский. Среднеазиатский устав цеха живописца, «Проблемы востоковедения», 1959, № 3, стр. 107—108.

<sup>166</sup> А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись эпохи Алишера Навои, стр. 156; М. С. Булатов, В. Г. Долгвянская. Пропорции рукописных книг Среднего Востока XV--XVI вв., Сб. «Из истории искусств великого города», Ташкент, 1972, стр. 171.

سایر جماعتی که بامر مذکور منصوب باشند در ممالک محروسه مفوض  
و متعلق شود.<sup>167</sup>

Камалиддин Бехзад участвовал совместно с каллиграфом Султаном Али в оформлении рукописей Алишера Навои и Абдурахмана Джами в Герате. Эти манускрипты, как видно из хранящихся в рукописохранилищах произведений конца XV—XVI в., имели много общего с рукописными книгами, оформленными в Самарканде и Бухаре, а это дает нам право считать, что в создании самаркандских и бухарских рукописей принимало участие не меньшее число специалистов, чем те, которые перечислены в упомянутом указе.

Краски использовались также в архитектурной керамике для облицовки и орнаментации стен монументальных сооружений, в том числе и тех, которые были возведены в XVI в. и сохранились до наших дней.

Растительные краски имели значительное применение в кожевенном деле. В этом случае небезынтересно вспомнить сообщение историка Сейфи, которого цитирует В. В. Бартольд, называя его произведение «до сих пор никем не исследованным турецким сочинением», написанным в 990 г. х. (1582 г.) «и сохранившимся, насколько нам известно, только в одной рукописи; последняя хранится в библиотеке Лейденского университета»<sup>168</sup>. По словам Сейфи, казахские мастера шили кафтаны из овечьей шерсти, окрашенной в разные цвета.

П. И. Пашино, посетивший Туркестанский край в 1866 г., отметил, что красная краска, добытая из марены, использовалась для окрашивания замши и бараньих шкур, так же как и желтая краска зарчуба, полученная из корней ревеня. В Туркестанской области выделявали род замши из козлиной шкуры, которая называлась пуст-и буз, и род замши из бараньей шкуры, известной под названием миши. Оба они окрашивались в оранжевый или малиновый цвет. Замше можно было придавать также черный и синевато-серый цвета<sup>169</sup>. Кожа «цвета печени» называется в «Маджму'а-йи васанк»<sup>170</sup>.

Красками и золотом расписывались деревянные седла, которые в большинстве случаев не обивали сафьяном или дорогой тканью, хотя были и такие. Среди подарков, присланных Абдулла-ханом II царю Федору Ивановичу, называются «два деревца седельные навожены красками и золотом травы»<sup>171</sup>.

<sup>167</sup> Мактубат ва аспад, л. 1696—170а.

<sup>168</sup> В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 96; Т. И. Султанов. Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв., по персидско-таджикским и тюркским источникам. Автореф. канд. дисс., Л., 1971.

<sup>169</sup> П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 141, 145.

<sup>170</sup> Маджму'а-йи васанк, л. 176.

<sup>171</sup> МИУТТ, стр. 98.

Краски, добываемые из растений, использовались в косметике. Кастильский посол Клавиго заметил, что в тимуридском государстве «волосы красят, чтобы сделать их черными». Брови и ресницы красили усьмой и подводили сурьмой.

«Что за глаза! — их подводить сурьмой — лишь вздор

пустой,

Какие брови! — Крася их, испортишь лишь усьмой», —

писал Алишер Навои.

Красильными материалами при окраске тканей, писчей бумаги, кожи и т. п. служили руйан (руина), бузгун, нил, хиа, бакам, зак, за'фаран, кермез и др.<sup>172</sup> Из высушенных полевых цветов получали испарак, дающий желтый цвет. Для добывания желтой краски зарчуба использовались коренья ревеня. Как красильные вещества употреблялись, кроме того, гранатные корки, луковая шелуха, чай и др.<sup>173</sup>

**Руйан.** Одной из распространенных в Средней Азии растительных красок была марена — руйан, руйан, руина (в разных источниках пишется по-разному — *رويانه*, *روين*, *رويان*). В рисала чиггаров руйан упоминается как краска, использовавшаяся набойщиками для нанесения узоров на ткань. При приготовлении раствора руйан клали в котел с водой и кипятили<sup>174</sup>.

П. И. Пашино в путевых заметках рассказывает, что корни марены, опущенные в воду, дают красную краску; если же эту краску поставить в теплое место и заставить ее бродить, положив в нее листья, вызывающие брожение, то она превращается в желтую краску.

В Средней Азии марена культивировалась издавна. Русские исследователи XIX в. отмечают, что лучшие сорта ее возделывались в окрестностях Намангана. Меньше ценилась бухарская марена, а сорт возделывавшийся в Хиве был низкого качества. Марена произрастала и в Ташкентской области. И. П. Петрушевский на основании извлечений из «Китаби-и 'ильм-и фалахат у зира'ат» отметил, что «марена (руинас) дает хороший урожай на засоленных землях, где другие растения урожая не дают»<sup>175</sup>.

Согласно свидетельствам XIX столетия, марена выращивалась в разных районах Средней Азии. «Устав» мастеров набойщиков не отмечает районы, где культивировалась марена, однако здесь сообщается, что первоначальным местом произрастания руйана была якобы Мекка<sup>176</sup>.

<sup>172</sup> Скучные данные источников не позволяют охарактеризовать все красители, использовавшиеся в производстве.

<sup>173</sup> П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 145.

<sup>174</sup> Рисала-и чиггари, № 5003, л. 196; Рисала-и чиггари, № 1900 (23).

<sup>175</sup> И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 191.

<sup>176</sup> Рисала-и чиггари, № 5003, л. 206.

По описанию П. И. Небольсина, марену выращивали так. В начале весны поднимали землю мотыгами и боронили вспаханные слои. По пашне проводили лунки глубиной в четверть аршина и в промежутках высевали марену. Зеленые стебли скашивали для скота, но чаще оставляли для тепла корню. Чтобы иметь марену высокого качества, ей давали расти три года; на четвертый, когда стебли высыхали уже совершенно, корни достигали надежной зрелости. Спелые корни выкапывали и высушивали. Качество марены зависело от свойства почвы и времени произрастания<sup>177</sup>.

Из Средней Азии марена доставлялась в Россию. По данным более позднего времени на русские рынки ее чаще привозили хивинцы. В. В. Григорьев, отмечая значение ввоза в Россию хлопчатобумажных тканей и растительной краски марены, заметил, что у ворот менового двора описывалось, сколько было верблюдов с тюками хлопчатой бумаги и сколько с мареной.

П. И. Небольсин, который по словам В. В. Григорьева, рассматривал «во всем объеме» торговые обороты России «с Бухарою, Кокандом и Хивою»<sup>178</sup>, отметил, что русские купцы закупали марену и продавали ее в Казань фабрикантам кумачей<sup>179</sup>. Здесь невольно вспоминаются слова Наршахи, который в числе товаров, вывозимых из селения Шарг, называет карбас и руйан. Вполне возможно, что марену вывозили из Бухары и в XVI в.

**Нил.** В разные оттенки синего и голубого красили ткани с помощью индиго (нил — نیل) — растения индийского происхождения<sup>180</sup>. Эта растительная краска применялась в промышленном производстве.

В государство Шейбанидов индиго ввозилось из Индии. Также обстоит дело в более позднее время. П. И. Небольсин сообщает, что в Средней Азии красят кошенилью, индиго, бузгунджем и испаракон и далее добавляет, что индиго в большом употреблении во всей Средней Азии, куда оно доставляется из Индостана<sup>181</sup>.

Судя по письменным источникам, индиго как производственное сырье продавалось в XVI в. на рынках Бухары и Самарканда. Торговцы нилом (нилфурушан) и сама краска нил упоминаются в произведениях современников описываемых событий<sup>182</sup>. Из Средней Азии в числе

<sup>177</sup> П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 309.

<sup>178</sup> В. В. Григорьев. Разбор сочинения П. И. Небольсина «Очерки торговли России со Средней Азией», Отд. оттиск, стр. 118—144, 147.

<sup>179</sup> П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 310.

<sup>180</sup> Цвет металлического оружия, предметов из стали Навои нередко определяет как цвет индиго.

<sup>181</sup> П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 293, 311.

<sup>182</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 58, 267; Алишер Навои. Сокровищница мысли, Сочинения, т. II, Ташкент, 1969, стр. 31.

других транзитных товаров нил доставлялся в Московское государство, что нашло отражение в документальных материалах XVII в. В росписи товаров хивинского посла Мухаммеда Амина Баходура, прибывшего в Москву в ноябре 1641 г., среди разного вида тканей числилось четыре чаши индиго (نیل). Отсюда видно, что для определения количества индиго в Средней Азии пользовались чашей — касой (نیل چهار کاسه)<sup>183</sup>.

П. И. Небольсин писал: «В Бухарии запасы индиго бывают велики, краска лежит часто несколько лет до продажи»<sup>184</sup>. Приведенные выше сведения об индиго и его продавцах позволяют думать, что и в XVI в. нил привозился в Среднюю Азию в значительном количестве.

**Бакам** (يقم), соответствует русскому бакам, — фернамбуковое (бразильское) дерево. Из него получали краски темно-фиолетового и красного (пурпурного) цвета, использовавшиеся для окраски шелка и других изделий. Для этого бакам варили в котле вместе с разведенными квасцами. Чуб-и бакам (حوب يقم) встретился нам лишь в одном источнике (акт о разделе имущества, конец XVI в., Самарканд), но значительность его количества, в числе других полуфабрикатов и сырья, включенных в опись наследственного имущества<sup>185</sup>, может быть объяснена широким применением бакама в хозяйстве (он использовался также для столярных и токарных изделий). Вполне возможно, что Самарканд служил перевалочным пунктом для бакама, привозимого сюда из другой страны. Применительно к более позднему времени уточняется, что бакам был двух видов — кизил бакам и кара бакам, использовались они для окрашивания шелка и замши<sup>186</sup>.

**Бузгун.** Широкое применение при наложении узоров на бязь находил бузгун (бузгундж, бузгунч), о чем мы узнаем из цитированных выше двух рисала читгаров.

П. И. Небольсин зафиксировал, что в Бухаре и Ташкенте бузгун продавали пудами<sup>187</sup>. В уставах-обрядниках, составленных на узбекском и персидско-таджикском языках, слово бузгун в разных местах написано по-разному: بوزغون، بوجغونج، بوزغونج.<sup>188</sup>

Бузгун представлял собой чернильные орешки, образующиеся на

<sup>183</sup> МИУГТ, текст, стр. 427.

<sup>184</sup> П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 312.

<sup>185</sup> Маджму'а-йи васанк, л. 229а.

<sup>186</sup> Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, стр. 45, 50.

<sup>187</sup> П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 311.

<sup>188</sup> Там же; Рисала-и читгари, № 5003, л. 21а.

листьях фисташковых деревьев<sup>189</sup>. Умение пользоваться бузгуном, по «Рисала-и читгари», приписывалось Усто Беку Мухаммеду<sup>190</sup>.

**Шафран.** Оранжево-желтую краску получали из натурального шафрана (за'фаран — زعفران).

В пехлевийском труде IX в. разъясняется: «Все, что служит для окраски одежды, как шафран, сапон, зачава, ваха и прочие этого рода, называется красильным растением (раг)». Шафран среди других культурных растений упоминается и в «Шах-наме» Фирдоуси<sup>191</sup>. Подобные сообщения говорят об умении пользоваться шафраном как растительной краской с давних времен.

Шафран использовался не только в текстильном производстве и считался отличным красителем шелковых и шерстяных тканей, он имел самое многообразное применение в хозяйстве. Часто использовался шафран в качестве пряности, служил лекарственным средством при различных заболеваниях, применялся при приготовлении чернил<sup>192</sup>.

**Хна.** С незапамятных времен известна была в Средней Азии растительная краска хна (хенна). Оранжевая пудра из сухих листьев употреблялась для окрашивания бороды и усов. Женщины красили ею ногти, концы пальцев, ладони, а иногда и лицо, чтобы предохранить кожу от загара и трещин, могущих образоваться от горячих лучей солнца, а также от холода.

Из моих кровавых слез хну для милой сделаю,  
Из агатовых зрачков я чернила сделаю<sup>193</sup>.

Сок хны входил в состав смеси, из которой готовили хорошие чернила, ее использовали для придания оттенка бумаге. В некоторых случаях хна использовалась как лекарственное средство<sup>194</sup>.

В юридических документах XVI в. нередко упоминаются продавцы хны — хнафурушан. О сравнительно значительном их числе и степени распространённости использования хны можно судить по тому, что в Самарканде начала XVI столетия имелась баня продавцов хны — хаммам-и хнафурушан<sup>195</sup>.

**Кермес.** Для окрашивания дорогих тканей использовалась ценная

<sup>189</sup> А. М. Миронов. Производство хлопчатобумажной маты и набоек..., стр. 1142.

<sup>190</sup> Рисала-и читгари, № 5003, л. 21а.

<sup>191</sup> И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 175, 190, 177.

<sup>192</sup> Рисала-и читгари, № 5003, л. 436; см. также: А. А. Семенов. Гератская хужественная рукопись..., стр. 159; Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. II, Ташкент, 1956, стр. 239—240.

<sup>193</sup> Алишер Навои. Газели, Сочинения, т. II, стр. 89.

<sup>194</sup> И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., стр. 202.

<sup>195</sup> Вақф-наме, текст, стр. 129, перевод, стр. 240.

красная краска кермес ( قرمز ), получаемая из насекомого кермес. Кермес, кирмиз, кармезин, кармин — слова, вошедшие в словари европейских народов для обозначения оттенков красного цвета.

Из сообщения Захириддина Бабура относительно выделки в Самарканде XVI в. кермезинного бархата ( قرمزی مخمل )<sup>196</sup> можно сделать вывод, что в Средней Азии кермес использовался и для окрашивания бархата.

**Ладжвард** (лазурит — لاجورد ). Древняя надпись из ахеменидского дворца в Сузах повествовала о том, что при его постройке из Согда доставлялся лазурит<sup>197</sup>. Много веков спустя персидский автор также сообщал, что синяя краска — лапис-лазурь привозилась в Иран из «страны узбеков»<sup>198</sup>.

Лазурит доставлялся из Бадрахана (современный Афганистан) и использовался в разных отраслях, в том числе для окраски глиняной посуды. В Бухаре он продавался в трех разновидностях: густо-синий, небесно-синий и зеленовато-синий<sup>199</sup>. Кастильский посол писал, что богатство Самарканда «закключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях..., в притираниях, пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях»<sup>200</sup>.

В XIV—XV вв. среднеазиатская лазоревая краска доставлялась из Самарканда и Бухары в Поволжье и на Русь.

**Зак.** При набивании узоров на бязь, как это видно из рисала мастеров-набосечников на узбекском языке, использовался зак ( زاک، خضاک )<sup>201</sup> — купорос, квасцы (как принято переводить это слово в словарях). Однако Султан Али Мешхеди для обозначения квасцов и купороса использует разные слова ( زيه и زاک ). Автор трактата по каллиграфии, давая рецепт приготовления чернил, советует юноше, обучающемуся художественному письму: «Запомни от меня эти похвальные слова: квасцы гораздо лучше купороса».

يادگير از من اين سخنه سخن  
زيه از زاک بهترست بسي<sup>202</sup>.

<sup>196</sup> The Babar-nama, л. 48а.

<sup>197</sup> М. Е. Массон. К истории горного дела..., стр. 10.

<sup>198</sup> И. П. Петрушевский. Иран в XVII в. В кн.: Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Белецкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., Л., 1958, стр. 288.

<sup>199</sup> А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I, 1954, стр. 267—268.

<sup>200</sup> Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура..., стр. 327.

<sup>201</sup> Рисала-и чиггари, № 1900 (23), строки 102—105.

<sup>202</sup> Султан-Али Мешхеди, стр. 128—129.

Арабизированное (от зак — زاک) слово زاج означает то же, что тюркское кара буёх (قره بویه) — черная краска, железный сульфат, черная краска для тканей<sup>203</sup>.

Из рисала читгаров мы узнаем, что зак предварительно высушивался на солнце, затем его собирали, клали в воду, размельчали при помощи камня (ضاکنی تاشغه اورارده) и заваривали (ضاکنی دم)

<sup>204</sup>(قبیلورده. ضاکنی دم لاشده). Турецкий купорос — зак-и турк (زاک ترک), а по Султану Али, зак (زاک), как составная часть входил в сложный состав смесей, из которого делали чернила. Для этого определенное количество купороса клали на железную пластинку и держали на огне пока не сгорит входящая в его состав сера. Пережженный купорос распускали в розовой воде и добавляли в чернила из специально подготовленной сажи. Затем туда же подливали другие смеси: жидкую хну, жидкую басму, шафран и другие вещества. В результате получались стойкие чернила, цвет которых сохранялся, как видно из дошедших до нас рукописей, сотни лет<sup>205</sup>.

Квасцы кроме красильного дела употреблялись также для дубления кожи. Использовались они также для придания определенного оттенка бумаге.

**Ишхар.** Для отбеливания тканей применялся поташ (ишхар, ишкар — اشقار или اشخار). Его кипятили с водой и в кипящий раствор опускали ткань. Как видно из рисала, ишхар использовался при набивании ткани читгарами<sup>206</sup>.

Судя по сочинению XVI в., не имеющему заглавия и принадлежащему перу анонимного автора, растертый в порошок ишхар использовался также для приготовления смеси жидкости, в которой окрашивалась бумага<sup>207</sup>. Поташ входил в смесь, добавляемую в глину, при изготовлении керамических изделий<sup>208</sup>.

Как отбеливатель применялась также зола, образовавшаяся при горении каменного угля. Как сообщает Хафиз Таныш, при сгорании черных камней (каменного угля) образуется белая зола, которую используют вместо ишхара для отбеливания деталей одежды. Это отмечает и Хондемир в своем сочинении «Хабиб ас-сийар». По его словам,

<sup>203</sup> Кипрский купорос 'زاج فی بی' т. е. зеленый купорос.

<sup>204</sup> Рисала-и читгари, № 1900 (23), строки 102—105.

<sup>205</sup> А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись..., стр. 159.

<sup>206</sup> Рисала-и читгари, № 5003, л. 196.

<sup>207</sup> А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись..., стр. 158.

<sup>208</sup> А. А. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде, ЗИРГО, кн. IV, 1871, стр. 262.

в Ташкенте (Шаше) «имеется гора Ширэ, в которой находится много рудников, из которых добывается золото, железо, медь, бирюза и нефть. Здесь же имеется камень, который может гореть как уголь. Когда он горит, то остается чрезвычайно белый пепел. Этим пеплом белят материю, от чего она приобретает необыкновенную белизну»<sup>209</sup>.

Для отбеливания желтоватых тканей существовали специальные мастерские.

**Ахар.** В текстильном производстве находил применение крахмал — ахар (آهار). Для его приготовления доводили до кипения определенное количество разведенной пшеничной муки. Ткань опускалась в эту массу, высушивалась и выравнивалась.

Ахар использовался для крахмаливания готовой ткани ткачами, а также набойщиками-читгарами. Согласно рисала ткачей ремесленники-новички должны были научиться готовить крахмал. Если их спросят: «Что входит в состав крахмала?» (آهار اوزى نيجه نيمر سه بيله بولور), они должны ответить: «три (вещи) — вода, мука и огонь». Все это должно браться в соответствующем количестве, «не много и не мало». Если приготовленный крахмал все же останется, то следовало отдать его тому, кто в нем нуждается<sup>210</sup>.

Ахар в виде кашицеобразной массы использовался также для придания глянца бумаге. Бумажный глянec в Средней Азии назывался ахар-и мухра (آهار مخره). При ошибках в письме на такой бумаге «написанное осторожно смывалось теплой водой при помощи мягкой губки — абр (ابر); когда это место высыхало, его вновь покрывали жидким крахмалом, сушили и хорошенько ложили»<sup>211</sup>.

Рецепт приготовления крахмального клейстера, которым покрывали бумагу перед лощением, приводит в своем руководстве для художественного письма Султан Али Мешхеда: «Приготовляй ахар из крахмала, запомни это слово от опытного старика. Сначала приготовь массу [из крахмала и воды] и [еще] подлей воды [чтобы стало пожиже], затем прокипяти это один миг на жарком огне. Потом прибавь к этому жидкого клея. Процеди, чтобы [было] не жидким и не густым. Нанеси на бумагу и старайся, чтобы бумага не сдвинулась с места. Когда ты нанесешь на свою бумагу ахар, осторожно проведи по ней чем-нибудь влажным, [чтобы] сгладить неровности»<sup>212</sup>.

<sup>209</sup> П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии, стр. 39.

<sup>210</sup> Рисала бафандачилик, л. 9а, 10а; Рисала-и читгари, № 5003, л. 196.

<sup>211</sup> А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись..., стр. 157.

<sup>212</sup> Султан-Али Мешхеда, перевод, стр. 133, текст, стр. 132.

Крахмалу приписывалось мифическое происхождение от Евы<sup>213</sup>. Являвшиеся товарами производственного значения краски продавались и покупались на рынках.

Торговля красками выделилась в особую профессию. Наименование рангинфуруш ( رنگين فروش ), прибавляемое к собственному имени, свидетельствует о том, что продажа красок была занятием носителей этого термина. Другие занимались торговлей привозной растительной краской индиго. Нилфуруш ( نیل فروش ) — торговец нилом, хнафуруш — торговец хной нередко фигурирует в юридических документах<sup>214</sup>.

Из Средней Азии краски (некоторые транзитом) поступали в другие страны. В числе товаров, отправленных Абдулла-ханом II в конце XVI в., кроме тканей, являвшихся основным товаром почти всех среднеазиатских посольств, были и краски. Количество их было значительно — сорок пудов<sup>215</sup>. Некоторые виды растительных красок пересылались в Россию через Самарканд и Бухару из Индии, как это, видимо, обстояло и с индиго, привезенным в Москву вместе с разными видами тканей хивинским послом в 1611 г. Здесь оно было известно под названием «крутик». Так определено индиго в «рописи посольским Эминь-Богатыря животам» от 1641 г., где оно числится в описи доставленных из Средней Азии товаров<sup>216</sup>.

Для характеристики состояния красильного дела в Средней Азии позднего времени значительный интерес представляет сообщение, что бухарские купцы устраивали красильни в Московском государстве<sup>217</sup>.

В то же время какие-то виды красок ввозились в Бухарское ханство из России. Об этом косвенно свидетельствует определение бухарского седла, обозначенного в описи «конского прибора» Бориса Годунова, «краски писано московскими»<sup>218</sup>. В XIX в. из России в Среднюю Азию поставляли киноварь и сандал, черный и красный, толченый и кусками. В это столетие сюда экспортировалась также кошениль. Из Бадахшана везли в Бухару лапис-лазурь, из мелких кусков которого делали ультрамариновую краску<sup>219</sup>, из Индии через современный Афганистан доставлялось индиго.

<sup>213</sup> Бафандачилик рисаласи, л. 16а.

<sup>214</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 61, 8, 267.

<sup>215</sup> МИУТТ, стр. 98.

<sup>216</sup> Там же, стр. 168.

<sup>217</sup> В. Е. Вархар. Хлопчатобумажная промышленность. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXVII (полутом 73), СПб., 1903, стр. 336.

<sup>218</sup> М. В. Фехнер. Торговля русского государства со странами Востока., стр. 64.

<sup>219</sup> П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией, стр. 255, 314.

## ПРОИЗВОДСТВО БУМАГИ

Выделка бумаги занимала особое место в ремесленном производстве Средней Азии.

Истории возникновения и производства бумаги посвящены работы А. П. Федченко, В. Развадовского, Г. Григорьева, А. А. Семенова, автора этих строк и других<sup>220</sup>. Химический анализ среднеазиатской бумаги рассматривает в своей статье П. Д. Зотов. Производству бумаги в Самарканде посвятил несколько строк А. Мец, упоминание о среднеазиатской бумаге имеется в работе И. П. Петрушевского<sup>221</sup>.

Появление писчей бумаги на мусульманском Востоке относится к средневековью. Свидетельства источников позволяют считать, что, как и в первые века распространения ислама, в конце XV—XVI в. Самарканд продолжал оставаться центром производства высококачественной бумаги.

Мастер художественного письма Султан Али Мешхеди, создавший в сотрудничестве с другой знаменитостью Камалиддином Бехзадом подлинные шедевры каллиграфического искусства, в том числе копии произведений Алишера Навои и Абдурахмана Джами, образцы которых хранятся в настоящее время в книгохранилищах мира, отмечает высокосортность самаркандской бумаги.

В 1514 г. Султан Али Мешхеди написал трактат по каллиграфии, в котором изложил свой опыт и знания, приобретенные им «с поры молодости...». В стихотворной форме он описывает долгий и тернистый путь, который предстоит пройти каллиграфу, прежде чем он станет мастером художественного письма. Чтобы достичь совершенства, юноша обязан был не только уметь красиво писать, знать способы приготовления стойких чернил, уметь выбрать тростник для калама и очинить его, но и усвоить моральные качества, предъявляемые молодому

<sup>220</sup> А. П. Федченко. Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде, Сб., «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872; [Он же]. Путешествие в Туркестан, Известия Имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XI, вып. 7, СПб., 1875; В. Развадовский. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае. «Кагаз-обжувоз» (Производство бумаги), «Туркестанское сельское хозяйство», 1916. № 4, стр. 342—344; Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., А. А. Семенов. Гератская художественная рукопись.; Он же. О среднеазиатской бумаге; Г. Н. Чабров. Художественное оформление туркестанской литографированной книги, Труды АН ТаджССР, Искусство таджикского народа, вып. II, Душанбе, 1960; Р. Г. Мукминова. К истории производства самаркандской бумаги..., М. М. Абрамов. Из истории производства самаркандской бумаги (К 2500-летию Самарканда), ОНУ, 1968, № 12.

<sup>221</sup> П. Д. Зотов. К истории бумажного производства на Востоке, Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954; Он же. К вопросу о «шелковых бумагах», ОНУ, 1961, № 9; Адам Мец. Мусульманский ренессанс, М., 1966, стр. 363—364; И. П. Петрушевский. Иран в XVII в., стр. 288.

каллиграфу. Еще он должен был уметь приготовить состав, которым покрывали бумагу перед лощением, знать технику лощения с тем, чтобы в случае описок смыть их и «подремонтировать» это место. Конечно, молодой писец должен был уметь отбирать соответствующую бумагу для письма. Приведенные в трактате сведения о наилучших сортах бумаги, в частности о самаркандской, на которой письмо «получается ровным и красивым», о способах получения красивого письма, о цветах бумаги представляют для нас огромный интерес, ибо они исходят из уст тонкого знатока писчей бумаги, большого мастера-каллиграфа, каким был Султан Али Мешхеда.

Автограф стихотворного наставления по каллиграфии хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Факсимильное воспроизведение его и перевод на русский язык, выполненные Г. И. Костыговой, помогли ввести это произведение в научный обиход и сделали трактат доступным для широкого круга исследователей.

«Бумаги, лучше китайской, нет, сколько ни пробуй, [лучшей] нет. Как хороша самаркандская бумага! Если ты разумный человек, не отвергай ее. Письмо на ней получается равным и красивым, но [она] должна быть чистой и белой. Будь то обычная [бумага], будь то султанская, старайся взять хорошую».

Так пишет Султан Али в части, озаглавленной «О распознавании бумаги»<sup>222</sup>.

Мнение о прекрасных качествах самаркандской бумаги, высказанное мастером художественного письма, и его совет: «Если ты разумный человек, не отвергай ее», имеют для выявления уровня бумажного производства в Самарканде XVI в. особую ценность.

Не меньший интерес представляет для нас высказывание другого современника — Захириддина Бабура: «Лучшая бумага в мире получается из Самарканда». Ему было с чем сравнивать. В 912 г. х. (1506/1507 г.) автор мемуаров осмотрел гератскую мастерскую по выделке бумаги, расположенную в окрестностях города<sup>223</sup>, а к моменту, когда была завершена работа над «Бабур-наме», Захириддин Бабур уже видел города Индии и должен был знать о качестве индийской бумаги<sup>224</sup>. Становится очевидным, что самаркандская бумага была не единственной, производившейся в XVI в. на Востоке, и что она действительно обладала высокими качествами.

Характеристику самаркандской бумаги мы находим также у автора персидского словаря «Бурхан-и кати», составленного в Индии. «Из Са-

<sup>222</sup> Султан-Али Мешхеда, стр. 131.

<sup>223</sup> Бабур-наме, стр. 62, 233.

<sup>224</sup> На индийской бумаге написано собрание писем «Мукатибат», куда входят письма, адресованные Бабуру и Навои (СВР АН УзССР, № 4209).

марканда привозят прекрасную бумагу»<sup>225</sup>, сообщается в словаре о Самарканде.

Здесь в мастерских, как явствует из сообщения Султана Али, выделялась бумага нескольких сортов: «чистая и белая» и «обычная», надо думать, не обладавшая столь высокими качествами<sup>226</sup>. Особая «мраморная» бумага, кагаз-и абри ( کاغذ ابری ), использовалась для отделки полей листов рукописных книг.

Вместе с тем один и тот же вид бумаги мог быть разного качества, о чем мы узнаем из следующих слов: «Будь то обычная (бумага), будь то султанская, старайся взять хорошую». Лучший сорт бумаги был известен под наименованием «султанской», «самаркандской султанской» или «самаркандской шелковой».

По мнению некоторых исследователей, так называемая «шелковая бумага», известная в Средней Азии как «кагаз-и абришами», выделялась из «шелковых оческов», «сырцового шелка», «шелковичных коконов» и тому подобного<sup>227</sup>. Теперь это мнение подвергнуто сомнению.

Исследование бумаги рукописей Института востоковедения АН УзССР (анализу подвергались пятнадцать рукописей, относящихся к XV—XIX вв.), которые при описании в каталоге были определены как изготовленные из шелкового волокна, показало, что бумага данных рукописей была изготовлена из растительных волокон. Самаркандская бумага, по мнению того же исследователя, делалась из льняного тряпья<sup>228</sup>.

Мастера-бумагоделы (кагазгар) нередко упоминаются в источниках. Один из носителей этой профессии Устод Сейфи Кагазгар, сын Устода Карим Берди, согласно юридическому документу 1589 г., владел мукомольной мельницей<sup>229</sup>. Это позволяет предполагать, что некоторые мастера — кагазгары лишь руководили производственным процессом, не принимая в нем непосредственного участия.

А. А. Семенов приводит сведения об известном самаркандском мастере первой половины XVI в. Мир-Ибрахиме, с именем которого было связано производство специального сорта бумаги с «водяным знаком в виде белого кольца размером побольше двугривенного». Под названием «мир-ибрахими» эта бумага известна и в следующие столетия<sup>230</sup>.

<sup>225</sup> Бурхан-и кати, Изд. 3-е, т. II, Лакнау, 1888 г. (1305 г. х.), стр. 53.

<sup>226</sup> Султан-Али Мешхеди, стр. 131.

<sup>227</sup> См. А. В ам б е р и. Путешествие по Средней Азии, стр. 211.

<sup>228</sup> П. Д. З о т о в. К вопросу о «шелковых бумагах», стр. 48—54; Он же. К истории бумажного производства..., стр. 158.

<sup>229</sup> Маджму'а-йи васаян, л. 142а.

<sup>230</sup> А. А. Семенов. О среднеазиатской бумаге..., стр. 9; см. также Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, Записки Имп. Русского археологического общества, т. V, Новая серия, СПб., 1892.

Содружество трех известных мастеров — бумагодела Мир-Ибра-хима, изящнейшего каллиграфа Мир Убайда, художника, оформляю-щего рукописи, Мир Шафи' — создало письменные памятники, пред-ставляющие художественную ценность и в настоящее время.

Конечно, роскошные манускрипты были рассчитаны не для всех, кто умел читать. Прекрасно оформленная книга ценилась дорого и пред-назначалась для довольно узкой группы аристократов, высокопостав-ленных сановников и составлявшей сравнительно небольшое число интеллигенции.

Немало манускриптов и документов, написанных в XVI в. на са-маркандской бумаге, дошли до нас в хорошей сохранности. Теперь они ценятся не только как исторические источники, но и как подлинные шедевры искусства народных мастеров разных специальностей, и в том числе бумагоделов.

В «Собрании восточных рукописей» приводятся описания «Абдул-ла-наме» Хафиза Таныша, написанного, «по-видимому, не позже XVI в.», и «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана, который, «воз-можно, является автографом автора», и, «судя по бумаге и палеографи-ческим признакам... относится к началу XVI в.»<sup>231</sup>, а также сочинений других авторов, создавших свои произведения в рассматриваемый период на территории государства Шейбанидов. «Ко времени не позд-нее второй половины XVI в.» относит исследователь сочинения «Бадаи' ал-вакаи'» А. Н. Болдырев одну из старейших рукописей мемуаров Васифи, переписанную в Джуйбари<sup>232</sup>. В тот же период, видимо, был составлен дошедший до нас сборник документов джуйбарских шейхов, по бумаге и почерку чрезвычайно близкий к «Бадаи' ал-вакаи'»<sup>233</sup>. Исходя из того, что самаркандская бумага считалась одной из лучших, можно полагать, что эти сочинения, или многие из них, составленные по желанию отдельных среднеазиатских правителей, были написаны на славившейся в тот период самаркандской султанской бумаге. К чис-лу таких рукописей можно отнести и оригиналы дарственной грамоты Мирх-Султан-ханум «Вақф-наме», «Маджму'а-йи васайк» и другие<sup>234</sup>.

Об отдельных манускриптах Института востоковедения АН УзССР более уверенно говорится, что они написаны на самаркандской бумаге, например, «Анис ат-талибин» переписан в 1593 г. на великолепной «очень плотной», «хорошо лощеной», «цвета слоновой кости самарканд-ской» бумаге; трактат Хусейна ибн Ахмеда ал-Хусейна ал-Бухари пе-реписан в XVI в. «на весьма плотной цвета слоновой кости восточной

<sup>231</sup> СВР АН УзССР, т. I, № 137, стр. 61.

<sup>232</sup> А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи..., стр. 210.

<sup>233</sup> Там же; Из архива шейхов Джуйбарн, стр. V.

<sup>234</sup> Вақф-наме-и хазрат-и Шейбани-хан, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-670; Маджму'-а-йи васайк.

бумаге («самарканди»). На плотной самаркандской бумаге переписана в 1501—1502 гг. рисала Хусейна ибн Али ал-Ваиза ал-Кашифи. «Толстой самаркандской лощеной» определена бумага рукописи «Раузат ал-ахбаб» Атауллы ибн Фазлуллы, переписанной в 1575 г. На плотной самаркандской бумаге кремового цвета написан список одного из сочинений Абу Али ибн Сина, датированный 1644 г., и т. д.<sup>235</sup>. Следовательно, самаркандская бумага была плотной, хорошо лощеной, цвета слоновой кости (последняя у местных жителей определялась, видимо, как «бумага [цвета] гороха» (كاشف نخودی)<sup>236</sup>. Из сообщения Султана Али Мешхеда выявляется, что самаркандская бумага отличалась малопроницаемостью чернил, гладкой поверхностью и прочностью.

Относительно высокий уровень развития бумажного производства в Самарканде XVI столетия свидетельствует в целом о довольно широком спросе на бумагу среди городского населения. Значительное количество бумаги требовалось для создания исторических и поэтических произведений, составления различного вида юридических документов, частной переписки. Конечно, часто использовалась более низкосортная бумага.

Как явствует из отдельных указаний, мутаваллии обязаны были обеспечивать студентов бумагой для письма. Но это делалось далеко не всегда и не всеми распорядителями вакфа. Прекрасно осведомленный о внутренней жизни медресе Алишер Навои отметил, что нередко «бедные студенты выпрашивали листок бумаги для письма»<sup>237</sup>.

Бумажные толчеи и мастерская, где выделывались листы бумаги и где они лощились на специальном станке, уломинаются в числе недвижимого имущества, переданного в вакф в пользу двух самаркандских медресе. Они, как и другие толчеи и бумагоделательные мастерские, располагались в окрестностях Самарканда близ обсерватории Улугбека на каналах, выведенных из Снаба<sup>238</sup>.

Изучение сведений из «Вакф-наме» показывает, что мастер-кагазгар занимался выделкой бумаги, а лощение производил другой специалист — мухракаш. Таким образом, в мастерской были заняты, по крайней мере, два специалиста: мастер-бумагодел и мастер-лощильщик. В то же время nelloщенная бумага также могла продаваться на рынке, как это отмечено и для более позднего времени<sup>239</sup>.

<sup>235</sup> СВР АН УзССР, т. III, № 2036, стр. 107, т. VIII, № 5942, стр. 391, № 5940, стр. 389, № 5768, стр. 193; т. IV, № 3255, стр. 317.

<sup>236</sup> Маджму'а-и-и васаяк, л. 176.

<sup>237</sup> Алишер Навои. Вакфия, Баку, 1926, стр. 49; ркл. ИВ АН УзССР, № 6530, л. 326—33а; ркл. ИВ АН УзССР, № 5046, л. 1536 (37).

<sup>238</sup> Вакф-наме, стр. 244, 245.

<sup>239</sup> Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., стр. 154.

Производство бумаги ручной выработки продолжалось в Средней Азии и в следующие столетия.

А. Вамбери еще упоминает о самаркандской бумаге, хотя его данные о бумаге из сырцового шелка не соответствуют действительности. «Бухарская<sup>240</sup> и самаркандская писчая бумага пользуется громкой известностью не только во всем Туркестане, но и в соседних странах; она выделяется из сырцового шелка, чрезвычайно гладка и очень удобна для арабского письма», — писал он<sup>241</sup>.

О существовании мастерских по выделке бумаги в окрестностях Самарканда в 70-х годах XIX в. интересовавшемуся производством бумаги в Средней Азии А. П. Федченко ничего не было известно. Несколько позже, на рубеже XIX—XX веков, В. Л. Вяткин подтвердил, что в конце XIX — начале XX в. производство бумаги около Самарканда прекратилось: «Пред самым занятием Самарканда русскими были случаи обращения в вакф бумажных мельниц. В настоящее время вся эта местность покрыта сплошь мукомольными мельницами и толчеями»<sup>242</sup>.

В самом начале XX в. в Ташкенте и Коканде работали бумажные мельницы — последние «в многовековом существовании кустарного бумажного производства Средней Азии». По показаниям казака Максимова, «рабочих в Ташкенте на бумажном заводе, принадлежащем купцу Ахмеду», было до двадцати.

Несколько кокандских мастеров по сведениям Г. В. Григорьева организовали в XX в. бумажное производство в Бухаре. В гузаре Гурбун была устроена мастерская и в распоряжение мастеров было дано около сорока учеников-шагирдов<sup>243</sup>, а в «Путевых заметках» П. И. Пашино пишет, что писчая бумага из тряпья готовится одним ногайцем<sup>244</sup>.

В специальной статье «Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде», а также в работе «Путешествие в Туркестан» А. П. Федченко остановился на описании производства бумаги кокандскими мельницами<sup>245</sup>. Процесс выделки бумаги, как уже указывалось, описывает и В. Развадовский<sup>246</sup>.

<sup>240</sup> О бумажном производстве в Бухаре см. Н. Ф. Ситняковский. Заметки о Бухарской части долины Зерафшан, Изв. Туркестанского отделения ИРГО, т. I, 1899; вып. II, Ташкент, 1900, стр. 259; А. А. Семенов. О среднеазиатской бумаге..., стр. 5.

<sup>241</sup> А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии..., стр. 351.

<sup>242</sup> В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 22.

<sup>243</sup> Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., стр. 147—160.

<sup>244</sup> П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г., стр. 141.

<sup>245</sup> А. П. Федченко. Оби джуваз — писчебумажная фабрика в Коканде, стр. 227—232; [А. П. Федченко]. Путешествие в Туркестан, стр. 49—50.

<sup>246</sup> В. Развадовский. Опыт исследования..., стр. 342—344.

Изготовление бумаги в селениях Кагазгар и Чорку, расположенных недалеко от Коканда, подробно описал в работе «Кустарное производство бумаги в Узбекистане» Г. В. Григорьев<sup>247</sup>. Наблюдения бумажного производства в последние дни его существования и беседы с двумя мастерами — кагазгаром Кадыр Али Ядгаровым и мухракашем Мухаммед Али Кадыровым позволили ему отразить технический процесс производства бумаги. По словам автора, он старался «дать по возможности полное описание процесса приготовления бумаги», что, на наш взгляд, вполне удалось Г. В. Григорьеву. Автор приводит в своей работе также наименования инструментов для выделки бумаги. Сравнение их с инструментами, применявшимися в писчебумажной мастерской в Германии XVI в.<sup>248</sup>, позволило Г. В. Григорьеву сделать интересное заключение: в XVI в. в Германии применялись те же инструменты, что и в Средней Азии<sup>249</sup>.

Традиционность в ремесле и определенная застойность в хозяйственной жизни страны, в том числе и в ремесленном производстве, позволяют полагать, что в области изготовления писчей бумаги в XVI—XIX вв. не произошло особых изменений (это подтверждается также примерами из других ремесел). Следовательно, процесс производства бумаги в самаркандских мастерских в XV—XVI вв. был примерно таким же, как в мастерских, которые наблюдал Г. В. Григорьев. Поэтому описание процесса производства бумаги, относящееся к более позднему времени, в целом можно отнести и к XVI в. Сырьем для изготовления бумаги в тот период также служили тряпье и вата из старых халатов, одеял и тому подобного, которые сортировали по цвету и толкли в толчее, приводимой в движение водой.

По описанию Г. В. Григорьева, после ряда операций масса, подготавливаемая в течение многих дней, отливалась на форме с сеткой, переносилась на доску и отжималась. Готовые листы бумаги проклеивались крахмальным клейстером, высушивались и ложились. Выполнение последних операций производилось особым мастером мухракашем, который лошил бумагу посредством прокатывания.

Приблизительно в таких же толчаях изготовлялась в XVI в. волокнистая масса, из которой в кархана выделявали листы писчей бумаги, здесь же прокатывавшиеся на лощильных станках.

Как отмечает Султан Али Мешхеди, лощить отдельные места бумаги должен был уметь каждый мастер письма, с тем, чтобы смочь смыть ошибочно написанное и подправить лист. Поэтому в своем риса-

<sup>247</sup> Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., стр. 142—160.

<sup>248</sup> Фотография с гравюры Иоста Аммана (1578 г.), отображающая оборудованные бумажной мельницы и самый процесс производства, помещена в исследовании: И. Т. Малкин. История бумаги [М.], 1940.

<sup>249</sup> Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги..., стр. 157.

ла Султан Али учит будущего каллиграфа как сделать крахмал для покрытия бумаги и как лощить ее:

«Лощить бумагу следует так, чтобы на ее поверхности не появились складки. Доску для лощения следует чисто вымыть, в силу руки, но не крепко [и] не слабо»<sup>250</sup>.

При этом упоминается, что мастер письма не должен злоупотреблять исправлением написанного:

«Исправление письма не одобряется, для мастера [это] непохвально. Если бывает испорчено протяжение и несколько букв, так что [это] связано с исправлением по необходимости, исправь это калямом, будь далек, однако, от злоупотребления этим. Не исправляй перочинным ножом. Что общего у писцов с хирургами!»<sup>251</sup>.

Как уже упоминалось, продавались разные сорта бумаги. Наряду с кагазгарами-мастерами, выделявавшими бумагу, в документальных источниках упоминаются и продавцы бумаги кагазфуруши<sup>252</sup>.

Значительный интерес для характеристики писчей бумаги как ремесленной продукции, приобретаемой за деньги, и отражения ее товарности представляют материалы, извлеченные из «Вакф-наме». В условиях вакфной грамоты, выставленных Мухр-Султан-ханум, говорится, что в начале каждого десятилетия эту вакфную грамоту необходимо передать на обозрение правителям, в частности хакиму, шейхулисламу и главному казию, а также «знатым людям той поры». Удостоверившись в ее подлинности, они разрешили бы снять с нее копии и затем подтвердили бы ее правильность, закрепив это печатью, чтобы выставленные учредителем вакфа условия «существовали бы постоянно». Мутавалли же вакфного учреждения должен был оплатить стоимость бумаги (كاهن کاغذ), израсходованной на рукопись грамоты (объем ее превышает все известные до настоящего времени вакфные документы), за счет доходов вакфного учреждения<sup>253</sup>.

Две упомянутые бумажные толчен и мастерская для выделки бумаги изготовляли бумагу на сбыт. Поэтому факт приобретения бумаги на деньги из доходов вакфного учреждения позволяет полагать, что эти бумажные мастерские поставляли свою продукцию на самаркандские рынки. Само же вакфное учреждение приобретало бумагу уже с базара.

Потребность в самаркандской бумаге не ограничивалась спросом на нее внутри страны. Из Средней Азии она экспортировалась в соседние страны. Автор словаря «Бурхан-и кати», давая сведения относительно Самарканда и подытоживая данные других, более ранних,

<sup>250</sup> Султан-Али Мешхеди, стр. 135.

<sup>251</sup> Там же.

<sup>252</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 65.

<sup>253</sup> Р. Г. Мукмилова, К истории аграрных отношений..., стр. 32, 298–299.

авторов, пишет, что из Самарканда в Индию привозят бумагу<sup>254</sup>. Из Самарканда бумага доставлялась и в Герат. Несколько харваров бумаги вместе с другими товарами — кунджутом, рисом, хлопком — было направлено на юг через Амударью по распоряжению Убайдуллы Ходжа Ахрара, о чем упоминается в письмах последнего к Алишеру Навои<sup>255</sup>. Крупнейший специалист по истории феодального Ирана И. П. Петрушевский отметил, что в XVI—XVII вв. в Иране было распространено писчебумажное производство, но бумага, производившаяся там, была хуже среднеазиатской, почему последняя и ввозилась в Иран<sup>256</sup>.

В 1675 г. в Москву от бухарского хана Абдулазиза приехал посол Хаджи Фарух. После двухмесячного пребывания в Москве с ответной грамотой и подарками он был отпущен назад в Бухару, а вместе с ним в Бухарское ханство были направлены русские посланники Василий Александрович Даутов и Мухаммед Юсуф Касымов. Первый был специально назначен в Бухару и Хиву, а Касымов должен был из Бухары отправиться в Индию. Оба везли грамоты от русского царя Алексея Михайловича: один к бухарскому хану Абдулазизу Баходуру, другой — к шаху Аурангзебу. Им было поручено купить «100 кож хартейных цветных тонких, несколько стоп бумаги цветной с крапинами»<sup>257</sup>. Из текста неясно, где должны были русские послы покупать эти изделия. Однако, основываясь на тех обстоятельствах, что с Индией Московское государство тогда еще только пыталось наладить отношения, и главное, среднеазиатская бумага доставлялась в другие страны и была широко известна за пределами государства, можно считать, что наказ о приобретении нескольких стоп «бумаги цветной с крапинами» был дан Василию Александровичу Даутову с тем, чтобы он приобрел их в Бухаре.

Итог нашего очерка о бумаге может быть сведен к следующему: в XVI в. в окрестностях Самарканда продолжала производиться бумага, известная в Мавераннахре с раннего средневековья; бумага в XVI в. отличалась большой товарностью, на самаркандских рынках обращались разные сорта ее, лучшими из которых считалась «самаркандская султанская» и «китайская». Первая из них изготовлялась в окрестностях Самарканда, но получила известность по названию города, где производилась ее реализация<sup>258</sup>. Сообщения современников свидетельствуют, что эта бумага была высокого качества и вывозилась далеко за пределы Средней Азии.

<sup>254</sup> Бурхан-и кати, т. II, стр. 53.

<sup>255</sup> А. Навои. Маджму'и мурсалот, л. 252—253; Цит. по: Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни..., стр. 38.

<sup>256</sup> И. П. Петрушевский. Иран в XVII в., стр. 288.

<sup>257</sup> МИУТТ, стр. 219—227; В. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., стр. 46—48.

<sup>258</sup> Бумага, известная под названием «китайской», возможно, изготовлялась не только в Китае, но и в других странах.

## ПРОИЗВОДСТВО МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Обработка металла издревле была почетным делом и занимала заметное место в экономике среднеазиатских государств. В XVI в. бухарские и самаркандские мастера-металлисты изготавливали предметы из меди, бронзы, чугуна, железа и других металлов, а также сплавов. Извлечения из источников позволяют составить довольно обширный список металлических изделий, которые имели самое широкое применение в хозяйственной жизни страны, часть их была рассчитана на удовлетворение потребностей лишь узкого круга обеспеченного населения.

В письменных источниках мы чаще встречаем наименования дорогих металлических предметов, использовавшихся в феодальных домах, дворцах, культовых учреждениях. Имеются и отдельные упоминания об изделиях, которыми пользовались рядовые горожане. В частности, в документах, вошедших в сборник «Маджму'а-йи васайк», называются металлические изделия, использовавшиеся в домах средних слоев населения. В том числе: 30 тазов банных (طاس حمام) общим весом в 1 манн и 5 сиров, т. е. вес каждого таза 0,75 кг (документ 1590 г.); ведро медное (سطل) весом в дунимсир и нимча — 1,328 кг (документ 1590 г.); котел (ديك) большой медный лахорский в 10 дунимсиров — 12,5 кг (документ 1594 г.); три блюда (طبق) больших медных весом в 3 дунимсира и нимча, следовательно, вес каждого блюда составлял 1,526 кг (документ 1594 г.)<sup>259</sup>. В тот же сборник включен акт о разделе имущества, где числятся 8 блюд, два котла (ديك), один котелок для растапливания овечьего курдючного сала (ديگچه خونيه گداز) общим весом в 1½ манна, т. е. 30 кг (год составления акта не указан)<sup>260</sup>. Как видим, ценность металлических изделий определялась не только металлом, из которого они были изготовлены, но и их весом.

Документальные источники сообщают нам о железном затворе, замке, фонаре, вертеле, серпах и других изделиях из железа.

Широко использовавшиеся в хозяйстве лопата (بيل) (один из тех, кто занимался распродажей лопат — билфуруш, проживал в 1570 г. в Бухаре), тиша (تيشه), кетмень (كلند), топор (سالتو، تبر) (последний имел и боевое назначение) изредка упоминаются в источниках. В числе сельскохозяйственного инвентаря, купленного джуйбарским шейхом, были четыре лопаты и два железных предмета,

<sup>259</sup> Маджму'а-йи васайк, л. 256, 28а, 77а. Пересчет меры весов выполнен Е. А. Давидович (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии, стр. 90, прим. 65).

<sup>260</sup> Маджму'а-йи васайк, л. 229а.

название которых не удалось восстановить из-за плохой сохранности текста, а по вакфной грамоте 1489 г. в списке жертвуемых имуществ числятся четырнадцать кетменей и шестнадцать лопат<sup>261</sup>. Ремесленники-строители, основным инструментом которых была тиша (ахл-и тиша (اهل تيشه)) упоминаются в нишане, выданном на имя главы (كلا نثر) Устода Гуляма Али<sup>262</sup>. На миниатюрах XVI в. лопата, кетмень и тиша имеют такую же форму, какую они, находя частичное применение в хозяйстве, имеют и теперь.

Сравнительно часто упоминаются в письменных памятниках котлы бронзовые, медные и чугунные, разных размеров, форм и назначения: для литья свеч, растапливания курдючного сала, сиропа и т. д. Для их обозначения использовались разные наименования: пагила, кудур, диг

(ياالله قدر دېگ) и др. Некоторые из них были очень большими. По приказу Тимурида Мирза Мухаммеда Джуки в Хорасане был отлит котел из сплава «семи металлов». Его величина была такой, что в нем (по словам Хафиза Таныша) можно было одновременно сварить мясо 300 баранов<sup>263</sup>. Такие котлы, подобно котлу из мечети Ходжа Ахмеда Ясави<sup>264</sup>, очевидно, изготавливались по предварительно приготовленным моделям, с которых снимались колыбы для отливки.

Наличие гладильных дуканов (دكان اوتوكشي) и упоминание утюга (آتو) «накаленного докрасна», которым один из эмиров хотел наказать свою служанку, позволяет говорить о существовании металлических утюгов и, возможно, мастеров, изготавливавших их. Согласно одному из документов, в 1557 г. два гладильных дукана располагались снаружи старой крепости Бухары<sup>265</sup>.

Сельскохозяйственный инвентарь, инструменты ремесленников и простая медная посуда без какой-либо отделки свидетельствуют об использовании металлических, в частности, медных, изделий в быту довольно широких слоев населения.

Ассортимент металлических изделий, в основном использовавшихся в аристократических кругах населения (шестидесятые годы XV в), представлен в вакфном документе самаркандского мавзолея Ишрат-хана, составленном от имени дочери эмира Сухраба Хабибы Султан в 1464 г.

<sup>261</sup> Из архива шейхов Джуйбари. Док. 3, 375; Самаркандские документы..., стр. 172, 232.

<sup>262</sup> Мактубат ва аснад, л. 175а.

<sup>263</sup> Хафиз Таныш. Абдуала-намс, Д-88, л. 427б.

<sup>264</sup> М. С. Булатов. Шедевр мастера Абдль Азиза (Из истории художественного литья в эпоху среднеазиатского Ренессанса), СА, № 2, 1969, стр. 233—234. Там же литература вопроса.

<sup>265</sup> Мактубат ва аснад, л. 216б; Маджму'а-ин васайк, л. 116а; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1138; Из архива шейхов Джуйбари, Док. 48.

Приводим список этих предметов (в чтении и переводе В. Л. Вяткина): лангард (котел) медный, большого веса в семнадцать с половиной сиров — 8,75 кг<sup>266</sup>, (из расчета: сир = 1/40 манна, а мани XV—XVI вв. равен 20 кг); наила (котлообразный сосуд для разведения сладкой воды) медная, большого веса в двенадцать с половиной сиров — 6,25 кг; хуланчи (чаша) бронзовая; афтоба (кувшин для умывания) бронзовая; два стаканчика свечных бронзовых, чеканенных серебром, больших; машраба (котлообразный сосуд) с серебряным горлышком, золоченая; фонарь железный; кадильница (уд-суз) медная с серебряной насечкой; нож с ручкой из зуба с ножнами из кимухта<sup>267</sup>; сафьяновый сундук, закрываемый железным затвором; две бронзовые чаши золоченые; двенадцать кандилей (канделябров) медных, из них один обработанный золотом и одиннадцать малых; мангал (жаровня) медная с железными ножками и т. д.<sup>268</sup>. В других произведениях нередко упоминается циркуль.

В зависимости от металла, с которым имел дело мастер, а также вида вырабатываемой продукции ремесленники делились на множество профессий, причем наблюдалась довольно узкая специализация мастеров-металлистов.

Довольно многочисленны были кузнецы (ахангаран — *اھنگران*). Эти ремесленники, а нередко их дома и мастерские, упоминаются и в Бухаре и Самарканде. Дуكان вместе с деревянным айваном и открытой площадкой для кузнечного ремесла, согласно документу от 1566 г., располагался у базара внутри крепости Каракуль<sup>269</sup>.

На миниатюрах, иллюстрирующих рукописи XV—XVI вв., можно увидеть изображение кузницы, где размещены горн, меха, наковальня, молоты, шипцы, тиша и т. д. Здесь одновременно работало несколько человек<sup>270</sup>.

Гвозди разных форм и размеров были обнаружены в гробах при вскрытии захоронений в Самарканде. Их изготавливали гвоздари

<sup>266</sup> Сир — единица веса, равная 1/40 манна (батмана) (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии., стр. 103, 90).

<sup>267</sup> В. Л. Вяткин это слово ошибочно прочитал *کیمخت* (کیمخاب) вместо *کیمخت*. Отсюда перевод: «камка» (сорт ткани), вместо «кимухт» (особый сорт кожи).

<sup>268</sup> В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 125, 126, 128, 131. (Чтение и перевод В. Л. Вяткиным отдельных терминов требует уточнения).

<sup>269</sup> Маджму'а-йи васанк, л. 177а; Из архива шейхов Джуйбари. Док. 43, 280, 308.

<sup>270</sup> Ркп. ЛО ИВ АН СССР, С-1654, л. 212; О. И. Галеркина. Рукопись сочинений Навои 1521—1522 гг. из собраний ГЛБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Труды, т. XLII, Институт истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, 1956, стр. 228, 230, 232.

(михчегаран — *میخچه گران*). Мастерские ковалей (подковщиков) (на'лбандан — *نعل بندان*, такачийан — *تاقاچیان*) в Самарканде упоминаются на старом базаре подковщиков — на'лбандан-икадим. В городе была и улица подковщиков — такачийан. Были они и в Бухаре. Мастера по изготовлению иглол (сузангаран — *سوزنگران*) дали название самаркандским воротам Сузангаран и примыкавшей к ним улице<sup>271</sup>. В серии документов, составленных при поступлении ученика к мастеру, имеется договор 1589 г., по которому сын Шамсуддина поступил в обучение к мастеру Устоду Мулле Мирзе Али Сузангару с тем, чтобы последний в течение двух лет обучил его искусству игольщика (*صنعت سوزنگری*)<sup>272</sup>.

На выделке ножей специализировались мастера-ножовщики (кардгар — *کار دگر*, пичакчи — *پچاقچی*), изготавливавшие ножи разных форм и размеров. Один из таких мастеров, некий Маулана Абди, «известный как Пичакчи», проживал в Самарканде в конце XVI в. Один из дуканов по производству ножей (*دکان کار دکاری*) находился на базаре Масджид-и Маулана Эмири в Бухаре<sup>273</sup>.

Для зачинки каляма использовались особые перочинные ножи (*قلم تراش*), лезвие которых было разной длины и ширины, о чем мы узнаем от Султана Али: «Я дам тебе наставление о перочинном ноже, открою сокровенные слова: лезвие его (должно быть) не длинным (и) не коротким, не узким и не широким...»<sup>274</sup>. В настоящее время среди экспонатов Музея истории народов Узбекистана им. Айбека имеются перочинный нож и бритвы, использовавшиеся в медицине, а также очень большие ножи с треугольным сечением лезвия, которые могли иметь боевое назначение.

В источниках упоминается слесарь — чилагар (*چیلنگر*), мастер, выделывавший напильники, — сухангар (*سوهانگر*), мастер, изготавливавший щипцы для снятия нагара со свечи, — микразгар (*مقراضگر*)<sup>275</sup> и другие мастера, специализировавшиеся на изготовлении какого-либо одного предмета.

Широкий ассортимент предметов бытового и хозяйственного назначения изготавливали медники (*مسگر*). Основной продукцией медни-

<sup>271</sup> Маджму'а-йи васанк, л. 171а; Самаркандские документы., стр. 341, 378; Вакфнаме, стр. 238.

<sup>272</sup> Мажму'а-йи васанк, л. 1186.

<sup>273</sup> Там же, лл. 26а, 105а; Из архива шейхов Джуйбари, Док. 43 (В переводе неверно: дукан «по продаже ножей», «Хозяйство джуйбарских шейхов», стр. 119).

<sup>274</sup> Султан-Али Мешхеда, стр. 135.

<sup>275</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 43, 90; Макубат ва аснад, л. 25а, 175а.

ка была посуда, разная по величине и форме: кувшины разного назначения и наименования (افتابيه، كوزه), тазы, в том числе банные (طاس حمام), ведра (سطل). В вакф-наме 1489 г. называются большие и маленькие медные котлы (ديگ), миски (شاه كاسه، كاسه), медные котелки (پاتله) для сиропа, медные шумовки (كيبگير), блюда (طبق ليگرد) и кувшины (كوزه). В источниках упоминаются также: медные кадилница, ковшик, канделябры и другая продукция медников<sup>276</sup>. Зайниддин Васифи сообщает, что лучшие образцы медных изделий украшались чеканкой. Такие изделия из меди стоили дорого и были доступны лишь богатым горожанам. Один из мастеров-чеканщиков — самаркандец Устод Камал (начало XVI в.) «обладал предельным совершенством в искусстве обтачивания металла» (методом? چرخکاری). По характеристике его друга, он был якобы «единственным мастером [своей] эпохи..., подобного ему ремесленника на престоле ремесла не сидело»<sup>277</sup>.

Отливкой изделий из бронзы (برنج) занимался рихтагар (ريخته گار). Во второй половине XVI в. в Бухаре проживал некий мастер-литейщик Устод Яр Хасан Рихтагар, который, по сведениям юридического документа 1563 г., имел свой дуكان и дом, «построенный на отчужденной полосе рва»<sup>278</sup>.

В литературе было высказано мнение, что в Средней Азии «бронза исчезла из обихода чуть не с XIII в.»<sup>279</sup>, между тем в письменных источниках XV—XVI вв. упоминаются не только литейщики-рихтагар, но и значительное число изделий из бронзы (برنج).

Уникальная группа бронзовых художественных изделий, общее число которых превышало шестьдесят, и включало сосуды, на которых «чеканка сочетается с филигранной резьбой, нанесением черни, инкрустацией золотом, серебром и красной медью», была обнаружена при археологических работах последних лет в Самарканде на площади Регистан, к востоку от медресе Шир-Дор. Среди них кувшины с высокими

<sup>276</sup> Маджму'а-йи васайк, лл. 256, 28а, 77а; Самаркандские документы, текст, стр. 171, перевод, стр. 232—233; В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 129.

<sup>277</sup> Зайн-ал-дин Васифи. Бада'ал-вакан', т. I, стр. 108; А. Н. Болдырев. Мемуары Зайн-ал-дина Васифи., стр. 228—230.

<sup>278</sup> Из архива шейхов Джуйбары, Док. 40.

<sup>279</sup> А. А. Семенов. Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана, Литература и искусство Узбекистана, кн. IV—V, стр. 122.

цилиндрическими горловинами и овально-округлым туловом, котелки шаровидной формы, полые подставки восьмигранной формы, покрытые чеканкой, некоторые инкрустированы красной медью, десертная ложка, ковш и другие изделия. Часть из них инкрустирована серебром и золотом, что выполнялось «преимущественно способом холодной набойки: серебряные буквы, изображения и медные пластинки вбивали в подготовленную предварительно резцом глубокую основу; золотые буквы подписи вырезали из тонкого листового золота и набивали сверху». Все это находилось на небольшой разрушенной печи XIV—начала XV в.<sup>280</sup>

Среди бронзовых сосудов, перечисленных в дарственной грамоте в пользу мавзолея Ишрат-хана, числятся бронзовая хуланчи (чаша) (اغتاجی برنجین) бронзовая афтаба (افتابه برنجین) два стаканчика свечных бронзовых, чеканенных серебром (در سر شمع برنجین) бронзовый стаканчик для свечей с узорами из золота (نقره کوئت (یک شمع پای برنج بتقش طلا).

Судя по данным исследователей, изготовление медных и бронзовых кувшинов и некоторых других изделий осуществлялось в XV и XIX столетиях путем сплавания элементов, каждый из которых отливался отдельно. По аналогии можно полагать, что также изготовлялась бронзовая продукция в XVI в.

В приведенном выше списке предметов домашнего обихода, жертвуемых в пользу мавзолея Ишрат-хана, упоминается жаровня — мангал (مئقل). Он мог использоваться для приготовления небольшого количества пищи, а также для прогревания помещения при помощи раскаленного древесного угля. Определенный вид мангала (по данным более позднего времени) был известен под названием мангал-и бухари — бухарский мангал. Им часто пользовались на базарах для приготовления пищи<sup>281</sup>.

Мангал, включенный в список вакфных документов, был сделан, как сказано в источнике, из меди (مس) а его ножки — из железа. К более позднему времени относятся указания о чугунных мангалах, каждая часть которых отливалась отдельно, а также о мангалах из бронзы с чугунными ножками<sup>282</sup>, т. е. во всех случаях мангал состоял

<sup>280</sup> Ю. Ф. Буряков. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV—начала XV века из Самарканда, ОНУ, 1969, № 8—9, стр. 82, 84; См. также: М. С. Булатов. Шедевр мастера Абдль Азиза.

<sup>281</sup> Hans E. Wulff. The traditional crafts of Persia, p. 28.

<sup>282</sup> О. А. Сухарева. К вопросу о литье металлов в Средней Азии, стр. 153; Hans E. Wulff. The traditional crafts of Persia, p. 28.

из нескольких элементов, спаявшихся вместе. Кувшины, обнаруженные при археологических раскопках в Самарканде, были спаяны из приготовленных врозь элементов, ручки крепились с помощью заклепок-гвоздиков.

Довольно развитым ремеслом в XVI в. было литье чугуна, которое, как сообщает М. Е. Массон, было известно в течение всего средневековья<sup>283</sup>. Основными изделиями из чугуна были котлы. Котлы изготовлялись разных размеров для бытовых нужд и производства (таким был, например, «котел чугунный для литья свеч») <sup>284</sup>. Из чугуна изготовлялись также светильники; среди них встречаются подвесные, украшенные ажурной решеткой. Образцы их экспонируются в Музее истории народов Узбекистана им. Айбека и Государственном музее искусств УзССР.

Среди предметов, переданных в пользу медресе Шейбани-хана, называются два чугунных котла (ديگجوين). Один из них был разбитый и не мог использоваться по назначению и, как оговаривается в грамоте, служил для прикрытия огня<sup>285</sup>. Эта деталь — негодный котел в списке вакфного имущества, не только свидетельство скрупулезности описи, но и значительной ценности предмета из чугуна.

В одном из актов, составленных в Самарканде в 1590 г. в связи с разделом имущества, оставшегося после смерти жителя местности Чуйанчи (Чугунщик) тумана Согди Калан Самаркандской округи Муллы Науруза, сына Муллы Паянда, мы находим материалы, значительно дополняющие сведения о чугунолитейном промысле в Средней Азии XVI в. Здесь упоминаются чугунолитейная мастерская и 4 манна чугуна, стоимостью в 16 танга ханских<sup>286</sup>. Последнее в дальнейшем могло быть использовано для изготовления чугунных изделий. Само же название местности свидетельствует о том, что жители занимались чугунолитейным делом. Это первые выявленные письменные сообщения о чугунолитейной мастерской и занятий населения Средней Азии чугунолитейным делом, почему содержание акта с этой точки зрения, представляет огромный интерес. Следует также отметить упоминание земель Чуйанчийан в «Самаркандских документах XV—XVI вв.», что также может быть рассмотрено как факт занятия жителей этих земель литьем чугуна<sup>287</sup>.

Литейщик чугуна — чуйанчи, был тесно связан с городом, где в основном реализовывалась продукция чугунолитейного производства.

<sup>283</sup> М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана, стр. 3, 48; Он же. К истории горного дела на территории Узбекистана, стр. 39, 47.

<sup>284</sup> Самаркандские документы, стр. 232.

<sup>285</sup> Вакф-наме, текст, стр. 120, перевод, стр. 234.

<sup>286</sup> Маджму'а-и васаик, л. 227а.

<sup>287</sup> Самаркандские документы., стр. 177, 390.

Реже упоминаются в источниках предметы из стали ( فولاد، فولاد ), хотя ее обработка была известна на Востоке еще в раннее средневековье (особенной славой пользовалась дамаская сталь, отличавшаяся высококачеством). «Булатные сабли» и ножи называются в числе товаров, привезенных среднеазиатскими послами в Московское государство. Имели применение также булатные ножи европейского изготовления<sup>288</sup>.

Обработка драгоценных металлов была высокоразвитой отраслью ремесла. Письменные источники XVI в. упоминают о специалистах-тянульщиках узкой плоской ленточки из серебра ( سیم کش ) и из золота ( زرکش ). Одна из лавок-мастерских тянульщиков металлической ленточки-сим ( دکان سیم کشی )<sup>289</sup>, располагавшаяся в Самарканде на базаре Хурдафурушан, в 1589 г. была продана «неокончательной продажей», т. е. заложена одному из «уважаемых» лиц города. В дуكانе имелся следующий инвентарь (терминология, использованная для обозначения, к сожалению, выяснена лишь частично): кузнечный мех ( گاو دم ), три чурбана ( کنده ), вероятно с наковальнями, на которых производилась обработка раскаленного металла, а также три балки-подпорки и четыре суфы. Один из чурбанов называется آهن کشی, другой باریک کشی, третий آهن کشی. Инвентарь вместе с дуканом, как балки и суфы, находившиеся у входа, переходили в распоряжение нового хозяина.

Как во многих случаях, оформленных юридически и включенных в серию документов «Маджму'а-йи васайк», отныне прежний владелец дукана обязан был платить за аренду мастерской сумму в размере 6 динаров за каждый истекший день. По законам шариата это оформлялось как плата, причитающаяся за хранение новым хозяином тридцати банных тазов, седла и попоны, принадлежавших прежде владельцу мастерской<sup>290</sup>.

В Бухаре и Самарканде, где находился феодальный правитель и его пышный двор, где был сосредоточен государственный аппарат, где жили и куда съезжались купцы, было сосредоточено производство дорогостоящих ювелирных изделий. В рукописях изучаемого времени нередко упоминаются ювелиры-заргаран ( زرگران ), специали-

<sup>288</sup> МИУТТ, стр. 98, 249; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи'ал-вакай', стр. 1100; Маджму'а-йи васайк, л. 1856.

<sup>289</sup> Узкая полоска металла—сим в России известна была под названием «бить» (Е. М. Пещерев а. Бухарские золотошвей, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVI, стр. 274).

<sup>290</sup> Маджму'а-йи васайк, л. 256.

ровавшиеся на изготовлении серег, перстней, браслетов и т. п. Золотые серьги ( *حلقه طلا* ), каждая весом в три мискаля<sup>291</sup>, упоминаются в одном из юридических документов, составленном в 1590 г.<sup>292</sup>. Золото шло на женские украшения, но и мужчины любили пользоваться драгоценностями<sup>293</sup>. Любимым камнем на Востоке были бирюза, сердолик, агат — камни с магическим значением, равно как ла'л, изумруд и жемчуг, которым украшались налобные повязки и серьги.

Дорогие украшения составляли фамильные достояния и передавались из поколения в поколение. Мастера-ювелиры были особенно тесно связаны с феодальной знатью. При дворах государей и некоторых эмиров могли быть свои ювелиры. Таким был, например, Султан Мурад, мастер золотых дел ( *زرگر* ) эмира Шахмансура — одного из приближенных Султана Хусейна<sup>294</sup>. Браслеты, серьги, кольца, выполненные из меди, бронзы и серебра дополняли праздничный наряд городских женщин среднего сословия, а также привозились в сельские местности и в степные районы.

Небольшой круг феодальной знати пользовался дорогой посудой, украшенной золотом и серебром. Золотые и серебряные бокалы и блюда ( *التون اياغ نقره حمام* ) нередко упоминаются в «Абдулла-наме» Хафиза Таныша, «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха и в других исторических сочинениях этого периода<sup>295</sup>. Изображения таких предметов можно видеть на миниатюрах XVI в.

Роскошные изделия из металла, отделанные чеканкой, инкрустированные золотом, серебром и драгоценными камнями, служили предметом дарения. «Золотые» и «серебряные» бокалы были преподнесены, например, Шейбани-хану. В числе подарков, привезенных в 1585 г. послом Абдулла-хана II Мухаммедом Али царю Федору Ивановичу, называется «чаша ценная с травами навожена золотом»<sup>296</sup>.

По сообщениям письменных источников, мастерские медников, кузнецов и других металлостов находились на базарах. Здесь они работали, здесь же они продавали свою продукцию.

Специализированные базары по обработке металла существовали во многих среднеазиатских городах. Торговые ряды кузнецов, медников, литейщиков котлов, подковщиков, серповщиков, целые кварталы подковщиков, мастеров по изготовлению иглол и т. д., находившиеся в

<sup>291</sup> Если исходить из того, что в Самарканде «единица веса в 4,46 г сохранилась... и в последующее время», после VI—VIII вв. (Е. А. Давидович. Материалы по метрологии..., стр. 95), то каждая серьга весила 13,38 г.

<sup>292</sup> Маджму'а-йи васайк, л. 816.

<sup>293</sup> См., например, миниатюры к «Бабур-наме», миниатюра № 1.

<sup>294</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1103.

<sup>295</sup> См. например, Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 3.

<sup>296</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 3; МИУТТ, стр. 98.

Самарканде и Бухаре, сосредоточивали основное число мастерских и лавок по изготовлению металлических предметов и их реализации, а в указанных кварталах значительная часть домов принадлежала носителям названных профессий. Часть мастеров-металлистов работала на дому.

Многочисленность мастеров, специализировавшихся на изготовлении и продаже металлических изделий, позволяет считать, что промыслы по обработке металлов занимали в жизни населения городов XVI в. значительное место.

Приведенный материал свидетельствует также о довольно узкой специализации ремесленников-металлистов. Готовое или полуготовое изделие могло передаваться на обработку другому специалисту. Мастер-медник, например, сочетал свою работу со специалистом-отделочником, причем по установленным правилам, первый, если даже и умел обрабатывать свои изделия, не всегда имел право обходить второго. Подобный пример имеется в мемуарах Зайниддина Васифи<sup>297</sup>. Текст Васифи позволяет полагать, что основная часть готовой продукции передавалась медником на обработку другому специалисту. Основываясь на исследовании группы медных и бронзовых изделий из Самарканда, относящихся к концу XIV — началу XV в., Ю. Ф. Бурыков также заключил, что изделия медника поступали на обработку к художнику по металлу<sup>298</sup>.

Перечень разнообразных изделий металлистов, а также сохранившиеся в музеях образцы свидетельствуют о довольно высоком уровне ремесленного производства в области цветной металлургии и упорном труде народных мастеров, занимавшихся ковкой, литьем и чеканкой по металлу. Переплетение рисунка с арабскими письменами требовало от мастеров особенно высокой квалификации, помимо искусства в этих случаях необходима была грамотность для умения гравировать на особо ценных изделиях изречения из Корана, стихи известных поэтов или имя заказчика, реже мастера.

При Шейбанидах обработка железа производилась прежними методами. У нас нет сведений, которые бы позволили говорить о прогрессе в области этого производства, по сравнению с предыдущим столетием. Самарканд — некогда центр производства чеканных инкрустированных изделий, хотя в следующие столетия (XVIII — начало XX вв.) «и в технике чеканки, и в художественных принципах имеет много оригинальных, только ему свойственных черт», постепенно уступает пер-

<sup>297</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 108.

<sup>298</sup> Ю. Ф. Бурыков. Коллекция бронзовых художественных изделий., стр. 84.

венство Бухаре. Медночеканные изделия бухарских мастеров XVIII — начала XX в. завоевали широкую славу и известность<sup>299</sup>.

Среднеазиатские города были знакомы с изделиями европейских мастеров-металлистов. Наши источники дважды упоминают о ноже европейского изготовления — кард-и фаранги (کارد فرنگی). В первом случае речь идет о Герате. По словам Зайниддина Васифи, он бежал из бала-хана в саду (куда его заточили), разрезав железную решетку «франкским ножом»<sup>300</sup>. Другой пример относится к Самарканду конца XVI в. Согласно юридическому решению от 1589 г., группа мастеров получила у некоего Муллы Баки, сына Яр Мухаммеда, ссуду в 100 танга-и хани, передав ему на хранение «булатный нож для (резки) мяса, европейского изготовления» (بیک کارد فولاد گوشت بر فرنگی نجای).

Цена ножа определяется в одну тангу, а за каждый день хранения его должны были уплатить 7 динаров<sup>301</sup>. Как известно, мусульманский закон запрещал брать проценты за ссуду денег и они взимались в завуалированной форме, якобы за хранение какой-либо вещи, принадлежавшей должнику. В данном случае таким предметом был стальной нож для мяса европейского изготовления.

Некоторые металлические предметы доставлялись из соседних стран, пример тому — упомянутый лахорский котел.

Приведенные примеры свидетельствуют как о связях Средней Азии с соседними и отдаленными странами, так и об определенном взаимовлиянии разных стран в области ремесла. Через Россию и другие страны в Среднюю Азию ввозились и изделия западных мастеров.

**Предметы вооружения.** Часть мастеров-металлистов специализировалась на изготовлении оружия. Значительное развитие оружейное дело получило в Самарканде — столице обширной империи Тимура, политическая мощь которой во многом зависела от армии, для которой в специальных мастерских изготовлялось разного рода вооружение: мечи, сабли, кинжалы, секиры, боевые топоры, латы, шлемы.

С приходом к власти Шейбанидов заметная роль в войске стала принадлежать кочевым элементам, из которых комплектовалось ядро армии, состоящее из конницы.

Воины, как правило, должны были приходить в ополчение вооруженными. Описывая снаряжение войск двух политических противников начала XVI в. — Тимуридов и Шейбанидов, авторы сочинений не

<sup>299</sup> Т. А. Абдуллаев. Медночеканные изделия узбеков XIX—XX вв., Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1970; Он же. Художественные металлические изделия Самарканда; Sigrid Westphal—Hellbusch, Ilse Bruns. Metallgefäße aus Buchara, Museum für Volkerkunde.

<sup>300</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаф', т. II, стр. 1100.

<sup>301</sup> Маджму' а-ли васаяк, л. 185б.

отмечают особой разницы между ними: те и другие были вооружены луком со стрелами, кинжалом и мечом; различные части тела прикрывались доспехами.

Основными политическими претендентами на власть в Мавераннахре в самом конце XV—начале XVI в. были узбекский хан Шейбани и потомок Тимура Захириддин Мухаммед Бабур. Первый из них, как свидетельствует поэт Мухаммед Салих, постоянно имел при себе лук с колчаном (سداغى بيليدا پايى قوليدا)<sup>302</sup> и был прекрасным стрелком из лука. Приблизительно также характеризуют авторы вооружение Захириддина Бабура. Мечом и кинжалом был вооружен, по сообщению Фазлаллаха ибн Рузбихана, племянник Шейбани-хана Убайдулла-султан<sup>303</sup>, а тимуридский эмир Ибрахим Сару Минглик, сдавшийся Бабуру, в знак полного повиновения «повесил на шею меч (قىلىچ) и колчан»<sup>304</sup>.

Меч и лук со стрелами широко использовались конными лучниками при нападении, с помощью лука защищались на крепостных стенах осажденные горожане. «Лук у него был крепкий, стрела — длинная», — характеризует одного из эмиров Султана Хусейна Захириддин Бабур<sup>305</sup>. Следовательно лук и стрелы изготовлялись разных размеров и форм. Применялись также арбалеты (самострелы) — тахш (تخش).

Стрельцы — тахшандазан изредка упоминаются как участники военных столкновений<sup>306</sup>.

Лук и стрелы продолжали играть значительную роль при боевых столкновениях и позже, когда значительное распространение получили ружья. Так, в 1519 г. продвигаясь на территории Афганистана, Захириддин Мухаммед Бабур имел в своем войске стрельцов из ружей — туфакандазов, сам же он предпочитал пользоваться луком и стрелами. Меткой стрельбе из лука, как и верховой езде, в соответствии с требованиями времени он был обучен с детских лет<sup>307</sup>. Сочетание лука и стрел с ручным огнестрельным оружием объяснялось тем, что эффективность ружья в первое время лишь немногим превосходила эффективность лука.

Для ношения лука мастера готовили чехол — валучне, а для стрел — колчан (саадак — (ق) سداغ). Для ханов и султанов изготовлялись саадаки, которые делались из дорогой кожи, украшались дра-

<sup>302</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 21, 38.

<sup>306</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 52, 53; The Babar-nama, л. 316.

<sup>304</sup> The Babar-nama, л. 316.

<sup>305</sup> Там же.

<sup>306</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 52, 53; The Babar-nama, л. 316.

<sup>307</sup> The Babar-nama, л. 234а.

гоцежным металлом и самоцветами. Подобные саадаки служили одним из предметов вывоза в другие страны, как и «луки с золотом» («каман-и тиллакар») — *کمان طلاکاری*<sup>308</sup>.

Разными по форме были изготавливаемые ремесленниками щиты (*توره قالقان*). Деревянные щиты могли быть сделаны тут же во время осады крепости мастерами, находившимися при войске<sup>309</sup>. Изготавливались и более надежные щиты с металлическими украшениями. Но и их иногда пронзали стрелы, особенно если были пущены хорезмскими юношами, являвшимися, по признанию современников, хорошими стрелками<sup>310</sup>. «Они так хорошо метали стрелы, что не раз простреливали насквозь щит и кольчугу, а иногда даже две кольчуги», — писал Бабур<sup>311</sup>.

В музеях Узбекистана, в частности, среди экспонатов и в фондах Государственного Музея культуры Узбекской ССР (Самарканд) и Музея истории народов Узбекистана (Ташкент), имеются щиты деревянные, обтянутые кожей, а также сделанные из кожи и металла. Щиты из кожи скреплялись металлической пластинкой в форме кольца, на которую часто наносился разноцветный орнамент. Большинство кожаных щитов покрашены черной краской, на некоторых имеются следы красной краски. Можно полагать, что такими же были изготовленные мастерами разноцветные щиты, упоминающиеся Хафизом Танышем в «Абдулла-наме». Хафиз Таныш говорит также о щитах рубинового цвета — *да'л*<sup>312</sup>. Следовательно, мастера, изготавливавшие щиты, имели дело и с красками. Некоторые из кожаных щитов — продолговатой формы, сужающиеся к центру и расширяющиеся к углам. В фондах музеев имеются и металлические щиты, орнаментированные чеканкой и насечкой. Они разных размеров. Время и место их изготовления не обозначено. Но в общем они напоминают те, которые встречаются у воинов, изображенных на миниатюрах XVI в.

В числе даров, присланных из среднеазиатских ханств, Ирана и Турции, в описи оружия и ратных доспехов Бориса Годунова упоминаются «медные, железные и расшитые шелком тростниковые щиты бухарской, иранской и турецкой работы»<sup>313</sup>.

Кольчуга и латы — *джиба* (جبهه), *саут* (صاوت), *джаушан* (چوشن) защищали тело воина от холодного и, отчасти, огнестрельного оружия.

<sup>308</sup> МИУТТ, текст, стр. 435, перевод, стр. 236.

<sup>309</sup> См. например, Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 58.

<sup>310</sup> The Babur-nama, л. 163а, 234а; Абдулла-наме, рил. Д—88, л. 445б.

<sup>311</sup> Бабур-наме, стр. 189.

<sup>312</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, стр. 423б.

<sup>313</sup> М. В. Фехнер. Торговля русского государства..., стр. 92.

Обычно доспехи изготовлялись местными мастерами, но были и привозные, импортировавшиеся из других стран. По словам Хафиза Таныша, несколько верблюдов, нагруженных дербентскими доспехами — саут, прибыли в Бухару из Москвы<sup>314</sup>. Упоминаются также «калымыцкая джиба» и «дербенд джибаси».

В Самарканде конца XVI в. несколько мастеров специализировались на изготовлении доспехов. В серии договоров из «Маджму'а-йн васайк», заключенных в связи с поступлением мальчиков в обучение к мастерам, имеются соглашения, составленные между мастерами — джибатаб и будущими учениками (или близкими последних, если они были малолетними). Договоры были заключены в 1590 г. в Самарканде<sup>315</sup>. Согласно одному из них, Мулла Тимур, сын Муллы Джан Мухаммеда, отдал своего брата Ибадуллу в обучение Устоду Мухаммед Мумину Джибатабу с тем, чтобы последний за два года обучил его брата «искусству изготовления доспехов» (صنعت حديد تابی) в такой степени, чтобы мастера этой специальности одобрили успехи Ибадуллы. Согласно второму договору, мастер Устод Науруз Джибатаб должен был по истечении четырех лет обучить своей специальности мальчика по имени Шахмухаммед, сына Устода Рамазана<sup>316</sup>.

Продукция самаркандских джибатабов приобреталась военными из зажиточных слоев местного населения, а также населения других городов. В Бухаре, а возможно в Ташкенте и других центрах, могли быть свои специалисты, изготовлявшие доспехи для воинов.

Образцы кольчуг сохранились до наших дней. В фондах Музея истории народов Узбекистана им. Айбека имеются кольчуги, сделанные из металлических колец, продетых друг в друга. По форме — это рубахи с короткими рукавами. В кольца воротника продеты полоски из кожи, прочной ткани или бархата, обеспечивающие вертикальное положение воротника. Костюм воина на миниатюрах XVI в. и существовавшая традиционность в выработке ремесленных изделий позволяют думать, что образцы музейных кольчуг очень близки к тем, которые изготовлялись самаркандскими мастерами.

Голову воины защищали шлемом. Он мог быть разных форм, сшитым из войлока, а также металлическим, с подвешенной кольчужной сеткой и без нее.

Тело боевых коней предводителей феодальных ополчений покрывалось броней (سجدهم بر گستوان). Часть таких доспехов доставлялась в Среднюю Азию из Европы, они назывались «фаранги» — «европей-

<sup>314</sup> Хафиз Таныш, Абдулла-наме, л. 335б.

<sup>315</sup> Маджму' а-йн васайк, л. 120б, 122б.

<sup>316</sup> Там же.

ский». Воин, закованный в металл, восседающий на коне в европейской броне, упоминается как участник военных сражений и во второй половине XVI в.<sup>317</sup>.

К собственному имени мастера-оружейника добавляли еще одно в зависимости от вида вооружения: лучный мастер (کمانگر), мастер, изготовлявший колчаны (ترکش دوز), мастер по выделке стрел (تیرگر), мастер мечей (شهبیرگر) и т. д.

Один из указов (инша), включенный в рукописный сборник «Мактубат ва аснад», дает некоторое представление о социально-экономическом положении определенной группы оружейников. Указ был выдан некоему Шейхиму Курчи, который согласно инша, назначался на должность начальника арсенала (داروغگی قورخانه). Под его началом находились мастера стрел, мастера-лучники, мастера, кующие мечи, носители особых плащей (?), вероятно, одевавшихся поверх доспехов, (توز پوشان)<sup>318</sup>, а также группа населения (جماعت) которая «с древнейшего времени до настоящих дней» относилась к курчи (قورچیان). Оружейники обязаны были беспрекословно подчиняться начальнику қурхана, который со своей стороны должен был заботиться «об их благополучии». Примечательно, что в тексте одновременно используются термины استاد — мастер и هنرمندان — ремесленник<sup>319</sup>. Большой интерес представляет сообщение о том, что оружейники, упоминаемые в указе, закреплялись за даругой қурханы на правах дарбаста (دریست او دانند) и сборы от ремесла и посевов ремесленников должны были передаваться ему<sup>320</sup>.

С распространением и совершенствованием огнестрельного оружия изменяется характер рубящего и метательного вооружения. Пуля сравнительно легко пробивала доспехи, почему последние изменили форму, а позже постепенно потеряли свое значение. Однако в XVI в. еще продолжали пользоваться доспехами и щитами, какие были известны в предыдущее столетие, а лучники и после того, как стали приходить ружья, оставались опорой феодального войска.

Виды оружия наглядно отражали классовую принадлежность их носителей. Сделанные во время боя простые деревянные щиты и щиты, покрытые чеканкой и рисунками, — пример вооружения представите-

<sup>317</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д—88, л. 4656.

<sup>318</sup> Содержание термина не выяснено.

<sup>319</sup> Мактубат ва аснад, л. 45а, 46а.

<sup>320</sup> Подробнее см.: А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., стр. 45.

лей разных ступеней иерархической лестницы, столь характерной для периода феодализма.

Как видно из источников, доспехи были далеко не у всех воинов. В войсках узбекских султанов, по свидетельству Мухаммеда Салиха, те, кто не имел джиба, обматывал тело войлоком: *جيبه سيز کيمز بيله*

*چولغاندى*<sup>321</sup>. Предметы военного снаряжения, предназначавшиеся для феодальных правителей и знати, богато украшались драгоценными камнями и художественной чеканкой. Нередко, описывая феодальных предводителей во время походов, авторы письменных источников XVI в. указывают, что они были в золоченых доспехах. Так, автор «Зубдат ал-асар» отмечает, что оружие, одежда и седло одного из сефевидских военачальников «были из золота». «Из золота», по словам Хафиза Таныша, было вооружение Абдулла-хана II: в его руках был «золотой щит, на голове золотая каска», подпоясан он был золотым поясом»<sup>322</sup>.

Бурные политические события, развернувшиеся в связи с завоеванием тимуридских владений войсками Мухаммеда Шейбани на рубеже XV—XVI вв., нашли отражение в многочисленных исторических источниках, авторы которых принадлежали к разным политическим группировкам. В них освещаются как военные действия завоевателей, так и многочисленные межфеодальные и династические войны внутри тимуридского государства. Между тем, при подробнейшем описании военных сражений и предметов вооружения воинов в письменных источниках этого времени лишь изредка встречаются упоминания о применении ручного огнестрельного оружия<sup>323</sup>. Определенное указание об огнестрельном оружии при описании военных действий ополченцев, возглавляемых Захириддином Бабуром в 1519 г.

Более регулярное применение ружей отрядами, действовавшими на территории Средней Азии, относится к середине XVI в. Применительно к этому времени говорится о ружьях с медным (*مسى*) стволом; такими ружьями был, например, вооружен отряд воинов из войска Саид Бурхан-хана — удельного правителя Бухары. К тому же времени относятся сведения о ружьях с железным стволом; в данном случае они были у «румийцев»<sup>324</sup>.

Описывая свое пребывание на территории Хорезма, Антоний Дженкисон сообщает: «26 декабря мне приказано было явиться к королю,

<sup>321</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 168.

<sup>322</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д—88, л. 464а.

<sup>323</sup> См., например, Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 56.

<sup>324</sup> Сейди Али Раис. Миръотул мамолук, (Мамлакатлар кузгуси), Ташкент, 1963, стр. 100.

которому я представил грамоту русского царя...» Он «заставил меня стрелять перед ним из наших ружей и сам практиковался в стрельбе из них»<sup>325</sup>. Из этого сообщения можно заключить, что местные ружья отличались от тех, которые были у Дженкинсона.

Усовершенствованное технически ручное огнестрельное оружие со второй половины XVI в. заняло прочное место в вооружении войск и, в частности, наемных. Отряд наемных солдат, состоящий из стрельцов из ружей, служил, к примеру, в войсках Шейбанида Науруз Ахмедхана (Барак-хана) в тот период, когда последний был правителем Самарканда, а также его сына Баба Султана в период его правления<sup>326</sup>.

Стрельцы из ружей — туфакандазы и воины, «мечущие молнии», — аташбазы, неоднократно упоминаются в составе войск узбекских султанов историком Хафизом Танышем<sup>327</sup>. Образцы ружей периода позднего феодализма в настоящее время экспонируются в Музее истории народов Узбекистана им. Айбека.

Одновременно с ружьями применялись и пушки ( *قوزان، توپ* )<sup>328</sup>.

Любопытное изложение об артиллерийском орудии, стреляющем взрывающимся снарядом, приводится в поэме Алишера Навои «Стена Искандара». По словам поэта, Александр Македонский будто бы использовал при осаде крепости пушку, которая лалила по цели, расположенной на большом расстоянии. Та пушка — «на колесах медная труба» — была изобретением мудрецов, находившихся в армии греческого полководца. По словам Навои, она стреляла ядром-гранатой, сделанной из сплава ртути, бронзы и олова. Наполненный особым составом и заправленный фитилями через два отверстия шар должен был взорваться, едва коснувшись цели. Осколки шара «и ужасающая вонь взорвавшегося в шаре вещества» должны были сокрушить врага.

Для метания ядра использовалось «чина вещество» — порох.

И выйдя за передний воинств ряд,  
Они в трубу вкатили свой снаряд,  
Спервоначалу чина вещество  
На дно трубы насыпав под него<sup>329</sup>.

К 1525—1529 гг. относится деятельность мастера-литейщика Али-Кули. Своими успехами на территории Индии Захириддин Бабур многим был обязан ему. Меткий стрелок из ружья, умеющий вести огонь из европейской пушки-фаранги, позже он сам стал отливать

<sup>325</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию..., стр. 183.

<sup>326</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, стр. 153.

<sup>327</sup> Там же, стр. 153, 317.

<sup>328</sup> А. М. Бсленицкий. О появлении и распространении огнестрельного оружия.; Ю. Пулатов, А. Мирхасилов. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии, Материалы по истории Узбекистана, Ташкент, 1963.

<sup>329</sup> Алишер Навои. Стена Искандара, Соч. т. 7, стр. 143—146.

пушки и метать из них «камни огромного размера». Захириддин Бабур называет Устода Али-Кули «редкостью нашего века».

Пушки, отлитые Устомом Али-Кули были разных размеров. Они состояли из двух частей: вставляемой части — таш уйй (تاش اویس) и пороховой части — дарухана (داروخانه).

Расплавленный металл (по определению Бабура — медь مس) через желобки вливался в форму, в которой отливалась пушка, затем изделию давали остыть<sup>330</sup>. Весь процесс производства занимал несколько дней: сначала велись подготовительные работы, затем производилась отливка, после чего некоторое время (по Бабуру, один-два дня) выжидали, пока отлитая часть орудия затвердеет.

Незнание технологического процесса литья и несовершенство техники не позволяли мастерам быть уверенными в успешном завершении работы. Устоду Али-Кули, например, пришлось испытать большие волнения с отливкой одной из пушек. Как рассказывает Захириддин Бабур, при заполнении расплавленным металлом формы, в которой отливалась пушка, хотя она «и не наполнилась, приток расплавленного металла, лившегося из горнов, постепенно прекратился: в горнах или в металле, видимо, был какой-то изъян», отчего Устод Али-Кули впал в отчаяние и «хотел даже броситься в расплавленную медь, налитую в форму». Однако, когда форма охладилась и ее открыли «вкладная часть пушки оказалась без единого порока»<sup>331</sup>.

Мастера, отливавшие пушки, назывались рихтагар. При работе они пользовались подсобной рабочей силой. Они же изготовляли пушки и в более позднее время<sup>332</sup>.

Бухарские и самаркандские литейщики-рихтагары из сплава меди с оловом делали различные бронзовые изделия. В середине XVI в. в Бухаре упоминаются несколько мастеров-рихтагаров<sup>333</sup>.

Пушки Устода Али-Кули часто разрывались, порой после первого же выстрела. Один из таких случаев привел к гибели восьми человек, находившихся у орудия. Вот что пишет об этом Султан Бабур: «В воскресенье Устод Али-Кули выстрелил ядром из большой пушки. Хотя ядро пролетело далеко, но пушка разорвалась на куски. Одним куском повалило толпу людей; восемь из них умерло».

Более усовершенствованным стало изготовление артиллерийских орудий к концу XVI в. Пушки стали более прочными, размеры их более

<sup>330</sup> Бабур-наме, стр. 369; The Babar-nama, л. 302a--302b.

<sup>331</sup> Бабур-наме, стр. 348.

<sup>332</sup> О. А. Сухарева. К вопросу о литье металлов в Средней Азии стр. 159, 160.

<sup>333</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 40, 45; Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 482а.

или менее одинаковыми. Каждая из семи пушек, отлитых по приказу Абдулла-хана II в мечети Гаухар Шад (Герат), стреляла ядрами весом в 2-3 манна<sup>334</sup>. Если в первой четверти XVI в. мастер, отливший пушку, сам же стрелял из нее, то рассказ Хафиза Таныша об одновременном изготовлении семи пушек дает основание говорить, что в конце XVI в. пушечный мастер в основном специализировался на литье орудия и лишь в отдельных случаях сам мог метать ядра.

Сведения, имеющиеся в сообщениях русских послов, свидетельствуют о довольно широком применении огнестрельного оружия в Средней Азии конца XVI—XVII в. Русский посол к персидскому шаху Аббасу — Григорий Васильчиков констатирует, что при взятии Герата войсками Абдулла-хана II в 1588 г. у узбеков были «огневой бой, и пушки, и пищаля»<sup>335</sup>.

К концу XVI в. при военных действиях в основном использовались пушки местного изготовления. Фаранги упоминаются значительно реже. Эти примеры говорят об определенных сдвигах в производстве артиллерийских орудий. Вместе с тем в XVI в. одновременно применя-

лись: зарбузан ( *ضربزن* ), ра'д ( *رعد* ), запбурак ( *زنبورک* ), манджаник ( *مجنیق* ), камнеметы ( *سنگ انداز* ) и другие виды орудий прошлых веков, т. е. наблюдается одновременное использование стенобитной и метательной техники и артиллерии.

В военной технике использовали также нефть ( *نفت، نفت باغی* ). Об этом упоминается как в начале XVI в. (Мухаммед Салих), так и во второй половине столетия (Хафиз Таныш)<sup>336</sup>. Во время нападения с крепостных стен на неприятеля бросали горящие тряпки, пропитанные нефтью, что было для того времени грозным «оружием». По сообщениям Эгельберга, Кемпфера и Эвлия Челеби козлиные бурдюки, наполненные нефтью, развозились из Апшерона по разным странам, в том числе и в Среднюю Азию. Купцы, приезжающие за нефтью, располагались там в особом караван-сараях<sup>337</sup>.

Мастера специализировались в основном на изготовлении лишь одного из видов оружия. Их мастерские в большинстве случаев располагались в торговых рядах.

<sup>334</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 469а.

<sup>335</sup> Б. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., стр. 11.

<sup>336</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 52; Хафиз Таныш. Абдулла-наме, л. 163б.

<sup>337</sup> С. Б. Ашурбейли. Очерк истории средневекового Баку (VIII — начало XIX в.), Баку, 1964, стр. 195, 197.

В Бухаре и Самарканде существовали специальные торговые ряды и крытые базары (род пассажа) колчанщиков, мастеров стрел, мастеров, изготавливавших лук и других<sup>338</sup>.

Центром оружейного дела в первые десятилетия XVI в. оставался Самарканд. Здесь специалисты, изготавливавшие мечи и сабли — тйг, шамшир кйлийч ( تېغ ، شمشير ، قېلىچ ), ножи — пичак, кард (پچاق، كارد), разные стрелы и луки, пики и копья — сунгу, найза (سونگو، نيزه), ковали разнообразное оружие для продажи и на заказ. Сабля одного из ферганских беков Нойона Кукельташа была изготовлена самаркандским мастером по его специальному заказу<sup>339</sup>.

В последние десятилетия XVI столетия с переходом столицы узбекского государства в Бухару производство вооружения сосредоточивается здесь. В этом городе стала выделяться значительная часть предметов вооружения ханского войска. В Бухаре находился пороховой склад — дару-хана (داروخانه), помещение которого имело худжры первого и второго этажа. Хафиз Таныш описывает как неожиданно сюда попала искра и произошел взрыв, приведший к ужасным бедствиям. Склад был расположен на людном месте и во время взрыва погибло много людей, в том числе большое число ремесленников. Несколько часов в воздух взлетали обломки бревен и досок, кирпичи и камни, человеческие руки и ноги. Огонь уничтожил много торгово-ремесленных заведений<sup>340</sup>.

Приведенные материалы показывают, что мастера-металлисты изготавливали продукцию на рынок и на заказ. Некоторые виды металлических предметов изготавливались для жителей других городов (ферганец Нойон Кукельташ, к примеру, заказал себе саблю в Самарканде).

Не все ремесленники-металлисты имели дуканы-мастерские, где сами могли продавать свою продукцию.

Изделия из металла, в частности художественно обработанные металлические сосуды и некоторые виды оружия, доставлялись из Средней Азии в другие страны. В числе даров и товаров бухарского посла (1585 г.) называется «чаша ценная с травами навожена золотом». Предметом дарения также служило отделанное дорогое оружие<sup>341</sup>. В списках привезенных из Средней Азии в Россию товаров упоминаются булатные ножи, щиты, луки и стрелы. В 1585 г. царю Федору Ивановичу были поданы две челобитные от имени посла бухарского хана Абдуллы II Мухаммеда Али. В них в числе других предметов называ-

<sup>338</sup> Из архива шейхов Джуйбаря. Док. 45; Маджму'а-ли васанк, л. 127а.

<sup>339</sup> The Babar-name, л. 97б.

<sup>340</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 450б—451а.

<sup>341</sup> См. например, Бабур-наме, стр. 407, 432; МИУТТ, стр. 125, 142, 439, 440, 441.

ются стальной шлем — «шолом булатный навожен золотом и травами», «сабля булатная навожена золотом, ножны хоз черный», «нож булатный рыбий зуб черен навожен золотом», «ножны булатные навожены золотом оков серебрян».

В Государственном Эрмитаже и в Оружейной палате представлены сабли и предметы конского убранства среднеазиатской работы XVII—XIX вв. Среди них «седло бухарское XVII в., деревянное, расписанное красками в виде стилизованных трав и оправленное золотом»<sup>342</sup>. Бухарское седло, которое «краски писано московскими», значится в описи «конского прибора» Бориса Годунова<sup>343</sup>. Богато украшенное оружие имело спрос лишь среди сравнительно узкого круга придворной знати, стремившейся произвести впечатление роскошью оружия.

Некоторые виды оружия доставлялись в государство Шейбанидов из других стран. Хафиз Таныш сообщает, что в царствование Абдуллахана II в Бухару были доставлены франкские (европейские) панцири (حوشنهایی فرنگی) и дербендские доспехи. Как уже говорилось, упоминаются также европейские пушки, ножи и т. п.

В проезжей грамоте, выданной 10 июня 1589 г. бухарскому и «изюмскому» послан Мухаммеду Али, Достуму и Кадишу, отпущенным из Москвы, перечислены товары, разрешенные к вывозу из России. В их числе называются подарки русского царя среднеазиатским государям: «...а с ними есмь послали к их государям наших поминков 10 кречетов да купили они 10 пансырей...». И далее добавляется: «и кречетов и пансырей с ними больше того не отпускали бы»<sup>344</sup>.

В последующие годы панцири и кречеты являлись предметами, которыми постоянно интересовались послы среднеазиатских правителей, прибывшие в Московское государство. «Добрых пансырей» (حبیه اعلی) да «пемецких добрых полос сабельных» было приказано купить в Московском государстве бухарскому «торговому» человеку Ходжа Ибрахиму в 1643 г.<sup>345</sup>

Из других видов вооружения, ввезенных из иных стран или производившихся в городах Средней Азии, но еще сохранявших наименование местности, где они выделывались первоначально, упоминаются калмыцкие доспехи, в которые был одет Бабур (قالسوق حبیه), («стрела пробила двойной лист моей калмыцкой кольчуги»<sup>346</sup>, дербендские доспехи (حبیه سی نینگ کوی فریندایشی)<sup>347</sup>, монгольские

<sup>342</sup> Л. П. Кириллова. Конюшенная казна. Сб. «Оружейная палата», 1961, стр. 326.

<sup>343</sup> М. В. Фехнер. Торговля русского государства..., стр. 64, 92.

<sup>344</sup> МИУТТ, стр. 108.

<sup>345</sup> МИУТТ, перевод, стр. 185, текст, стр. 432.

<sup>346</sup> The Babar-nama, л. 113; Бабур-наме, стр. 131.

<sup>347</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 110.

щиты, колчаны и седла из зеленой шагрени, индийские копья и сабли, а также черкесские сабли и шашки<sup>348</sup>. В связи с последним примером небезынтересно вспомнить распоряжение русского царя (1661 г.) отыскать в Астрахани черкесов, «пансырного дела самых добрых мастеров»<sup>349</sup>. К сказанному можно добавить, что в числе предметов, подаренных Абдулле-хану II, упоминаются хорасанские луки ( *كمان* )<sup>350</sup>, которые, надо полагать, отличались от мавераннахрских<sup>350</sup>.

Наши материалы не позволяют установить, произошли ли какие-либо изменения в области обработки металлов в XVI в.

Относительно времени Тимура Клавихо заметил, что мастера, выделывавшие латы, шлемы и другое оружие не умеют закалять железо и изготавливаемые ими латы не обладают достаточной крепостью. Основываясь на этих данных, П. П. Иванов сделал заключение, «что техника обработки металла в этот период уже не достигала той высоты, на которой стояло в свое время ферганское производство оружия»<sup>351</sup>.

Использование в Средней Азии XVI в., как для воинов, так и для боевых копей, доспехов, изготовленных мастерами других восточных стран и Европы, говорит о том, что и во второй половине XVI в. некоторые виды вооружения в отдельных странах изготавливались лучше, чем в Средней Азии. В то же время использование в бою артиллерийских орудий, в основном изготовленных местными мастерами, а также деятельность самаркандских мастеров-джибатаб, чьи изделия имели значительный спрос (о чем свидетельствует поступление к ним в обучение учеников), говорят об определенных успехах в XVI в., и особенно во второй его половине, в области производства некоторых видов вооружения. В целом можно отметить, что в среднеазиатских городах на протяжении столетия происходит дальнейшее совершенствование вооружения войск (ружье и применение при осадах городов пушек), увеличивается и улучшается производство артиллерийских орудий.

Материалы из источников дают некоторое представление о цене меди, олова и чугуна (для разных местностей и времени): один хорасанский манн меди в Герате в конце XVI в. стоил 5 танга, один мискаль свинца — 2 пула (по другой версии — 10 пулов). Сведения эти автор мемуаров Васифи сообщает в связи с эпизодом появления в Хорасане некоего алхимика, который пытался получить с помощью эликсира золота и серебра из меди и свинца. Когда весть об этом распространилась

<sup>348</sup> The Babar-nama, л. 386, 103а; Абдулла-наме, Д-88, л. 421а; Алишер Навои, Стена Цекандара, стр. 78.

<sup>349</sup> С. К. Боголюбовский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв., ИИЗ, 1938, № 4, стр. 265.

<sup>350</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 312.

<sup>351</sup> П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии, стр. 39.

в Герате, «медь, один хорасанский манн которой стоил пять танга, нельзя было найти и за тридцать танга. Цена свинца, один мискаль которого стоил два (по другой рукописи «десять») пула, дошла до двадцати ашрафи (по другой версии «динаров») <sup>352</sup>. Один манн чугуна в Самарканде (в местности Чуйанчи) в 1590 г. оценивался в четыре хапских танга <sup>353</sup>.

Сведения, сообщаемые Зайнидином Васифи, об обязанности медника передавать продукцию, изготовленную им для дальнейшей обработки чархкару, свидетельствует о строгом разграничении сферы деятельности мастеров-металлистов различных специальностей.

### ОДЕЖДА И ЕЕ ДЕТАЛИ

Спрос на отдельные виды готовой одежды со стороны населения города, а отчасти также сельской округи и скотоводческой степи, стимулировал развитие специальных промыслов по изготовлению одежды и ее деталей. Наши материалы по этой отрасли производства относятся к Самарканду, Бухаре, и частично к Герату. Костюм гератцев был во многом схож с самаркандским и бухарским <sup>354</sup>, что дает право при описании костюма пользоваться соответствующим материалом о гератцах. Приведем наименования деталей одежды, встречающихся в просмотренных произведениях.

Для определения халата довольно часто применяется слово «джама» (جامه), использовавшееся также для обозначения одежды вообще <sup>355</sup>. В отдельных случаях уточняется, что «джама» был сшит из карбаса (كرباسي), т. е. из хлопчатобумажной материи, или из катана (كتان). Об одном из таких халатов — джама-и катани, говорится, что он был украшен золотым шитьем и драгоценными камнями <sup>356</sup>. Для определения жалаванного халата использовалось так же слово «хал'ат» (خلعت) <sup>357</sup>.

Из других видов верхней одежды упоминаются: кабо (قبا), согласно словарю Л. З. Будагова, верхняя одежда, надеваемая на ру-

<sup>352</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бада' и ал-вакан', т. II, стр. 1294.

<sup>353</sup> Из расчета: 16 : 4 = 4 (Маджму' а-йи васанк, л. 227а).

<sup>354</sup> Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI в. По данным миниатюр, Труды САГУ, вып. XXXI, Ташкент, 1956, стр. 96, 116.

<sup>355</sup> Также называется отрез на одну одежду.

<sup>356</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бада' ал-вакан', т. I, стр. 553.

<sup>357</sup> The Babar-nama, л. 3576.

башку<sup>358</sup>; по нашим данным, она могла быть парчевой (قبای پرچاگی) и хлопчатобумажной (قبای پرینه); фараджи (فرجی), надевавшаяся поверх одежды, например, поверх кабо<sup>359</sup>; чекмень (چکمان، چکمن) с вышивкой и без нее, с пуговицами (نگمه لیک) и без них, с указанием, что он был из сакарлата (سقرلات — красного сукна) и без уточнения, из чего он был сшит. Чекмени из домотканного сукна более грубой выделки, как и в более позднее время, служили зимней одеждой чабанов<sup>360</sup>.

В холодное время года надевали шубы и тулупы (تون پوستین) из овчины (گول پوستین), а в отдельных случаях (представители аристократии) — из соболя (پوستین کش، کیش تون) и других дорогих мехов, покрытых сверху атласом (например, پوستین کش که ابراه).<sup>361</sup> آن اطلس حطائی بود.

Слово тун, как видно из замечания Захириддина Бабура, применялось и для обозначения верхней одежды вообще, видимо, халата. По его словам, Омар Шейх-мирза стягивал тун (تون) поясом так туго, что последний иногда рвался<sup>362</sup>. Дорогие халаты высших слоев населения вышивались шелком и украшались драгоценными камнями.

Халаты, чекмении и шубы, как и полный комплект костюма сарупо (سروپا), служили предметами дарения. Главы феодального правительств и высокопоставленные вельможи имели специальные фонды одежды для пожалований за службу, почетным гостям, послам и т. д. Стоимость некоторых из халатов составляла огромную сумму, например, в Герате в начале XVI в. 30 тыс. танга<sup>363</sup>. Такого рода халаты, как это наблюдалось и в более позднее время, превратились в своего рода денежный эквивалент<sup>364</sup>. Особой милостью государя считался обычай дарить с «царского» плеча<sup>365</sup>.

<sup>358</sup> Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, стр. 35.

<sup>359</sup> См., например, Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи. Рашахат айн ад-хайат, стр. 318; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 555—556.

<sup>360</sup> Таджики Каратегана и Дарваза, Вып. 2, Душанбе, 1970, стр. 127.

<sup>361</sup> Мухаммед Салих, Шепбани-намэ, стр. 87; The Babar-nama, л. 1176; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, стр. 136.

<sup>362</sup> The Babar-nama, л. 66-7a.

<sup>363</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1127.

<sup>364</sup> О. А. Сухарева. Позднфеодальный город Бухара..., стр. 112.

<sup>365</sup> The Babar-nama, л. 357a.

Существование особого пассажа для продажи халатов (одежды) (تيم جامه فروشان) в Бухаре говорит о товарном характере производства халатов.

Кроме халатов, в просмотренных нами письменных источниках упоминаются рубашка и платье (староузб. كونگلك, современный كويلاک, тадж. айирахн), кафтан (хафтан — خافتان), дакале (دکاله), короткая одежда до половины тела — нимче (نیمچه), рубашка — курте (کورتہ), штаны — эзар (ازار).

К сожалению, мы не всегда располагаем данными, которые дали бы представление о внешнем виде перечисленной одежды. Как доказано археологическими исследованиями последних лет, детский халат первой половины XV в. из ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде напоминал покроем один из видов современной одежды. Он шит ручным способом.

Разные виды одежды среднеазиатского населения на основе изучения миниатюр XV—XVI вв. рассмотрены Г. А. Пугаченковой<sup>366</sup>.

Упоминание чекменя с пуговицами позволяет сделать определенное заключение в вопросе о том, были ли известны пуговицы до XIX в. Чекмени с пуговицами были в гардеробе Захириддина Бабура в период его пребывания в Индии. В числе других даров они были преподнесены Бабуром послу узбекского султана Абу Саида, а также послам Михр-Султан-ханум и ее сына Пулад Султана.

К более позднему времени относится источник, где называются детали одежды ремесленника. Из рисала набойщиков «Рисала-и читгари» мы узнаем, что, приступая к работе, ремесленник-читгар, имевший дело с красками, надевал рабочий халат (جامه کار), пояс (فوتة کار)<sup>367</sup>, пательную рубашку (کورتہ کار) и соответствующую шапку (طاقیه کار)<sup>368</sup>. Однако вряд ли речь идет о специальной рабочей одежде. Более вероятно, что при определенных видах работы (в данном случае, при крашении) ремесленник просто пользовался старой одеждой. Цитированная рисала читгаров дошла до нас в списке XIX в., но можно полагать, что смена одежды существовала и в XVI в.

<sup>366</sup> Н. Б. Немцова. К истории тканей и одежды..., стр. 245; Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии..., стр. 85—119.

<sup>367</sup> «Фута» использовалась и для обозначения чалмы. В цитируемом тексте, надо полагать, имеется в виду пояс.

<sup>368</sup> Рисала-и читгари, № 5003, л. 136—14а.

В вакфной грамоте Хусейна Хорезми мы находим сведения о костюме дервиша. По условию учредителя вакфа, в случае, если его потомки вынуждены будут поселиться в ханако данного вакфа, мутавалли должен ежегодно выдавать им четыре обычных халата, два зимних и два летних (چهار جامه جاری دو زمستانی و دو تابستانی), две рубашки (پیرامین), двое штанов (ازار سه بندی)<sup>369</sup>, одну чалму из тафты длиной в 5 зар' карбасным зар'ом города Самарканда (т. е. «карбасным локтем» Самарканда, размер которого не выяснен), обычную тюбетейку (шапку) (یک طاقیه جاری), пояс из хлопчатобумажной ткани светло-коричневого цвета (یک قوطه مل), две пары верхней обуви кафш из вывернутой кожи (کفش اخترمه), сапоги из вывернутой кожи (یک موزه اخترمه) — все по-дервишски (مجموع درویشان باشد)<sup>370</sup>.

Определенный интерес представляют сведения о верхней одежде кочевых и полукочевых народностей. По сообщению Мухаммеда Салиха, ополченцы и султаны дешти-кипчакских узбеков были одеты в шубы из меха лисиц (تولکی), красных лисиц (تولسی ایدی الطای), выдры (سوسار), горностаю (آس), белки (تیبین), соболя (کیش). Вместо матерчатой рубашки использовалась меховая одежда (کونکلاک اورئیدا ایدی آس و تیبین) и в зимние холода поверх одежды надевался тулуп, а на голову — меховой колпак (کیشلیک)<sup>371</sup>.

Фазлаллах ибн Рузбихан кроме меховой одежды описывает одежду знати дешти-кипчакских племен из шелка со множеством украшений<sup>372</sup>. А люди Алача-хана (Ахмед-хана), дяди Захириддина Бабура со стороны матери, были одеты по-монгольски, в «могольские шапки и халаты из вышитого китайского атласа» (مغولچه بپورکلاری) (خطای اطلس و سالجه تککان تونلار)<sup>373</sup>. Такой же костюм был преподнесен Захириддину Бабуру. Когда он надел его, то стал со-

<sup>369</sup> О значении термина سه بندی см. выше.

<sup>370</sup> Вакфная грамота Хусейна Хорезми, л. 27а—27б.

<sup>371</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 86—87.

<sup>372</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, л. 73б.

<sup>373</sup> The Babar-nama, л. 103а, 102б.

вершено неузнаваем. Этот эпизод — косвенное свидетельство того, насколько одежда монголов отличалась от одежды ферганцев. В то же время в Средней Азии были распространены отдельные детали монгольской одежды. Правитель Ферганы Омар Шейх, например, летом везде кроме дивана большей частью ходил в «могольской шапке» (مفولسى) (بورک)<sup>374</sup>.

Составной частью мужского костюма был пояс, который соответственно иерархии мог быть сделан из простой хлопчатобумажной материи или дорогой — златотканной с металлической нитью. Вместе с тем и представители обеспеченных слоев населения порой одевались по-дервишски: писатель и историк Ходжа Самандар Термези (XVII в.), когда вел уединенный образ жизни, никогда не облачался в приличную одежду и обвязывался веревкой<sup>375</sup>. Фута, как деталь одежды знатного юноши-гератца, жившего в конце XV в., упоминалась выше. В Герате такая фута оценивалась в 50 танга, приблизительно столько же, сколько стоил чекмень на том же юноше. Применялись также пояса (کبر) с металлическими украшениями, особенно среди воинского сословия<sup>376</sup>. Для относительно более позднего времени известно, что в Бухаре делались специальные пояса, они назывались и камарбанд и тагбанд. Это ремесло было сконцентрировано в квартале Тагбандбафан<sup>377</sup>.

Сравнительно часто называются головные уборы (بورک، طاقيا، قلیبانی). Мужчины (возможно лишь чиновничья знать и султаны) носили меховую шапку из черного курчавого барашка (طاقية برة سیاه) или (قرا قوزی بورک) каракуля<sup>378</sup>. Черная мерлушковая шапка или колпак (قلیبانی) была у Султана Хусейна. Упоминаются также горностаевая (اس بورک) и другие меховые шапки. Шапка (طاقیه، вероятно, тибетейка) с узором «цветок персика» (گل شفتالو) упоминается Зайниддином Васифи<sup>379</sup>.

Образец для юридического оформления отношений между мастером и учеником (Бухара, XVI в.), согласно которому первый обвязывал-

<sup>374</sup> The Babar-nama, л. 976; Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 17.

<sup>375</sup> Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук (Назидание государям). Факсимиле старейшей рукописи, перевод с персид., предисловие, примечание и указания М. А. Салахетдиновой, М., 1971, стр. 5.

<sup>376</sup> Описание деталей военного костюма представляет предмет специального исследования.

<sup>377</sup> Принишу благодарность О. А. Сухаревой за сообщение этих данных.

<sup>378</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакан', т. 1, стр. 541 и др.

<sup>379</sup> The Babar-nama, л. 164а, 976; Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 87; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакан', т. 1, стр. 553.

ся по истечении трех лет обучить мальчика шить тюбетейки (?) (طاقيه) показывает, что в Бухаре XVI в. изготовлением данного вида головного убора занимались мужчины. Производство шапок имело товарный характер, свидетельством чему служит существование торговых рядов для продажи одежды и шапок<sup>380</sup>.

Большое распространение имела в Средней Азии чалма. В средневековье, как и позже, чалма была нескольких вариантов. Для ее обозначения в наших источниках используются термины дастар и фута (دستار فوطه). Судя по сообщению автора «Рашахат», фута-чалма отличалась от дастар<sup>381</sup>.

Навертывание чалмы и ее размеры, также как сорт и длина ткани, в разные времена в зависимости от местности и принадлежности данного лица к той или иной социальной категории населения могли быть разными<sup>382</sup>. Студенты медресе, как и рядовое население, носили чалму со свисающим концом<sup>383</sup>. Представители же высшего духовенства (موالى) носили многократно закрученную чалму огромного размера<sup>384</sup>. В такой же чалме, будучи правителем в Индии, изображен на одной из миниатюр султан Бабур.

Из наименований обуви встречаются туфли с загнутым или кончающимся тонким усиком носком, надеваемые на босую ногу — папуш (پاپوش), кожаные калоши — кафш (كفش), сапоги муза (موزه) и вид сапогов арабей (عربى), относительно которых упоминается, что они были с пуговицами (عربى تگه دارى)<sup>385</sup>.

Часть населения, специализировавшаяся на изготовлении определенного вида обуви, в основном занимала отдельную часть города. В Самарканде в конце XVI в. существовал квартал мастеров, шьющих обувь папуш — Папушдузан. Торговый ряд продавцов обуви — Кафшфурушан в Бухаре служит подтверждением того, что производство обуви носило товарный характер<sup>386</sup>. В особую группу выделялись и ремесленники, чинившие старую обувь. Мастера-парадузы упоминаются в Самарканде XVI в.

Летняя одежда отличалась от зимней. В вакфной грамоте Хусейна Хорезми, а также у Мухаммеда Салиха и Али ибн Хусейна ал-Ва'иза

<sup>380</sup> См., например, «Из архива шейхов Джуйбаря», Док. 29.

<sup>381</sup> Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи. Рашахат айн ал-хайат, стр. 225.

<sup>382</sup> См., например, The Babar-nama, л. 7а, 186, 164а.

<sup>383</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1116; А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества..., стр. 346.

<sup>384</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 623.

<sup>385</sup> Там же, стр. 541, 555.

<sup>386</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 295.

ал-Кашифи упоминаются «летний» и «зимний» халат, «зимние колпаки», «летние сапоги». Между тем, трудовой люд зимой и летом пользовался одной и той же одеждой (надо полагать, за исключением теплого халата)<sup>387</sup>.

Одежда хранилась в сундуках ( صندق، صندوق ). В богатых домах было множество сундуков, в каждом из них могли храниться разные вещи<sup>388</sup>.

Драгоценности также хранились в особых сундуках. В сокровищнице гератского вельможи эмира Шахвали находилось десять сундуков со всевозможными ценностями. Два из них были полны ла'лов, топазов, яхонтов, изумрудов и жемчуга. А в большом сундуке невесты Султана Хусейна находились вставленные в него сорок сундучков, наполненные драгоценными камнями. В сундучках же хранились золотые предметы—ручные и ножные браслеты, кольца, серьги. Сундуки служили местом хранения и рукописных книг<sup>389</sup>.

Зажиточные горожане пользовались металлическими утюгами ( اتوئی، اتو ), которые раскалялись на огне. Например, в 1507 г. некий эмир Шахвали, разгневавшись на свою служанку приказал наказать ее раскаленным утюгом<sup>390</sup>. Утюг упоминается также в грамоте о пожаловании должности главного портного удела Шахрухия. В Бухаре имелись гладильные ( اولوگشی ) дуканы.

Основная часть упомянутых деталей одежды изготовлялась местными мастерами. Термины джамадузан, дарзийан, такийадузан, пустиндузан, муйнадузан и другие, служившие для обозначения мастеров, изготовлявших разные виды одежды, встречаются довольно часто.

Некоторые виды одежды привозились в Бухару и в Самарканд из других городов и областей. Сейфи, например, сообщает, что казахские мастера выделывали кафтаны из овечьей кожи, окрашенной в разные цвета и похожей на атлас. «Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы»<sup>391</sup>, а Фазлаллах ибн Рузбихан говорит, что из Астрахани в туркестанские города доставлялись собольи и беличьи шубы.

Из украшений в просмотренных нами источниках упоминаются золотые браслеты ( دستواره ), кольца ( انگشتری ), серьги

<sup>387</sup> См., например, Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. I, стр. 623; А. Н. Болдырев. Алишер Навои., стр. 149.

<sup>388</sup> См., например, Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. II, стр. 1118, 1111, 1127.

<sup>389</sup> В акф-наме, стр. 229.

<sup>390</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи 'ал-вакаи', т. I, стр. 1138.

<sup>391</sup> В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч. т. II, часть I, М., 1963, стр. 97; Т. И. Султанов. Основные вопросы истории казахского народа и XV—XVII вв., стр. 18.

( *حلقه طلا* ). Вес золотой серьги ( *حلقه گوشواره* ), упоминающейся в одном из самаркандских документов XVI в., составляя три мискаля<sup>392</sup> (около 13,38 г, из расчета, что в Самарканде мискаль равнялся 4,46 г)<sup>393</sup>.

Любопытно, что на миниатюре начала XVII в. султан Бабур изображен с серьгой в ухе. Пример ношения серьги знатым мужчиной среднеазиатского происхождения — единственный известный нам, и не позволяет прийти к заключению, было ли это обычаем среди мужчин среднеазиатских городов, или же это лишь дань вкусам высокопоставленных индийских вельмож.

Интерес представляет также упоминание среди золотых предметов женского пожного браслета ( *حلیخال* ), принадлежавшего женщине из дома Султана Хусейна. В решении самаркандского казия от 1590 г. называется *گرد روی مروارید*<sup>394</sup>, по всей вероятности, жемчужная нить, которая, судя по миниатюрам, окружала щеки и свисала под подбородком<sup>395</sup>. Вместе с упомянутыми серьгами она была оценена в 90 ханских танга<sup>396</sup>.

Широкий круг потребителей имели медные и бронзовые украшения, а также недорогие изделия из серебра.

Захириддин Бабур рассказывает, что женщины подвешивали на воротник сумочки с парфюмерными принадлежностями. Когда Бабура облачили в монгольский костюм, то «еще повесили три-четыре безделушки, которые вешают женщины на воротник ( *ریقاسیغه* ) вроде корбочки для амбры, и сумки»<sup>397</sup>.

В прошлом костюм людей, в том числе средневековой Средней Азии XVI в., всегда отражал экономическое и социальное положение человека. По словам Зайниддина Васифи, «все вельможи носили изысканные одежды из шерсти ( *صوفی* ), красного сукна ( *سقرلات* ) или полотна ( *کتان* )». Халаты, расшитые золотом и драгоценными камнями от воротника до подола, сразу выделяли высокопоставленных особ-феодалов. Один из таких халатов, хранившийся вместе с другими в сундуке гератского эмира Ядгара, оценивался в 30 тыс. танга<sup>398</sup>, что

<sup>392</sup> Маджму' а-йн васанк, л. 816.

<sup>393</sup> Е. А. Давидович. Материалы по метрологии..., стр. 95.

<sup>394</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1127; Маджму' а-йн васанк, л. 816.

<sup>395</sup> Об этом см.: Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии..., стр. 92, 94.

<sup>396</sup> Маджму' а-йн васанк, л. 816.

<sup>397</sup> Бабур-наме, стр. 121.

<sup>398</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 553, 1127, т. II, стр. 1127.

приблизительно равнялось общей сумме податных сборов с населения целой области.

Золотошвей расшивали дорогие одежды и отдельные детали к ним. Подобные предметы предназначались для узбекских султанов, их семей и феодальной знати. Клавихо, бывший в аристократических кругах тимуридского двора, взором чужеземца заметил великолепную одежду тимуридских вельмож, шитую золотом, украшенную жемчугом, рубинами и другими драгоценными камнями, «очень красиво вставленными». Золотое шитье на платье вельмож запечатлено на многих миниатюрах этого периода. В Самарканде упоминается квартал золотошвейев Зардузан.

Приход к власти Шейбанидов сопровождался грабежами и бесчинствами. Представители старой династии—Тимуридов, пытались скрыться от преследования, переодевшись в костюм своих слуг и рядовых горожан. В связи с описанием этих событий мы находим на страницах сочинений упоминания о «грязной одежде служанки», «рваной чалме» и шапке (طاقیه), соответствующей этому костюму, а также «халате бродяги»<sup>399</sup> (سوطه پاره پاره بر وی بیجیده و جامه غریبی), которые при обычных условиях вряд ли могли стать предметом внимания писателя.

Из кратких упоминаний источников можно заключить, что цвет одежды зависел от возраста ее носителя. Одежда молодежи обычно отличалась яркостью, хотя бывали случаи, когда люди почтенного возраста также облачались в красочную одежду. «Хотя он прожил долгие годы и стал седобородым, — пишет Захириддин Бабур о Султানে Хусейне в последние годы его жизни, — но все же он одевался в одежды красного и зеленого шелка»<sup>400</sup>. Красный цвет считался цветом девушек и детей. В произведениях Алишера Навои встречаются упоминания об одежде девушек алого цвета, цвета тюльпана или розы. Между тем, каршинский судья (XVII в.) однажды «надев на себя одежду алого цвета и обмотав голову шелковой чалмой нарядился наподобие редкой красавицы»<sup>401</sup>.

В знак траура голову повязывали синим и надевали синий халат (جامه کبود). В нашем примере в синий цвет облачились в первые же дни после смерти близкого человека<sup>402</sup>. Траурная одежда могла быть и цвета фиалки<sup>403</sup>.

<sup>399</sup> Там же, стр. 1128—1129.

<sup>400</sup> Бабур-наме, стр. 190.

<sup>401</sup> Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук, стр. 170.

<sup>402</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, стр. 1246.

<sup>403</sup> Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук, стр. 168.

## ДРУГИЕ ОТРАСЛИ РЕМЕСЛА

Кроме уже рассмотренных отраслей производства было еще несколько десятков разнообразных ремесел, которыми занималось городское население. Остановимся на наиболее важных из них.

Гончарное дело было одной из ведущих и развитых отраслей ремесленного производства. Изделия гончаров, особенно простая неглазурованная и глазурованная посуда — блюда, кувшины, чаши для супа и т.п. — каса, а также большие лохани для стирки, хумы — корчаги, большие сосуды для хранения воды, вина, масла или зерна, глиняные светильники и игрушки — имели очень большой спрос среди населения. Прекрасными глинами, пригодными для изготовления керамических изделий, был богат Самарканд. Как отметил Клавихо, глина здесь «самая лучшая во всем свете».

Кроме разнообразной посуды и предметов быта, керамисты изготавливали строительные материалы — шлифованные облицовочные кирпичи, многоцветную майолику на фаянсе, изразцы для отделки разных форм и размеров, черепицу для мощения полов, водопроводные трубы и кувшины для водоподъемных колес, тандыры (тануры) для выпечки хлебных лепешек и самсы (тандыр упоминается в казийском документе и грамоте медресе Шейбани-хана) и т. д.

Деятельность гончаров в Самарканде в некоторой степени воплотилась в названии самаркандской улицы Хумданак (خودانک)<sup>404</sup>, а в Бухаре — в наличии гузара Касагаран<sup>405</sup>.

Мастера-касатарашан (буквально, обтачивающие каса), мастера-касагаран (изготавливающие каса), нередко упоминаются в числе ремесленного населения двух городов<sup>406</sup>.

К сожалению, наши источники дают очень мало сведений о керамическом производстве в Бухаре и Самарканде XVI в. Показания источников свидетельствуют о развитии этой отрасли ремесла и в других местностях, квартал мастеров-касагаран находился, например, в селекции Гиждуван<sup>407</sup>, где на протяжении столетий вырабатывался свой особый, «гиждуванский» стиль выпуска посуды.

Перемещение центра торговли и административного управления из Самарканды в Бухару сопровождается значительным расширением строительства в столице государства. В городе сооружаются монументальные здания медресе и мечетей, в которых нашли отражение попытки архитекторов сочетать широкие масштабы строительства с возможно

<sup>404</sup> Маджму' а-йн васанк, л. 99а.

<sup>405</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ришван, л. 206.

<sup>406</sup> Из архива шейхов Джуйбары, Док. 83, 91.

<sup>407</sup> Там же, Док. 283.

дешевыми средствами их возведения и украшения. Если в бухарском медресе Мир-и Араб (1535/36) чувствуется еще развитие тимуридских традиций с использованием наборной мозаики, тонкого рисунка и росписи золотом, то во второй половине столетия бухарские зодчие стремятся достичь прекрасных результатов более простыми средствами. В разработке плана медресе Абдулла-хана (1590) наблюдается стремление зодчих к рациональному и экономному использованию площади застройки. Они увеличивают число худжр медресе, создают вспомогательные помещения. Но вместе с тем, как отметила Г. А. Пугаченкова, заметна утрата «зодчеством этой эпохи той ясности и простоты композиции, которая присуща медресе предшествующего столетия. Не решаясь отойти от канонической общей схемы, строитель медресе Абдулла-хана создает чрезвычайную перегрузку и запутанность плана, вызванную необходимостью устройства массивных стен, узких затемненных переходов и мелких худжр»<sup>408</sup>.

Большая строительная деятельность развернулась во второй половине XVI в. в Сумитане, входившем во владения могущественных шейхов Джуйбари. Здесь были воздвигнуты мечеть, медресе и ханака, построена баня и разбит большой сад — чарбог. Огромный чарбог с разными породами деревьев занимал обширную территорию, площадь которой равнялась ста таналам земли.

Множество народных мастеров разных специальностей были согнаны в Бухару для возведения медресе, мечетей, садов с дворцами. Создание подобных построек, занимавших огромное число рабочих рук, отвечало интересам лишь узкого круга феодальной аристократии. Значительное число мастеров и рабочих было занято во второй половине XVI в. в сооружении торгово-ремесленных заведений. В интересах той части феодальной знати, которая была тесно связана с внутренней и международной торговлей, возводились специализированный пассаж — тим Абдулла-хана, рабаты и сардоба.

С широкой деятельностью среднеазиатского купечества связано появление новых караван-сараяв. Непосредственное участие в создании таких сооружений принимали могущественные джуйбарские шейхи, владевшие множеством торгово-ремесленных заведений в Бухаре и торговыми караванами, рассылавшимися в дальние страны. Современник описываемых событий Бадриддин Кашмири называет два караван-сарая в Бухаре, построенные по инициативе шейха. По словам автора, то были большие сооружения, куда приезжало множество купцов из Ирака и арабских стран.

Большинство сооружений этого времени, как отмечает современ-

---

<sup>408</sup> Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана, стр. 328.

ник, «были каменными», т. е. из жженого кирпича. Однако в целом, основываясь на работах, посвященных исследованию архитектурной керамики Узбекистана, можно отметить изменения, произошедшие как в сооружениях, так и в их облицовке. Ассортимент самой керамической облицовки в XVI в., по сравнению с XV в., значительно сузился. Широкое использование получил в это время фаянс, что позволило исследователям назвать XVI столетие «веком архитектурного фаянса». Довольно часто используются также облицовки из шлифованной терракоты с фаянсовой инкрустацией. Исчезают многоцветная позолоченная майолика, как и другие виды глазурованной керамики на глинокерамическом основании<sup>409</sup>.

Терминология просмотренных нами письменных источников, использовавшаяся для обозначения строителей, довольно разнообразна. В числе специалистов-строителей называются зодчие (معماران), расчетчики (مهندسان), те кто проектирует постройки (طراحان), штукатуры (گل کاران), месильщики кирпича (кирпичники — گشت مالان), мастера, изготовляющие изразцовые облицовочные плитки (کاشی تراش), резчики по камню (каменотесы) (سنگ تراشان), токари (خراطان), столяры (نجاران), обжигатели алебаstra (کچ پزان), специалисты по возведению глинобитных стен (دیوارزن) мастера художественного орнамента, плотники (درودگران). (В одном из указов к строителям причислен и гребенщик (?) — شانه تراش).

В некоторых копиях указов, вошедших в сборник «Мактубат ва аснад», сообщается, что Самарканд (или Бухара) является столицей государства, почему необходимо украсить город красивыми зданиями. Однако имя государя, который издал эти указы, и время их оглашения остаются неизвестными. Лишь в отдельных случаях, когда речь идет о конкретных зданиях, например, о медресе Мир-и Араб в Бухаре, можно предположительно установить время и имя того, кто мог издать данный указ.

В области строительных ремесел наблюдалась довольно узкая специализация, что было характерно для многих других отраслей производства. Специалисты-строители «и прочие из джама'ат вместе со всеми, кто работает тишой», согласно копий указов, помещенных в «Мактубат ва аснад», должны были подчиняться самому главному зодчему (کلانتر معماران).

<sup>409</sup> И. С. Гражданкина, М. К. Рахимов, Н. Е. Плетнев. Архитектурная керамика Узбекистана (Очерк исторического развития и опыт реставрации), Ташкент, 1968, стр. 33.

Некоторые из указов были выданы на имя даруги, возглавлявшего строительные работы. Строительными работами (конкретный пример относится к возведению стены вокруг чарбога) руководил также кутвал<sup>410</sup>.

Бадриддин Кашмири в числе строителей называет также прорабов (? кардаран ( *کار دران* )). В одном случае кардаран упоминается в числе тех, кому было поручено устройство чарбога, в другом — тех, кто проводил канал и благоустроивал сады.

Копия нишана, выданная на имя начальника строителей (мастеров, ремонтирующих (?) вакфных зданий в Самарканде, представляет значительный интерес в том отношении, что здесь среди перечисленных в указе специалистов называются амале ( *عماله* ). Последние должны были подчиняться даруге, на имя которого и был выдан указ. В определении содержания слова амале словари расходятся: рабочий, мастер, поденщик, чернорабочий, артист и другие. Для уточнения содержания данного термина применительно рассматриваемого времени требуются дополнительные материалы, которыми мы, к сожалению, пока не располагаем. Выявлению данного, как и многих других терминов, может содействовать дальнейшая совместная работа историков, востоковедов, лингвистов, этнографов, историков-архитекторов и т. д.

В строительных работах при проведении и ремонтировании оросительных каналов использовался труд мардикаров. Тысячами (число их часто определяется в 10 тысяч) насильно сгонялись они для выполнения тяжелой изнурительной работы из разных районов страны. Подобные действия феодалов наносили непоправимый ущерб хозяйству тех, кто вынужден был идти в мардикары. Можно не сомневаться в том, что мобилизация строительных рабочих, производившаяся по разверстке, носила принудительный характер<sup>411</sup>. Бесчеловечное обращение с подобными лицами со стороны феодальных властей отметил придворный историк Мухаммед Юсуф Мунши, который, описывая строительную деятельность Шейбанида Абдулмумин-хана (1598—1599), рассказывает: если «рабочий ленился, то его по ханскому приказу вместо глины и кирпича закладывали в стену. И теперь еще видны там (в стенах) следы человеческих скелетов»<sup>412</sup>.

В XV—XVI вв. совершенства достигает художественная обработка камня. Сохранившиеся до нашего времени надгробные камни узбекских султанов, их близких, основателя новой династии Шейбани-хана

<sup>410</sup> Мактубат ва аснад, л.л. 79а, 175а, 53а, 54б, 55а, 79б; Бадриддин Кашмири. Раузаат ар-ризаат, л.л. 302, 305, 265а-301б, 316б.

<sup>411</sup> См. например, Мир Мухаммед Амин и Бухари. Убайдулла-наме, перевод с тадж. с примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1957, л. 168б.

<sup>412</sup> Мухаммед Юсуф Мунши. Мукимханская история, стр. 68.

и других представителей высшей светской и духовной власти — настоящие образцы высокохудожественных изделий народных творцов, где труд каменотеса нередко сочетался с изощренным мастерством резчика по камню.

К началу XVI в. относится так называемая суфа Шейбани-хана в Самарканде, где были захоронены Махмуд-султан, Мухаммед Шейбани, его родной и двоюродные братья и другие узбекские султаны. «Место погребения великих хаканов» было превращено в «высокий тахт из пестрого камня» и, как свидетельствует Фазлаллах ибн Рузбихан, возвышение из земли было облицовано каменными полированными плитами. На этом возвышении и теперь еще лежат надгробные камни, испещренные каллиграфическими надписями, выполненными руками умелых мастеров-резчиков по камню. «Гибкость резца, точность и изобретательность в орнаменте», отмеченные В. Л. Вяткиным, свидетельствуют о высокой квалификации народных умельцев<sup>413</sup>.

Высокохудожественные образцы резьбы по камню можно увидеть также на многочисленных надгробиях семейной усыпальницы в Чар-Бакре, украшенных орнаментами и надписями.

Резной камень с эпитафией на смерть Шейбани-хана, убитого в 1510 г. в войне с персидским шахом Исмаилом Сефевидом, хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Это небольших размеров нефрит (?), ширина — 44 см, высота — 41 см, светло-зеленого, почти белого, тона, выточенный в виде стены здания с имитированным арочным входом и двумя нишами по бокам. В тонкой резьбе выполнен растительный орнамент, характер которого, по мнению А. Ю. Якубовского, дает право датировать памятник XIV—XV вв. Надпись же на нем, по мнению того же исследователя, высечена в XVI в. Этот камень был найден в Самарканде в развалинах «Белых ворот» вскоре после присоединения Средней Азии к России и является в настоящее время одним «из лучших образцов художественной обработки камня на Востоке»<sup>414</sup>.

Самаркандские резчики по камню выполняли работу на заказ, и не только со стороны жителей данного города. По Васифи, удельный такшентский правитель Султан Мухаммед передал самаркандским каменщикам эпитафию с тарихом для того, чтобы они вырезали ее на могильном камне Снундж-хана. Не случайно, в Самарканде упоминается улица мечети резчиков по камню — Сангтарашан (سنگ تراشان)<sup>415</sup>.

Как и другие специалисты, резчики по камню находились в полной зависимости от феодальных властей. Особый интерес в этом плане представляет сообщение Бадриддина Кашмири о передаче Абдулла-

<sup>413</sup> Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 19—21.

<sup>414</sup> А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, стр. 61.

<sup>415</sup> Маджму'а-ли васаяк, л. 102а.

ханом II джуйбарскому шейху Ходже Са'ду в числе других подарков четырех невольников ( غلام ) — резчиков по камню ( سنگ تراشان )<sup>416</sup>.

Они были захвачены при походе Абдулла-хана II в Северную Индию. Этот пример показывает, что феодал-завоеватель при захвате города требовал выявления квалифицированных мастеров, забирал их в плен и увозил с собой вместе с награбленным богатством. Одновременно хан подарил джуйбарскому шейху девять кусков парчи, два куска ткани мандиль, две футы и одного коня.

Деревообделочники изготовляли разнообразные деревянные изделия — седла, двухколесные арбы (в Самарканде упоминается улица Арабачиан), клетки для птиц, гребешки, калыбы для набивки тканей, посохи. Среди вещей, переданных в пользу мавзолея Ишрат-хана, назван деревянный посох, орнаментированный золотом. Большим спросом пользовались сундуки. По описанию Васифи, в сокровищнице эмира хранился большой сундук, а в нем 40 сундуков с драгоценностями<sup>417</sup>.

Резьбой по дереву занимались лучшие мастера. Они изготовляли художественно орнаментированные решетки, колонны, капители, двери<sup>418</sup>. Резным деревом украшались внутренние стены зданий. По словам Захириддина Бабура, стены и потолки самаркандской мечети Масджид-и Мукатта были украшены узорами из отдельных обточенных кусочков дерева.

Извлечения из источников дают ряд терминов, обозначающих мастеров, специализировавшихся на выделке определенного вида изделий из дерева: паджжар ( نجار ), харрат ( خراط ), шанатараш ( شاه تراش ), харгахтараш ( خرگاه تراش ), дуктараш ( دوک تراش ) — «все, кто работает при помощи тиши»<sup>419</sup>.

На миниатюрах XVI в. можно увидеть изображение ручной прялки, которая вместе с ручным ткацким станком была основным орудием прядильщиков и ткачей. В «Маджму'а-йи васанк» называется айванча на базаре Рисман в Самарканде, где готовились веретена — айванча-и дуктараш ( دوک تراشی )<sup>420</sup>.

Торговый ряд — базар-и чуб, где шел торг лесом и строительными материалами для построек, и примыкавший к нему базар-и дар, где продавались готовые дверные коробки, двери и ворота, располагались

<sup>416</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 261.

<sup>417</sup> Зафар ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. II, стр. 1122.

<sup>418</sup> См. например: В. А. Левина. О резной деревянной двери медресе Улуг-беки в Бухаре, Труды САГУ, Археология Средней Азии, вып. LXIX, Ташкент, 1953.

<sup>419</sup> Махтубат ва аснад, л. 175а.

<sup>420</sup> Маджму' а-йи васанк, л. 172а.

в позднефеодалной Бухаре «за северной границей былого Шахристана»<sup>421</sup>.

В письменных источниках XV—XVI вв. упоминаются стеклянные сосуды разных форм и назначения: кувшинчики, рюмки, сосуды для лекарств, принадлежности туалета и другие бытовые изделия. Среди них называется стеклянный сосуд из Халеба (Алеппо) (حليبيشسي)<sup>422</sup>.

В строительстве монументальных построек и домов богатых горожан использовалось цветное оконное стекло. Для остекления оконных решеток мавзолея Ишрат-хана были использованы фиолетовые, синие, желтые, зеленые и красные стекла. Археологическими работами М. Е. Массона установлено, что в мавзолее Гур-Эмир и в загородном дворце Улугбека также применены специально изготовленные цветные стекла<sup>423</sup>.

Перечисляя многочисленных «просвещенных людей» Самарканда, Васифи называет Маулана Мухаммеда Абгинагара (стекольщика), который собирался преподнести несколько штук «шише» Шейбаниду Фулат-султану (вероятно, имеется в виду сын Шейбани-хана Пулад-султан). Археологическими изысканиями Ю. Ф. Бурякова обнаружены и исследованы стеклоделательные мастерские в Шахрухие. Время их функционирования исследователь относит к XV—XVI столетиям<sup>424</sup>.

Большое место в ремесленном производстве занимала выработка войлока — предмета домашнего обихода основной массы населения. Им застилалась полы в домах, суфы во дворе; войлоком заделывались панели стен в том месте, где сидящие на полу люди прикасались к ним спиной. В период войн, при обороне города, войлоком завешивали крепостные стены, чтобы в нем застревали стрелы. Войлок использовался как подкладка для головного убора, который надевался во время сражений. (В одном из сражений на голове Захириддина Бабура был шишак, обтянутый войлоком. Противник ударил его по голове, но на шишаке, как говорил Бабур, «не порвалось ни одной нитки»). Описывая военные действия узбекских войск в XV—XVI вв., современники отмечают, что те из ополченцев, кто не имел доспехов, укрывались войлоком. Войлок использовался также для обшивки товаров, в частности, тканей, при навьючивании их на животных для пересылки торговыми караванами.

<sup>421</sup> Л. И. Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары), Сб. «Искусство водных Узбекистана», Ташкент, 1962, стр. 242.

<sup>422</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, л. 3.

<sup>423</sup> Е. А. Давидович. Средневековое оконное стекло из Таджикистана, ДАН ТаджССР, 1953, № 7, стр. 30.

<sup>424</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 98. Выражаю признательность Ю. Ф. Бурякову, поделившемуся своими неопубликованными материалами.

Мастера, вырабатывавшие войлок, селились в особой части города. Квартал Намадмалан сосредоточил основное число специалистов по выделке войлока.

Широкое применение своему труду находили мастера по выработке готовых изделий из кожи: кошельков, конской упряжи, ремней, чехлов для ножей. Кожа использовалась для изготовления обуви, разного вида воинского снаряжения. В условиях постоянных феодальных войн большим спросом пользовались кожаные колчаны для стрел и мешки для луков. На территории Самарканда жили специалисты, выделявшие сорт шагрени (кимухт — *کیمخت*). Они дали наименование кварталу Кимухтгаран. К началу XVII в. относятся сообщения о ввозе в Россию бухарских сафьянов — козловой кожи особой выделки. Определенные сорта кож завозились и из других, порой довольно отдаленных, областей. Казанское ханство в первой половине XVI в., а позже Казань в составе России импортировала юфть<sup>425</sup>.

В особую группу выделялись специалисты, изготавливавшие уздечки — ладжамдузан.

Для нужд населения производилось мыло. По условиям вакфной грамоты, составленной от имени Михр-Султан-ханум, мутавалли должен был выделять ежегодно из доходов вакфного учреждения сумму в две тыс. медных динаров на приобретение мыла для студентов и обслуживающего персонала медресе<sup>426</sup>.

Свечники изготавливали свечи, большие и маленькие. Медный котел для литья свеч называется в «Самаркандских документах XV—XVI вв.» в числе других предметов имущества вакфного хозяйства. Однако, продукция свечников, видимо, не всегда удовлетворяла потребности населения. На одном из маджлисов, проводившемся в доме Миракои Шохи в Самарканде, собравшиеся многочисленные «просвещенные люди города» испытывают знания Зайниддина Васафи в области искусства составления писем. Одно из этих писем было составлено по просьбе Маулана Фатхуллы Херави в адрес свечника Ходжи Хусейна. Последнего просили прислать свечи, так как в Самарканде уже несколько дней их нельзя было приобрести<sup>427</sup>.

Для одной из групп трудового населения Самарканда источником существования было плетение циновок. Тростниковые циновки широко применялись в быту и были необходимы в строительном деле. Высокое искусство мастеров плетения циновок отмечается историком XV в. На торжествах, устроенных по поводу возвращения Тимура из индийского

<sup>425</sup> М. В. Фехнер. Торговля русского государства., стр. 81; Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства, М., 1950, стр. 277; МИУТТ, стр. 432.

<sup>426</sup> Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений., стр. 34.

<sup>427</sup> Зайн ад-дин Васафи, Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 116.

похода, самаркандские умельцы показали свое мастерство в плетении «удивительных циновок». По сообщению Ибн Араб-шаха, искусные мастера сделали из камыша всадника, вооруженного луком и мечом<sup>428</sup>.

Из прутьев плели разнообразные корзины, использовавшиеся, судя по миниатюрам, для переноски строительных материалов, а также для винограда (о размерах корзин можно судить по данным Васифи: в одной из них под виноградом спрятался человек), хлебных лепешек и т. д. В Самарканде существовал базар плетельщиков корзин.

В XV—XVI вв. появляется большое число исторических и литературных произведений, часть которых была рассчитана не только на аристократические слои общества, но и на богатую торговую и ремесленную часть населения. В связи с этим дальнейшее развитие в этот период получило художественное оформление рукописных списков литературных произведений, в частности, переплетное искусство. Некоторые книги имели сафьяновые переплеты. Обложка из кожи цвета печени называется в «Маджму'а-йи васайк»<sup>429</sup>. Обложки книг делались также из картона, лицевая сторона которых имела гладкую поверхность. На обложки тиснением наносились медальоны с позолотой или в красках. Особо ценные книги помещались в футляры из кожи и дорогой ткани. Например, среди вещей, переданных в пользу мавзолея Ишрат-хана, назван Коран в сафьяновой обложке, с сафьяновым футляром и бархатной оберткой. Васифи в мемуарах упоминает «папку» для бумаг из тисненной кожи. Небольшой круг людей занимался переплетом книг (мукавасаз). Мастерские переплетчиков в основном находились на базарах, к примеру, на базаре Аттаран в Самарканде был расположен дуكان Мулла-зода Переплетчика. Специальные переплетчики работали в ханских и эмирских библиотеках. Среди мастеров художественного оформления книги источники называют каллиграфа, миниатюриста, позолотчика (музаххиб), катиба, джадвалкаша, халкара, заркуба, ладжвардшуй<sup>430</sup>. Некоторые из этих специалистов были вывезены в Самарканд и Бухару насильно, например, из Хорезма. Часть мастеров в начале XVI в. бежала с южных городов, опасаясь преследований Исманла Сефеви. Весной 1512 г. из Ирана в Мавераннахр направился большой караван, с которым среди беженцев ехал Зайниддин Васифи. Здесь были и другие видные деятели культуры — поэты, каллиграфы, музыканты<sup>431</sup>.

В столице государства, куда часто приезжали купцы, а также крестьяне из соседних селений, привозившие сельскохозяйственные

<sup>428</sup> А. М. Беленицкий. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии., стр. 196.

<sup>429</sup> Маджму'а-йи васайк, л. 176.

<sup>430</sup> Мактубат ва аснад, л. 170.

<sup>431</sup> Зайниддин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 21 и след.

продукты и увозившие ремесленные изделия, где было много ремесленников, работавших в мастерских, расположенных преимущественно на территории базаров или рядом с ними, были значительно развиты пищевые промыслы. Специалисты, изготавливающие предметы питания, составляли особую группу населения города.

В самаркандских документах часто упоминаются лавки по продаже жареного гороха, лавки-лекарни и дуканы, где пеклись хлебные лепешки и пирожки, специализированные лавки, где каллапазы варили и продавали бараньи головы. Мастера-халвагары изготавливали халву и разные сладости, здесь же на базаре располагалась основная часть мясных лавок, а повара (ошпазы) готовили горячие блюда. Согласно вакфным документам, среди обслуживающего персонала медресе обычно были повара, нанимаемые управителями вакфного хозяйства за определенное вознаграждение деньгами или зерном (или тем и другим в определенной пропорции). Пищевые промыслы были тесно связаны с сельскохозяйственными и скотоводческими районами страны.

В Бухаре и Самарканде известен был целый ряд других ремесел. Кроме того, была большая группа людей, обслуживающих город и феодальную знать: банщики, парикмахеры, весовщики, носильщики, водноносы, уборщики, ночные сторожа, псаря и многие другие.

В Средней Азии с давних времен производили вино. По свидетельству очевидцев, Самарканд был окружен садами и виноградниками, которые тянулись иногда на несколько километров, здесь были сады городской знати.

Мухаммед Салих описывает хозяйство крупного самаркандского феодала шейхулислама Ходжи Абулмакарима. Больше половины урожая винограда Ходжа пускал на вино, из оставшегося количества приготавливали уксус и виноградный сироп — душаб<sup>432</sup>. На территории города находились специальные постройки для хранения винограда.

В исторических сочинениях и документах XVI в. встречаются названия разных сортов вин — шараб, мусаллас, мускир, чагир и другие. Особой славой пользовались бухарские вина, о которых Бабур заметил: «В Мавераннахре нет вин крепче, чем бухарские...». Оно вывозилось отсюда в другие города, в частности, в Самарканд, что также видно из сообщения Бабура. «Когда в Самарканде я в первый раз пил вино, то пил бухарское вино»<sup>433</sup>. Известны были также водка (арак) и напитки, изготовлявшиеся из ячменя, проса и меда (последний был особенно распространен среди тюркского населения). В отдельных районах большим спросом пользовался кумыс — напиток, приготовленный из кобыльего молока. Вино использовалось также в медицине.

<sup>432</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 53.

<sup>433</sup> Бабур-наме, стр. 63.

В Самарканде имелись винные лавки, где вино, возможно, определенные сорта его, продавалось открыто. Некий торговец Максуд, владевший шараб-ханой у Пули сафида, по свидетельству Васифи, пригласил в свою лавку многочисленное общество самаркандских купцов и поэтов, а Алишер Навои сообщает о существовании в его время кабаков (مېخانه) и игорных домов (قمارخانه)<sup>434</sup>.

В «Шейбани-наме» и в «Абдулла-наме» мы находим наименования сосудов «алтун айак» (التون اياغ), «чини кадах» (چيني قداخ)<sup>435</sup> и др., которые использовались для питья вина<sup>436</sup>.

При дворе Тимура Клавихо видел кувшины с вином «и еще с другим питьем, которого они очень много пьют» и которое называется бо-сат, а делают его из кобыльего молока с сахаром<sup>437</sup>.

Наши материалы опровергают мнение о том, что ислам совершенно вывел вино из употребления в Средней Азии. В Самарканде и Бухаре XVI в. производились разные сорта вин. Употребление вина среди определенных кругов населения было очень распространенным явлением. О Султани Хусейне-мирзе, например, Захириддин Бабур сообщает следующее: «За те почти сорок лет, что он был государем в Хорасане, не было дня, чтобы он не пил после полуденной молитвы», а его сын Ибрахим Хусейн-мирза «неумеренно уливаясь гератским вином, умер еще при жизни своего отца»<sup>438</sup>. Болезнь Шейбанида Кельди Мухаммеда, рассказывает Васифи, была вызвана злоупотреблением пьянящими напитками.

Есть сведения, что вино пили и женщины. Об одной из жен самаркандского правителя Султана Ахмеда Бабур, например, сообщает: «она имела очень большую власть, пила вино (чагир)»<sup>439</sup>. «Благочестивая с виду, — пишет об одной из подобных женщин Алишер Навои, — пить ты вино начала»<sup>440</sup>.

На основании этнографических материалов Е. М. Пещерева отметил, что в Средней Азии в разных областях «имелась и своя манера готовить вино, и специальные сосуды для его изготовления, хранения и подачи к столу, кроме того, строго выработанный и соблюдавшийся ритуал его питья»<sup>441</sup>. Так же, по всем данным, было в Средней Азии и в XVI в.

<sup>434</sup> Алишер Навои. Возлюбленный сердец, стр. 44, 61, 62.

<sup>435</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 3.

<sup>436</sup> Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии, стр. 295—296.

<sup>437</sup> Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура..., стр. 279.

<sup>438</sup> Бабур-наме, стр. 190, 194.

<sup>439</sup> Там же, стр. 31; Бобирнома, стр. 76.

<sup>440</sup> Алишер Навои. Газели, Соч., т. II, стр. 42.

<sup>441</sup> Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии, стр. 295.

Официальная религия запрещала пьянство, и духовенство предпринимало некоторые усилия, чтобы наказать людей, потреблявших вино. Однако эти запреты действовали далеко не всегда. Так, по условиям вакфного документа, составленного от имени Михр-Султан-ханум, чтедам Корана и студентам медресе запрещалось пить опьяняющие напитки. Виновные подлежали наказанию; если же кто-либо нарушал это условие три раза, его обязаны были изгнать из медресе. Специальное лицо, в обязанность которому вменялось наблюдение за нравственностью податного населения, должно было призывать к воздержанию от употребления вина<sup>442</sup>. «А между тем здесь (в Бухаре — Р. М.) запрещено пить что-либо кроме воды и кобыльего молока, — писал Дженкинсон в своем дневнике, — и если находят кого-либо, нарушающего этот закон, его жестоко секут и бьют, вода по открытым рынкам. Для этого определены особые чиновники, имеющие право входить во все дома и обыскивать, нет ли у хозяев водки, вина или напитка из меда с солодом. Если они находят что-либо подобное, то бьют посуду, портят напитки и жесточайше наказывают хозяина дома, а иногда, если они только заметят по дыханию человека, что он выпил, то дело решается без дальнейшего разбирательства и он уже не уйдет из их рук». В Бухаре есть духовный глава, который наблюдает «за столь строгим исполнением этого закона»<sup>443</sup>. Последнее подтверждается одним из указов из сборника «Мактубат ва аснад», согласно которому особое лицо должно следить за тем, чтобы жители не пили шараб<sup>444</sup>.

Однако столь строгие запреты, налагаемые мусульманской религией на пьянящие напитки, распространялись далеко не на всех. В письменных сочинениях мы встречаем описания веселых пирушек, где молодежь из зажиточных семей безмерно потребляла разные сорта вин. Отсюда можно заключить, что «золотая» молодежь, или вернее их влиятельные родители, умело отстраняли наказания, которые им грозили со стороны мухтасиба.

Вино, судя по сообщениям современников, готовили как на территории города, так и в селениях, откуда оно поставлялось в феодальные хозяйства подвластными крестьянами<sup>445</sup>.

Из винограда и тутовых ягод приготавливали также сладкие сушла (душаб)<sup>446</sup>.

Скудные сведения, разбросанные в разнообразных рукописях на узбекском и таджикско-персидском языках, дают возможность устано-

<sup>442</sup> Мактубат ва аснад, л. 34а.

<sup>443</sup> Д ж е н к и н с о н. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 182.

<sup>444</sup> Мактубат ва аснад, л. 34а.

<sup>445</sup> См. описание одного из таких моментов в мемуарах Васифи (А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества., стр. 354).

<sup>446</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 53.

вить наличие в двух крупнейших городах Средней Азии, какими были в XVI в. Бухара и Самарканд, множества ремесел, являвшихся «необходимой составной частью городского быта»<sup>447</sup> и имевших многовековые традиции. В двух городах проживало большое число специалистов, каждый из которых был обучен изготовлению лишь одного вида ремесленного изделия. Правда, в письменных источниках упоминаются и мастера, владевшие искусством изготовления нескольких предметов, но их было меньше. Кроме того, в городах работала большая группа людей, обслуживающих в основном феодалов и зажиточных горожан — носильщики, весовщики, уборщики, водоносы, ночные сторожа.

Экономическое развитие привело к специализации некоторых городов и местностей на производстве отдельных видов продукции.

Для ремесла рассматриваемого времени было характерно межотраслевое и внутриотраслевое разделение труда, мелкое товарное производство.

Производство в целом можно разделить на следующие группы:

Производство изделий, которые были рассчитаны на удовлетворение потребностей широкого круга местного городского населения; производство предметов, находивших сбыт в прилегавших к городу областях, соседних районах и кочевой степи; изготовление изделий для узкого круга аристократической части населения: дорогие ткани, ювелирные изделия, некоторые виды оружия и металлических изделий, богатая одежда, великолепные рукописи и др.; производство ремесленной продукции в расчете на сбыт не только внутри государства, но и в другие страны (ткани, писчая бумага, оружие, краски).

Приведенные нами материалы и попытка их анализа позволяют выявить лишь отдельные стороны многочисленных ремесел и лишь часть терминологии, бытовавшей в области ремесла в Самарканде и Бухаре. При малой изученности данного вопроса проанализированные материалы, на наш взгляд, могут представить определенный интерес.

<sup>447</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 329.

## Глава II

### СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Ремесленники составляли наиболее полезную часть городского населения и были основными производительными силами города. Для их определения использовались разные термины: хунарманд (هنرمند), мухтариф (مخترق), сан'атсаз (صنعت ساز), пишавар (پیشاور), возможно, и другие. В большинстве же случаев, когда речь шла о конкретной личности, к собственному имени носителя той или иной профессии добавлялось профессиональное наименование или слово «усто», «устод» (استاد) — мастер. Тем самым подтверждались его квалификация и отличие от других горожан.

Исторические памятники не содержат фактического материала о численности ремесленников, как и вообще о числе жителей Самарканды и Бухары рассматриваемого времени. Наше представление о количественном соотношении ремесленников и других сословий города может быть основано лишь на отдельных, в основном, случайных данных. Поэтому список специалистов, который можно составить на основании этих данных, будет не полным, ибо профессии мастеров, наименования производительных и торговых помещений, жилых домов и кварталов ремесленников, как и другие сведения, позволяющие выявить специализацию населения, включены в письменные памятники совершенно случайно. Нередко лавки-мастерские называются без указания, какому специалисту они принадлежали, что в них изготовлялось и продавалось. Естественно, при таком отборе часть специалистов вообще могут оставаться не учтенными. Тем не менее, данные источников конца XV—XVI в. свидетельствуют о наличии в городе значительного числа ремесленных профессий. Их свыше ста тридцати (для удобства термины перечислены в алфавитном порядке):

абгинагар (ابگینه‌گار), алачабаф (الاجدیاتی), ангиштгар (انگشتگر), арабачи (ارابه‌چی), афшангар (افشانگر), ахангар (اهنگر), бафанда (بافنده), бахмалбаф (بخملمالی), бахсумгар (بخسومگر), бехледуз

(бигладо), бузагар (бозе-гер), бургучи (биргучи), гаджпаз (гич-бз), гаукуш (гаукуш), гилкар (гилкар), гушткаш (гушткеш), дарзи (дарзи), дасгар (дас-гер), джадвалкаш (жадолкеш), джамабаф (жамабаф), джамадуз (жамадоз), джаррах (жаррах), джибатаб (жибатаб), джигарпаз (жигарпаз), диварзан (диवारзан), дуктараш (дуктараш), дурудгар (дурудгер), загарпаз (загаре-бз), зарбаф (зарбаф), заргар (заргар), зардуз (зардоз), заркаш (заркеш), заркуб (заркуб), кагазгар (кагадгер), калинбаф (калинбаф), каллапаз (кале-бз), камангар (камангер), кардгар (кардгер), каризгар (каризгер), касагар (касагер), касатараш (каса-тараш), кассаб (қассаб), катиб (қатиб), кафшдуз (кафшдоз), каххал (каҳал), кашипаз (каши-бз), кашитараш (каши-тараш), кимухтгар (кимухтгер), кисадуз (кисе-доз), кульчапаз (кулҷе-бз), лавваф (лаваф), ладжвардшуй (лажвордшуй), ладжамдуз (лажам-доз), микразгар (микразгер), ми'мар (мемаар), мисгар (мисгер), миҳчагар (миҳҷагер), муджаллид (муҳлид), музадуз (музе-доз), музапардаз (муза-пардаз), музаххиб (муза-ххиб), муинадуз (муинедоз), мукаввасаз (муқаввасаз), мухандис (муҳандис), мухракаш (муҳракеш), наддаф (наддаф), наджжар (наҷҷар), наккаш (наққаш), намадмал (намд-мал), нас-садж (насаҷ), на'лбанд (наълбанд), нонвой (нановай), ошпаз (ошпиз), парадуз (параш-доз), пардазгар (пардазгер), папушдуз (папуш-доз), пичакчи (пичакчи), пустиндуз (пустин-доз), рангрз (рангер), рау-гангар (рауғангер), раушангар (раушангер), рихтагар (рихтe-гер), саббаг (сабағ), сагрочи (сағри-чи), сакарлатмал (сақралат-мал), санбусапаз (санбусе-бз), сангтараш (санг-тараш), саррадж (сарраҷ), сарраф (сарраф), саххаф (саҳҳаф), симкаш (сим-кеш), сузангар (сузангер), сухангар (суҳангер), таббах (табаҳ), табиб (табиб), тагбандбаф (тагбандбаф), такачи (тақчи), такийадуз (тақие-доз)

таррах (طراح) тизакчи (тизакчи), тиргар (тиргар), тиркашдуз (аутуқчи, аутуқчи), тукумдуз (туқумдуз), утукчи (аутуқчи), футабар (футебар, фупебар), хаббар (хбар), хаддар (хадд), хайат (хайат), хаймадуз (химадуз), халвагар (халвагар), халкар (халкар), харгахтараш (харгахтараш), харрат (харрат), хаттар (хаттар), хиштмал (хаштмал), хиштлаз (хаштлаз), хушнавис (хушнавис), шам'саз (шам'саз), шамширгар (шамширгар), шанатараш (шанатараш), шастгар (шастгар), шербетдар (шербетдар), чармгар (чармгар), чахоргулбар (чахоргулбар), чилангар (чилангар), читгар (читгар), чуйанчи (чуйанчи), яхнапаз (яхнапаз).

Приведенный список можно несколько расширить за счет военных специальностей, например курчи (курчи), туфакандаз (туфакандаз), аташбар (аташбар) и др. Довольно обширна также терминология, использовавшаяся для обозначения: профессий лиц, обслуживающих город и городское хозяйство,— сартараш (сартараш),

хаммал (хаммал), таразудар (таразудар), фарраш (фарраш) и другие, а также музыкантов, фигляров, борцов и т. д.

Столь обширное число специалистов в Бухаре и Самарканде XVI в. объясняется тем, что каждый вид готовой продукции, а в отдельных случаях и полуфабрикатов, изготовлялся отдельным ремесленником. Это явление, как характерная черта ремесленного производства рассматриваемого времени, было отмечено в литературе<sup>1</sup>.

Средняя Азия не представляла в этом отношении исключения. Подобная же узкая специализация наблюдалась в данный период и в соседних странах, например, описывая «Достоинства Хиндустана» Захириддин Бабур заметил, что здесь трудилось «бесконечное и несметное множество» ремесленников<sup>2</sup>.

Определенная часть мелких производителей проживала в специализированных кварталах, а нередко также рядом с торговыми рядами и рынками. Как показывает анализ материалов «Ваф-наме», из во-

<sup>1</sup> История таджикского народа, т. II, М., 1964, стр. 401—402; Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 538.

<sup>2</sup> Бабур-наме, стр. 336.

семнадцати жилых дворов (хаули), расположенных рядом с базарами, двенадцать принадлежали: писарю, трем пекарям, гвоздарю, скорняку, двум свечникам, торговцу свечами, портному, цирюльнику и отбельщику маты (мойщику одежды?) — *كوارر*.

Профессионалами-ремесленниками была определенная часть жителей специализированных кварталов (*كوي*). Извлечения из источников дали возможность составить довольно обширный список самаркандских кварталов (улиц), называвшихся по отраслям ремесла: резчиков камня (каменотесов) — Сангтарашан, обжигателей маленьких керамических печей — Хумданак, мастеров, изготовлявших арбы — Арабачиан, ковалей — Такачийан, специалистов по выработке шагреновой кожи — Кимухтгаран, башмачников (мастеров особого вида обуви) — Панушдузан, валяльщиков войлока — Намадмалан, цирюльников (парикмахеров) — Сартарашан, мастеров, изготовлявших луки — Камангаран, золотошвеев — Зардузан, квартал тех, кто готовил блюда из печени — Джигарпазан, квартал бойни — Гоукушан и др. К перечисленному следует добавить наименования специализированных махалля ткачей адраса — Адрасбафан и гончаров — Кулалгаран, обозначенных на плане Бухары XIX в., который, по мнению А. Р. Мухамеджанова, был составлен на основе более раннего плана (до 1544—1545 гг.)<sup>3</sup>.

Подобные наименования специализированных кварталов в какой-то мере отражают роль ремесленных корпораций как организационных центров мелких производителей соответствующих профессий.

Возможно, в таких наименованиях, как «квартал мечети кирпичников» (Хиштии), «квартал мечети угольщиков» (Ангиштгар), «квартал мечети мясников» (Кассабийан), «квартал мечети пекарей хлебной лепешки кульча» (Кульчапаз), «квартал мечети торговцев косметическими и лекарственными товарами» (Аттаран) и др., также отражается организационная роль центров ремесленников одной профессии. Подобное явление отмечено для некоторых ремесленных корпораций средневековых городов Запада и России<sup>4</sup>.

В целом установлено, что «производительность труда в ремесле находилась в это время на максимально возможном при феодализме высоком уровне»<sup>5</sup>. Между тем, основой ремесла оставался ручной труд. Специализированные орудия были сравнительно разнообразны, но в большинстве случаев примитивны. Высокое качество продукции ремесленников при «рутинном состоянии техники»<sup>6</sup> зависело главным

<sup>3</sup> А. Р. Мухамеджанов. Историко-топографический план Бухары..., стр. 33.

<sup>4</sup> См., например, А. А. Сванидзе. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV вв.), М., 1967, стр. 257.

<sup>5</sup> Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 538.

<sup>6</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 185.

образом от способностей мастера, его сноровки, умения владеть техническими навыками. А между тем, все это было возможно лишь при упорном труде, обучении профессии с детских лет, при работе «не поднимая головы», как это отметил знаменитый мастер письма Султан Али. Только таким путем ремесленник, говоря словами Карла Маркса, мог приобрести «специальную сноровку», «виртуозность». Отсюда стремление мастеров сохранить секреты своего ремесла, передать производственные навыки подобно собственности своим близким, в основном, старшему сыну. «Способ труда, вместе с организацией труда и орудием труда в известной степени передается по наследству»<sup>7</sup>.

Главной фигурой в мастерской был мастер; в трудоемкой работе ему постоянно помогали члены семьи. При этом большая роль принадлежала сыну, который, работая вместе с отцом, постепенно приобретал навыки труда и обучался производственным процессам. Дома частично применялся и женский труд, использовавшийся не только в подсобных работах.

Как показывают скудные данные доступных нам источников, женщина являлась порой специалистом в области отдельных видов ремесла. Например, в одном из юридических решений конца XVI в. упоминается Соадат Султан Муинадуз (скорняк), дочь Абдуллы<sup>8</sup>.

В письменных источниках рассматриваемого периода нередко встречаются имена отца и сына, занимавшихся одним и тем же ремеслом, например, красильщик Ходжа Юсуф Али Саббаг, сын Устода Садриддина Саббага, портной Ходжа Мест Дарзи, сын Ходжи Мухаммеда Дарзи, мясник Ходжа Мир Дуст Кассаба, сын Ходжи Миреки, сына Ходжи Саид Ахмед Кассаба. Кладкой кирпича занимались сын, отец и дед мастера, названного в одном из указов, вошедших в «Мактубат ва аснад»<sup>9</sup>.

Сын мог приобрести и другую профессию. В источниках упоминаются седельщик (шорник), сын мясника, кузнец, сын кладчика кирпича, ткач алачи, сын специалиста, умеющего находить место залегания грунтовых вод, коваль, сын торговца вареными бараньими ножками и головами. Из исторических сочинений мы узнаем также, что сыновья седельщика, ткача и свечника (видимо, являвшихся старшинами ремесленных корпораций) стали поэтом, художником и каллиграфом, т. е. приобрели специальности, которые были доступны далеко не всем. Как показывают исследования, смена специальности чаще всего происходила в тех случаях, когда рано умирал мастер-отец.

<sup>7</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 488.

<sup>8</sup> Маджму' а-йи васик, л. 75а.

<sup>9</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. 4, 7, 22; Маджму' а-йи васик, л. 171б; Мактубат ва аснад, л. 526 и др.

Искусство изготовления разнообразных ремесленных изделий передавалось не только по наследству. Самаркандские и бухарские мастера XVI в. обучали учеников со стороны. Практика подготовки квалифицированных специалистов из других семей нашла отражение в договорах, вошедших в рукописный сборник юридических документов «Маджму'а-йи васаик». Среди документов, оформленных у самаркандского казиза, внимание исследователя привлекает серия договоров между мастерами-устодами и учениками-шагирами. Таких договоров в сборнике двадцать пять. Составлены они по одной установленной форме, начиная с августа 1589 по январь 1591 г.

В каждом из этих документов указываются число, месяц и год заключения договора, специальность, которой должен был обучиться ученик, срок обучения ученика, обязанность мальчика в период обучения выполнять работу, возложенную на него мастером, имя мальчика, поступающего в обучение, имя его отца (последнее в некоторых соглашениях опущено), приблизительный возраст ученика, обычно передававшийся словом («малолетний»), за исключением тех случаев, когда в заключении договора будущий ученик участвовал сам. В большинстве соглашений обуславливается также обязанность мастера обучить шагира данной профессии в такой степени, чтобы специалисты признали его умение соответствующим требованиям.

В договорах называются имена лиц, участвовавших в их заключении: мастера, в обучение которому поступал мальчик, и близких ученика (отца, матери, брата) или самого ученика. Если договор оформлялся от имени отца, матери или брата, в тексте оговаривалось, что мальчик находился на попечении того, кто отдавал его в обучение.

Внимание исследователя привлекает тот факт, что одиннадцать договоров оформлены от имени матери ученика, три — брата, семь — самого ученика и лишь четыре договора из двадцати пяти составлены от имени отца ученика. Почему же в условиях феодализма, когда главой семьи считался отец, он так редко принимал участие в оформлении документа, касающегося будущего его сына и согласно которому мальчик на несколько лет уходил в дом мастера? Анализ содержания документов помогает ответить на этот вопрос. В некоторых решениях к имени отца ученика добавлено слово «покойный», а в одном соглашении отмечается, что местонахождение отца ученика—Устода Шайдуллы, «не известно». Можно полагать, что мальчик не имел отца и во всех тех случаях, когда соглашение составлено от имени матери, а возможно и в тех случаях, когда оно составлено от имени брата. При оформлении соглашения от имени матери (или брата) в тексте оговаривается, что мальчик, поступивший в обучение, находился на ее (или брата) попечении. Приведенные материалы характеризуют ту социальную среду, из которой происходили ученики со стороны и позволяют

говорить о принадлежности основного контингента учеников к сиротам и полусиротам.

Во время обучения ученик проживал в доме мастера, который обязан был его кормить и одевать, что оговаривалось в виде включения в соглашение пункта о денежном обязательстве. Последнее выражалось в указании размера суммы, которую мастер якобы давал ученику с тем, чтобы тот вернул ее и он, мастер, взял бы из той суммы часть за обучение, а остальные деньги расходовал бы на пищу и одежду ученика.

Так, согласно договору от 8 сафара 998 г. (17 декабря 1589 г.), госпожа Раушан Бахт, дочь Устода Касима, заявила в кази-хана, что она своего малолетнего сына по имени Яхши Булди, который находится на ее попечении, отдает в наем господину Ходже Баки Сарраджу, сыну Устода Науруз Кассаба, на пять лет за шесть тыс. динаров. В этот период ее сын должен выполнять любую посильную работу, дозволенную шариатом. В то же время она, Раушан Бахт, «берет в наем самого упомянутого Ходжи Баки» за три тыс. динаров с тем, чтобы тот за время ученичества обучил ее сына искусству шорника, а остальную часть суммы первого найма, три тыс. динаров, потратил бы на его пищу и одежду.

Денежные обязательства указаны во всех имеющихся в нашем распоряжении письменных соглашениях. Включение их в договор показывает, что мастер нуждался в производственной помощи ученика, указанная сумма была как бы гарантией передачи ученику, эксплуатировавшемуся как в производстве, так и в домашнем хозяйстве, определенных знаний в области данного ремесла. При этом подчеркивалось, что мастер затрачивал определенную сумму на содержание ученика, хотя в действительности она могла быть и меньше.

Судьба ученика целиком зависела от мастера — хозяина мастерской и главы дома, и в отношении приобретения специальности и в отношении условий жизни.

Во всех казийских решениях оговаривается, что в годы ученичества поступивший на обучение должен выполнять всякую «дозволенную шариатом» работу, которую ему поручит мастер. Причем мастер имел юридическое право использовать ученика по своему усмотрению. Если учесть, что ученик вынужден был выполнять все приказания не только хозяина, но и его жены, то станет понятным исключительно тяжелое положение, в котором он находился во время обучения. Сиротство мальчика должно было еще более ухудшить условия его жизни, ибо отсутствие настоящей защиты и угнетенное положение открывали широкий простор для злоупотреблений, особенно в тех случаях, когда мастер был недобросовестным. В то же время, хотя ученик должен был выполнять все, что на него возлагал мастер, а возможно, жена

и его сыновья, письменное соглашение все же в какой-то мере должно было оградить его от безмерной физической нагрузки.

Мастер выступал как организатор производства, в котором кроме него самого и ученика участвовали члены семьи. Создавалась, по определению В. И. Ленина, своего рода «семейная корпорация». При этом обычно хозяин мастерской брал на себя наиболее сложные и ответственные операции, возлагая на ученика более грубые и простые, а также те, которые он не мог делать в одиночку.

По казийским решениям, мастер (имя и профессия которого указываются в договоре) должен был обучать шагирда следующим специальностям: ткачеству (صنعت نساجی), тканью алачи (صنعت الچه), тканью футы (صنعت فوطه باقی), а также санат-и футадаари (صنعت فوطه داری), тканью платков (покрывал) с узорами или особой узорчатой ткани (?), набиванию узоров на ткань (صنعت چهارگل باقی)<sup>10</sup>, валянию войлока (صنعت چیت گری), крашению (صنعت صیافی), валянию сукна (صنعت شترلاط مالی), выделке кольчуг (صنعت جبه تابی), изготовлению иглок (صنعت سوزن گری), сапожному мастерству (صنعت موزه دوری), мастерству выделки кафш (صنعت کفش دوری), скорняжному делу (мастерству меховщика) (صنعت پوستین دوزی), столярному делу (صنعت نجاری), шорному делу (صنعت سراجی).

Представленные договора касаются многих важных отраслей ремесла: ткачества и отделки тканей, выработки изделий из металла, изготовления деталей одежды, строительного и шорного производств. Распространение ученичества в области этих специальностей — еще одно свидетельство высокого уровня развития названных отраслей ремесла.

Сроки обучения учеников были разными. Ткач должен был обучить ученика своей специальности за два с половиной года; три ткача алачи — за полтора, три и четыре года; два ткача (?) футы (один из них называется футабаф, другой — футадаар) — за три и четыре; набойщик ткани — за четыре; красильщик — за три года; из четырех валяльщиков войлока, трое должны были обучить шагирдов за три года, а четвертый — за год; сукновал, мастер, шьющий меховые изделия и сапожник — за три года; башмачник — за четыре; мастер, делающий иголки, — за два; двое из трех кольчужников обязаны были обучить

<sup>10</sup> Содержание терминов چهارگل باقی и فوطه داری не совсем ясно.

мальчиков за четыре, а третий — за два года; плотник — за шесть месяцев (?); у трех шорников срок обучения был по пять лет<sup>11</sup>.

Как справедливо отметил А. М. Беленицкий, период ученичества мог значительно варьироваться<sup>12</sup>. Приведенные примеры говорят о том, что срок обучения одной и той же специальности мог быть разным (лишь специальность шорника по всем трем договорам приобреталась за один и тот же срок — пять лет).

Рассмотрим сведения из договоров, позволяющие установить приблизительный возраст ученика. В восемнадцати случаях из двадцати пяти мальчики, поступающие в обучение, определяются словом сагир (صغير) — «несовершеннолетний», «малолетний», и лишь в остальных семи соглашениях одной из договаривающихся сторон выступает сам ученик, почему естественно предположить, что в этих примерах шагирд был лицом, имевшим возможность самостоятельно договориться с мастером. В одном из этих семи соглашений ученик, поступающий в обучение к мастеру-кольчужнику, определяется словом «совершеннолетний» (بالع). Можно предположить, что в шести других случаях ученики также были совершеннолетними, почему могли от своего имени заключать соглашения.

Разные сроки обучения, которые требовались для получения одной и той же профессии, позволяют отметить, что продолжительность срока ученичества зависела не только от сложности ремесла, но и от возраста шагирда. Когда в обучение искусству ткачества алачи поступал юноша, срок обучения был менее продолжителен, чем у мальчиков: полтора года вместо трех и четырех лет.

В то же время, возраст поступающего в обучение не всегда играл определяющую роль, так срок обучения мастерству валяния войлока в трех случаях из четырех определяется в три года — одинаковый для «малолетнего» мальчика (в двух случаях) и для ученика-юноши, от имени которого был заключен договор с мастером (в одном случае). Поэтому уместно предположить, что при определении в договоре продолжительности обучения шагирда сказывалось и социально-экономическое положение поступающего на обучение: влиятельные родственники ученика могли требовать обучения мальчика в более короткий срок.

Определение срока было, вероятно, одной из причин составления соглашения между договаривающимися сторонами. Ученик и его родственники были заинтересованы в сокращении срока обучения, ибо в период ученичества мальчик не столько был учеником, сколько помощником мастера на подсобных работах в мастерской и прислугой

<sup>11</sup> Маджму' а-йи васайк, л. 118а-122б.

<sup>12</sup> А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде., стр. 46—47.

по дому. Следовательно, в заключении договора прежде всего были заинтересованы ученик и его близкие.

За сравнительно короткий срок обучения ученик должен был из мальчика на побегушках превратиться в специалиста, усвоившего ремесло «в такой степени, чтобы мастера этого искусства высказали свое одобрение». Это условие выставлено в нескольких договорах между мастером и учеником: от 14 июля 1589 г., от декабря 1589 г., от 4 февраля 1589 г. и в других<sup>13</sup>.

В действительности же мастер, как показывают отдельные данные, не спешил передать ученику свои знания и тот приобретал технические навыки лишь постепенно, постоянно помогая ему в ежедневной производственной деятельности<sup>14</sup>.

Хотя в решениях, утвержденных в самаркандских кази-хана, говорится, что по истечении указанного срока шагирд должен был овладеть данным ремеслом «в такой степени, чтобы мастера этого искусства высказали свое одобрение», условие это, по-видимому, выполнялось далеко не всегда. При отсутствии отца ученика положение мастера в этом отношении становилось еще более незыблемым. И все же письменное соглашение между учеником и мастером было положительным фактом, ограничивающим время и степень эксплуатации ученика.

Приведенные материалы из юридических документов позволяют выявить отдельные моменты из жизни и производственной нагрузки учеников в Самарканде XVI в., их социальное происхождение и экономическое положение. Рассмотренные договоры представляют большой интерес как пример письменного оформления правовых отношений между учеником и мастером-ремесленником в XVI в. Это тем более интересно, что для предыдущего и последующего периодов подобных письменных договоров пока не обнаружено, если не считать формуляра для составления подобного договора, относящегося к Бухаре XVI в.<sup>15</sup>

Приводим таблицу данных о найме учеников к мастерам разных специальностей, составленную на основании извлечений из двадцати пяти письменных договоров<sup>16</sup>. В графе «от имени кого составлен договор» указывается представитель лишь одной стороны — ученик-юноша или тот, на попечении кого находился мальчик. Фиктивная денежная сумма во всех соглашениях определяется в медных динарах.

Некоторый дополнительный материал, иллюстрирующий положение учеников, мы находим в среднеазиатских рисала — уставах-обрядниках. Время возникновения их точно не установлено. Известные нам

<sup>13</sup> Маджму' а-йи васанк, л. 118а, 119а, 119б.

<sup>14</sup> Относительно более позднего времени эта мысль высказана О. А. Сухаревой.

<sup>15</sup> Хутут-и каза, ркп. ИВ АН УзССР, № 8586.

<sup>16</sup> Маджму' а-йи васанк, л. 118а-122б.

### Данные об обучении ученика

| Дата, г.д.                  | От имени кого составлен документ | Возраст ученика | Специальность           | Срок обучения, год | Общая сумма ученических взносов в договоре, тыс. тенге | За обучение, тыс. тенге | За питание и жилье |
|-----------------------------|----------------------------------|-----------------|-------------------------|--------------------|--|-------------------------|--------------------|
| 21 рамазана 997             | ученика                          | не указан       | ткач алачи              | 1,5                | 3  | 1                       | 2                  |
| 7 зилка да 997              | ученика                          | не указан       | красильщик              | 3                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 11 зилка да 997             | матери                           | малолетний      | чажоргулбаш             | 3                  | 3  | 1                       | 2                  |
| 11 зилка да 997             | ученика                          | не указан       | войлочник               | 3                  | 3  | 1                       | 2                  |
| Последний день зилка да 997 | отца                             | малолетний      | исовщик                 | 2                  | 3  | 1                       | 2                  |
| Последний день зилка да 997 | отца                             | малолетний      | плотник                 | 6 месяцев (?)      | 3  | 1                       | 2                  |
| 8 сафара 998                | матери                           | малолетний      | шорник (сидельщик)      | 5                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 17 сафара 998               | брата                            | малолетний      | ткач алачи              | 3                  | 4  | 2                       | 2                  |
| 28 раби 1 998               | матери                           | малолетний      | тулущик                 | 3                  | 4  | 1,5                     | 2,5                |
| 10 джумада 1 998            | ученика                          | не указан       | ткач футы               | 4                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 21 джумада 1 998            | ученика                          | не указан       | сукновал                | 3                  | 3  | 1                       | 2                  |
| 28 джумада 1 998            | отца                             | малолетний      | ткач футы (?) (футалар) | 3                  | 4  | 2                       | 2                  |
| 14 джумада 11 998           | матери                           | малолетний      | войлочник               | 4                  | 6  | 4                       | 2                  |
| 12 раджаба 998              | брата                            | малолетний      | кольчужник              | 2                  | 4  | 2                       | 2                  |
| 17 раджаба 998              | матери                           | малолетний      | кольчужник              | 4                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 12 раджаба 998              | матери                           | малолетний      | ткач алачи              | 4                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 19 раджаба 998              | отца                             | малолетний      | шорник (сидельщик)      | 5                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 22 раджаба 998              | матери                           | малолетний      | шорник (сидельщик)      | 5                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 10 рамазана 998             | матери                           | малолетний      | ткач (насадж)           | 5                  | 6  | 3                       | 3                  |
| 10 рамазана 998             | матери                           | малолетний      | сапожник                | 2,5                | 4  | 2                       | 2                  |
| 21 рамазана 998             | матери                           | малолетний      | войлочник               | 3                  | 5  | 3                       | 2                  |
| 6 шаввая 998                | ученика                          | не указан       | войлочник               | 3                  | 5  | 3                       | 2                  |
| 26 зилка да 998             | брата                            | малолетний      | войлочник               | 3                  | 5  | 3                       | 2                  |
| 6 сафара 999                | матери                           | малолетний      | набойщик тканей         | 4                  | 6  | 4                       | 2                  |
| 10 раби 1 999               | матери                           | малолетний      | башмачник               | 4                  | 3  | 1                       | 2                  |

списки относятся к XIX в. Однако сведения из рисала можно отнести и к более ранним векам. Можно уверенно говорить, что бытовые условия и правовое положение учеников в доме мастера и в мастерской конца XVI столетия во многом были сходны с теми, которые зафиксированы для XIX—XX вв. Косвенное подтверждение тому — общий консерватизм и традиционализм, господствовавшие в производственных и социальных отношениях в условиях позднего феодализма. Это обстоятельство позволяет привлечь для исследуемого вопроса и материалы из рисала, в частности двух рисала чиггаров на узбекском и таджикском языках (отличающихся друг от друга не только языком, но и содержанием отдельных мест)<sup>17</sup>.

Согласно рисала, мастер должен был прививать ученику почтительное и бережное отношение к хранившемуся в мастерской инвентарю. На ученика возлагалось также содержание в чистоте мастерской, жилого дома и двора. Мастер обязан был обучать ученика не только производственному процессу, но и правилам поведения. Рисала проникнута суровым диктатом ортодоксального ислама, фанатично поддерживавшего воззрение на человека, как на ничтожного раба.

В мемуарах Зайниддина Васифи немало строк, характеризующих различные слои городского населения; в числе представителей просвещенного общества нередко встречаются и ремесленники. Однако вряд ли в числе тех, кто участвовал в литературных диспутах и поэтических вечерах, кто был близок к городской землевладельческой знати, находились рядовые мелкие товаропроизводители. Блестящие юноши, «украшавшие собой пиры и литературные маджлисы, в большинстве случаев происходили из купеческой ремесленной среды» и, как заметил А. Н. Болдырев, «скорее всего, это были сыновья богатых ремесленников, цеховых старшин»<sup>18</sup>. Многие из рядовых ремесленников, особенно из тех, кто находился в полной зависимости от ростовщиков и купцов-скупщиков и не имел возможности овладеть грамотой, не могли (а в отдельных случаях, может быть, и не очень хотели) дать ученикам элементарного образования в области грамматики, а так же знания по религии, относительно чего говорится в рисала<sup>19</sup>. В этом отношении наше внимание привлекает то место из текста, где говорится о необходимости приглашения для чтения рисала специального лица, если сам владелец устава-обрядника не умел читать.

Мастер обязан был также требовать от ученика знания рисала данного цеха и не допускать его к работе, пока тот не вы зубрит текст

<sup>17</sup> Рисала- и чиггари, № 5003; Рисала- и чиггари, № В-1900 (23).

<sup>18</sup> А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества..., стр. 405—406.

<sup>19</sup> Рисала- и чиггари, № 5003; л. 336; Рисала- и чиггари, В-1900 (23) строки 24—26.

наизусть<sup>20</sup>. Рисала должна была служить руководством и в личной жизни ученика. Одно из условий устава-обрядника гласит: если шагирд, достигнув совершеннолетия, не обзаведется семьей, он не будет уважаем окружающими. Здесь мы видим, что ремесленные корпорации не оставляли без контроля и личную жизнь будущего мастера. Через старшин ремесленных корпораций и через мастеров-учителей феодальные власти принимали активное участие в воспитании учеников в духе покорности и подчинения феодальным властям и мастеру, которого ученик должен почитать наравне с отцом, матерью и духовными лицами.

Обучение производственному процессу в соединении с религиозными обычаями, правилами поведения и почтительным отношением к мастеру было характерно не только для Средней Азии. В цехах Западной Европы также существовала, как отметил Ф. Энгельс, своего рода патриархальная скрытая эксплуатация, «с сопутствующими ей благочестием, привязанностью к домашнему очагу, добродетелью и ограниченностью...»<sup>21</sup>.

Ученик не должен был приступать к работе без разрешения на то мастера, нарушение этого пункта приводило к тяжелым наказаниям. Согласно рисала читгаров, на шею ученика, отважившегося приступить к работе, не согласовав это с мастером, следовало повесить полный воды кувшин и, посадив его верхом на черного быка, возить по базару. «Провинившегося» должны были хлестать прутом, дабы это послужило примером всем, кто вздумал бы нарушить установленные правила<sup>22</sup>.

Запрещение работать самостоятельно, без разрешения мастера, т. е. до того, как шагирд пройдет обряд посвящения, повторяется в рисала неоднократно. Последнее объясняется стремлением мастеров оградить себя от возможной конкуренции со стороны ученика, уже получившего значительную специализацию.

В отдельных случаях ученик, овладев производственными навыками, отличался от своего учителя лишь тем, что еще не прошел обряда посвящения в мастера. Об этом косвенно свидетельствуют обязанности принести на обозрение мастеру все, что сделал ученик и строгие запреты работать без разрешения мастера также как и тяжелое наказание в случае нарушения этого запрета. Все это ставило ученика в крайне унижительное положение, что, безусловно, должно было вызывать ропот в душе юноши. Однако жаловаться на мастера строго запрещалось.

Тяжелое положение приводило ученика к попыткам бегства из дома мастера. Текст рисала пестрит угрозами и небесными карами, ко-

<sup>20</sup> Рисала-и бафандачилик, л. 17а.

<sup>21</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 247.

<sup>22</sup> Рисала-и читгари, № 5003, л. 33а, 33б.

Рис. 1. Бронзовый кувшин, инкрустированный серебром, из самаркандской мастерской конца XIV—XV в.



Рис. 2. Часть бронзового кувшина, из самаркандской мастерской конца XIV—XV в.



Рис. 3. Бронзовый котелок из самаркандской мастерской конца XIV—XV в.



Рис. 4. Галладон, Самарканд, XVIII в.

Опубликовано: Т. Абдуллаев, «Каталог медных и медночеканных изделий Узбекистана».

Рис. 5. Афтоба, Самарканд, XVIII в.  
Музей истории народов Узбекистана им.  
М. Т. Айбека



Рис. 6. Подсвечник.



Рис. 7. Чирогдон.



Рис. 8. Котелок.  
Музей истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека

Рис. 9. Инструменты табиб-  
хврурга.  
Музей истории народов Узбекиста-  
на им. М. Т. Давлата

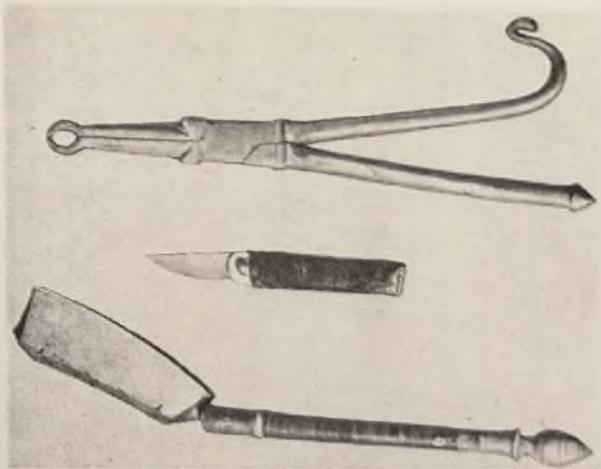


Рис. 10. Металлические изде-  
лия среднеазиатских мас-  
теров.

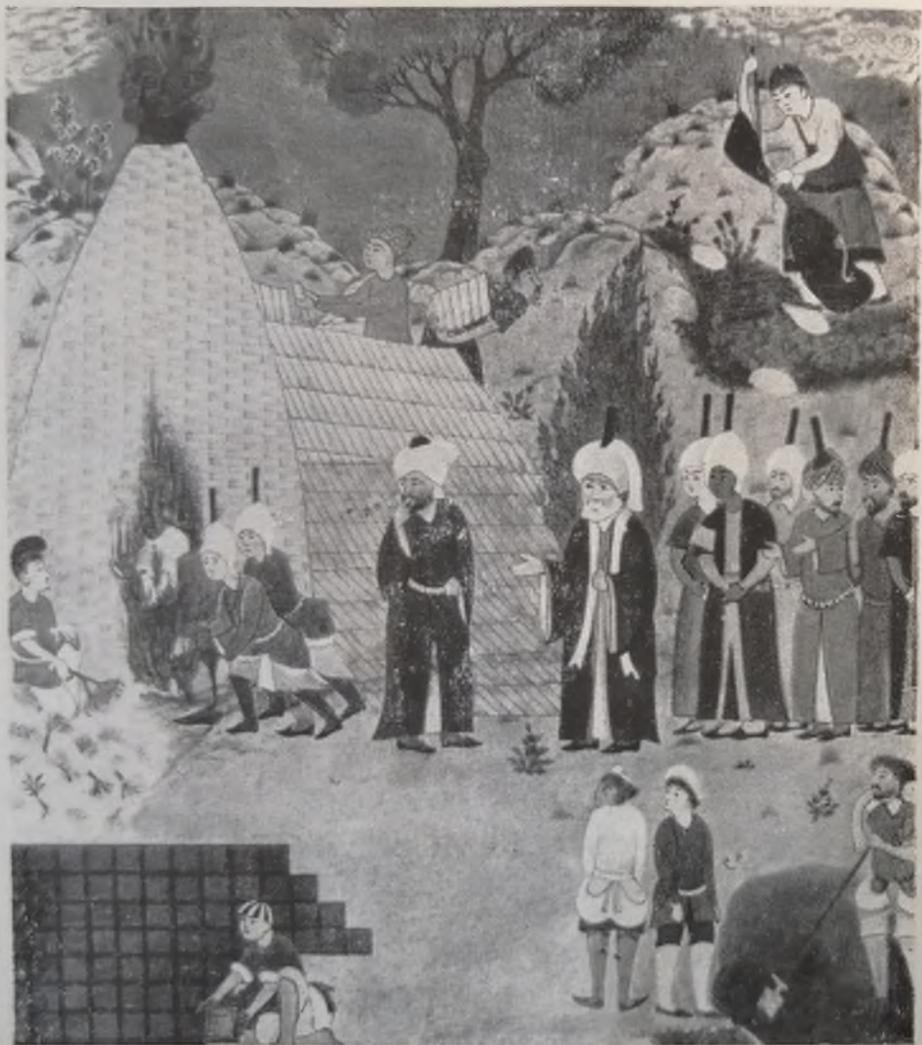


Рис. 11. Формовка и обжиг кирпича. Миниатюра рукописи «История праведных имамов», 1521 г.



Рис. 12. Встреча Ширин с Фархадом в горах. Миниатюра рукописи Низами «Хамса», 1491 г.



Рис. 13. Торговля медными изделиями. Бухара, XIX в.

Опубликовано: Stgrid Westphal—Hellbusch, Ilse Bruns. „Metallgefassen aus Buchara“.

Кувшин и блюдо, Самарканд,  
XV—XVI вв.  
Музей истории народов Узбекистана  
им. М. Т. Айбека.



Чаши (фрагменты), Бухара, XV—  
XVI вв.  
Из материалов Бухарского археоло-  
гического отряда Института археоло-  
гии АН УзССР.



Чаши, Самарканд, XV—XVII вв.



торые должны были обрушиться на ученика, сбежавшего от мастера<sup>23</sup>. Видимо, случаи бегства были нередким явлением, иначе не было бы необходимости вводить в текст рисала подобные предупреждения.

Шагирд мог оставаться в полном подчинении у мастера или же на положении зависимого и после приобретения специальности. Фактический срок использования ученического труда особенно в случаях, когда не составлялись письменные договоры, мог быть довольно продолжительным. Призывы старшин ремесленных корпораций уважать мастера так же как отца были основаны не только на стремлении вызвать чувство благодарности за обучение и признание опыта старшего. Во многих случаях мастер выступал как эксплуататор, безвозмездно присваивающий труд ученика и прилагающий все усилия для подавления возможного протеста с его стороны.

Чтобы стать мастером, ученик обязан был сдать экзамен. Для этого он должен был показать свое умение работать «мастерам и великим знатокам правил поведения», предварительно приготовив инструменты и заучив все вопросы и ответы, приводимые в рисала. Мастер нес ответственность за подготовленность посвящаемого в мастера. Если присутствовавшие старейшины (акабиран) и специалисты находили ученика недостаточно подготовленным, то мастер в дальнейшем лишался права брать на обучение ученика и пользоваться его трудом. В свою очередь, сам мастер зависел от главы и старшин цеха, от тех, кто в социальном отношении стоял выше хозяина мастерской.

Наши источники не говорят о тех угощениях, которые ученик должен был приготовить для проведения обряда посвящения. Между тем, по материалам конца XIX — начала XX в. можно установить, что маджлис, собранный с целью посвящения ученика в мастера, устраивался за счет посвящаемого, что было одной из причин, тормозивших переход ученика в разряд мастеров. Ученики со стороны, по нашим данным в большинстве случаев из сирот, в продолжении многих лет вынуждены были накапливать нужную для этого сумму.

Следовательно, время ученичества можно условно разделить на два периода: когда мальчик находился в положении ученичества, основные черты которого нашли отражение в письменных соглашениях, и когда ученик, уже прошедший курс обучения, все еще не был самостоятельным мастером и не имел своих орудий производства.

Однако мастер не мог не считаться с тем, что слишком большая задержка ученика могла вызвать нарекания со стороны организации ремесленников, которая стремилась поддерживать свое доброе имя. Поэтому можно считать, что контролирование обучения органами цехового управления также было одной из причин составления договора

<sup>23</sup> Рисала- и читгарн, № 5003, л. 18а; Рисала- и читгарн, В-1900 (23), строка 50.

между мастером и учеником (или его близкими). Следовательно, в договорах, заключавшихся при поступлении ученика на обучение, можно видеть стремление корпорации в какой-то мере оградить интересы учеников.

Ученичество было широко распространено и в других странах Востока. Эксплуатация ученика, его бесправное положение и использование на различного рода работах, не имевших отношения к ремеслу, так же как и случаи, когда мастер сохранял в секрете от учеников производственные приемы, и многое другое были характерны для института ученичества, как на Востоке, так и на Западе<sup>24</sup>.

Таким образом, наши материалы позволяют сделать некоторые выводы относительно института ученичества в городском ремесле в период позднего средневековья:

Отношение между учеником и мастером в XVI в., а, возможно, и в следующие десятилетия XVII в., оформлялись письменно; ученичество охватывало многие отрасли ремесленной промышленности, в которых требовались дополнительные рабочие руки; прием мастерами ученика диктовался необходимостью участия в производственном процессе подсобной рабочей силы; ученик находился в личной зависимости от мастера и в большинстве случаев подвергался тяжелой эксплуатации со стороны своего хозяина; по нашим данным, основная часть учеников происходила из сирот; продолжительность срока обучения отчасти зависела от благосостояния и влияния близких ученика, принимавших участие в оформлении договора; в составлении письменного соглашения были заинтересованы ученик и его близкие; определенный интерес к заключению договора проявляли и ремесленные корпорации; теоретически ученичество было подготовительной школой для мастеров-ремесленников, практически же переход учеников в разряд мастеров осуществлялся далеко не всегда и не в те сроки, которые указывались в письменных соглашениях; ученики со стороны, из других семей, многие годы находились в полной зависимости от мастера, бывшего их учителем; наличие значительного числа договоров в разных отраслях ремесла, практика заключения письменных соглашений между учеником (или его близкими) и мастером свидетельствуют о сравнительно высоком уровне этих отраслей промышленности в двух

---

<sup>24</sup> Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв., Тбилиси, 1959, стр. 359 и сл.; К. К. Куция. Из истории цеховых организаций в Восточном Закавказье в XVI—первой половине XVIII века (К вопросу об институте учеников и подмастерьев). Вопросы истории Ближнего Востока, 11, Тбилиси, 1972; Садиг-бек Афшар. Ганун ос-совар (Трактат о живописи), Введение, перевод, комментарии и прим. А. Ю. Казиева, Баку, 1963, стр. 71; А. А. Кириллова. Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV—XV вв. Сб. «Средние века», вып. 32, 1969, вып. 33, 1971.

политических и экономических центрах Средней Азии, каким были Самарканд и Бухара в XVI в.; ограничение самостоятельной деятельности квалифицированного ученика, а также низкая в условиях феодализма техническая оснащенность труда, как и некоторые другие факторы, были причиной, тормозившей рост и расширение производства; несмотря на практику приема учеников со стороны и наличие проанализированных договоров следует отметить, что ремесленная профессия передавалась в основном по наследству.

Двадцать пять договоров, составленных с целью оформления отношений ученика и мастера утверждены в кази-хана г. Самарканда в конце XVI в. К первой половине этого же столетия относится формуляр для составления договора об ученичестве, написанный в Бухаре. Для других периодов подобных письменных соглашений и образцов для их составления пока не обнаружено. Отсутствие документальных данных пока не позволяет установить, когда перестало практиковаться письменное оформление найма ученика к мастеру. Установлено, что в конце XIX — начале XX в. отношения между учеником и его хозяином не оформлялись письменно<sup>25</sup>.

Классовые интересы рядовых ремесленников и учеников были направлены на борьбу с городской верхушкой, в том числе и ремесленной. В то же время очевидно, что экономические требования учеников не выходили за пределы узкопрофессиональных, корпоративных интересов.

Квалифицированный ученик мог выступать в роли подмастерья. К. Маркс, характеризуя цехового мастера средневекового города, писал: «...как подмастерье он сначала только *ученик* и, следовательно, совсем еще не представляет собой настоящего, самостоятельного работника и столуется по-патриархальному у мастера. В качестве действительного подмастерья он до известной степени пользуется фондом потребления, принадлежащим мастеру. Если этот фонд и не является *собственностью* подмастерья, то все же подмастерье по цеховым законам, по цеховому обычаю и т. п. является по крайней мере его совладельцем...»<sup>26</sup>.

Как уже указывалось, в отдельных отраслях ремесла использовался труд наемных работников. Однако термины для их обозначения применительно к рассматриваемому периоду еще не исследованы из-за отсутствия конкретных материалов.

В одной из рукописей ИВ АН УзССР вместе с другими произведениями помещены образцы казийских документов, составленные в Бухаре в XVI в. В числе этих образцов имеется трафарет для оформления юридического договора о найме работника сроком на год. В виду важности этих данных цитируем указанное место из рукописи.

<sup>25</sup> О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара..., стр. 161.

<sup>26</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 488.

«Аренда личности. Такого-то числа сделал заявление по имени и происхождению такой-то, сын такого-то, в состоянии действительности его распоряжений следующего содержания: «Я дал в законную аренду самого себя такому-то, сыну такого-то, начиная с сего дня в течение одного полного года за такую-то сумму, в течение этого срока я буду выполнять любую дозволенную шариятом работу, которую он мне поручит. Я велел, чтобы он такую-то сумму из указанной суммы в упомянутый срок расходовал на мое питание и одежду. А оставшуюся часть от упомянутой суммы вручил мне в конце года». С его согласия. [Это было] в присутствии достойных доверия»<sup>27</sup>.

Наши сведения о Самарканде и Бухаре XVI в. дают очень слабое представление о социальной категории населения, обозначавшейся термином каргар (کارگر). В мемуарах Бабура применительно к мастерам, работавшим вместе с каменщиками и плотниками на строительстве колодца для воды, каменных желобов и каналов, использован термин муздур (مزدور), содержание которого для Средней Азии XVI в. не выявлено. Приведенный пример относится к строительной деятельности Султана Бабура в Индии. Эти же термины, использовавшиеся для определения разных групп подсобных работников, встречаются и применительно к другим странам<sup>28</sup>.

Безусловно, затронутые вопросы, как и многие другие проблемы развития экономических и социальных отношений в среднеазиатских городах, ждут дальнейших исследований. Пока можно лишь отметить, что применение наемного труда в городском ремесле не стало системой и не привело к постоянному расширению производства.

Основной фигурой в городском ремесле был мелкий производитель, самостоятельно работавший и сбывавший свои изделия. Он должен был владеть собственностью на орудия и средства труда. Однако, далеко не все ремесленники владели мастерскими на правах собственности. Документальные данные показывают, что часть городских ремесленников и мелких торговцев не имели своих лавок и мастерских и вынуждены были арендовать дуканы (лавки и мастерские), принадлежавшие феодалам, ханской семье и вакфным учреждениям. В последнем случае организатором эксплуатации мастерских выступали му-

<sup>27</sup> Хутут-и каза, лл. 1796—180а. Рукопись переведена и подготовлена к изд. А. Б. Вильдановой, которой приношу благодарность за указание цитированного места трактата.

<sup>28</sup> А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв.; М. Гейдаров. Ремесленное производство в городах Азербайджана XVII в., Баку, 1967; Ш. Месхиа. Города и городской строй.; К. К. Куция. Из истории цеховых организаций.; А. М. Беленицкий, И. Б. Бейтович, О. Г. Большаков. Средневековый город., стр. 288; А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии., стр. 8.

таваллии. Как видно из источников, большое число мастерских, торговых лавок, красилен, водяных мельниц, маслобоек, бань, складов и других доходных предприятий Самарканда и Бухары XVI в. принадлежало духовной знати, основная часть которой извлекала доход путем сдачи их в аренду или субаренду (через посредство феодала или зажиточного горожанина).

В XVI в. в руках представителей светских и духовных феодалов в лице неоднократно упоминавшейся здесь Михр-Султан-ханум (она стала мутаваллием учрежденного ею вакфа), джуйбарских шейхов и других представителей из числа городской землевладельческой знати было сконцентрировано огромное число торгово-ремесленных заведений, находившихся в оживленных районах города, у базаров и вдоль магистральных дорог.

Не принимая никакого участия в процессе производства феодальные владетели под видом арендной платы получали от ремесленников и мелких торговцев определенную ренту, своеобразный вид косвенного налога. Усиленная скупка ремесленных мастерских, лавок, мельниц и других производственных помещений свидетельствует о высокой доходности этих предприятий и больших выгодах операций подобного рода.

Характерный в этом отношении материал содержится в грамоте в пользу двух медресе Шейбани-хана: из 80 дуканов, находившихся на территории десяти торговых рядов (базаров) в Самарканде, 40 принадлежали медресе, 14 другим вакфным учреждениям, 26 частным лицам. При этом в число двадцати шести владельцев входили крупные феодалы, представители аристократических кругов: сама Михр-Султан-ханум, которая часть своего имущества оставила в частном владении; дочь бывшего самаркандского правителя Тимурида Султана Ахмед-мирзы Ак-бегим, глава духовенства — шейхулислам Шамсуддин Мухаммед и другие. Они извлекали доход с торгово-ремесленных предприятий путем предоставления их в аренду или субаренду непосредственному производителю. Подобная концентрация торгово-ремесленных предприятий в руках феодалов означала разорение ремесленного населения и мелких торговцев<sup>29</sup>.

Ремесленными мастерскими и торговыми лавками могли владеть целиком или дробно, так что один и тот же дукаан мог иметь двух или более совладельцев, что фактически сводилось к разделу арендной платы, взимаемой за лавку-мастерскую совладельцами. По материалам «Вакф-наме», часть бакалейного дукаана в Самарканде, площадь кото-

<sup>29</sup> Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 41; Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 573; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений..., стр. 36—44.

рого равнялась 40 газам газ-и мукассаром, принадлежала ранее Михр-Султан-ханум, а по дарственной грамоте передавалась в вакф, другая же часть, равная 12 газам, была вакфом общего пользования. В этой же грамоте называются ковочный и красильный дуканы общей площадью в 81 газ тем же газом, также передававшиеся в вакф. Часть этих дуканов в 13,5 газом считалась вакфом общего пользования<sup>30</sup>.

Среди документов есть и такие, которые были составлены при неокончательной продаже дукана. Это был своеобразный заклад, по которому дуکان и после оформления акта купли-продажи оставался в руках прежнего владельца. Последний продолжал пользоваться им в роли арендатора, отныне уплачивая соответствующую плату (процент за предоставленный кредит) новому владельцу лавки-мастерской.

Юридические документы, письменно оформлявшие получение ссуды под залог дукана, представлены в сборниках казийских документов. Материалы о неокончательной продаже и закладе ремесленных мастерских отражают процесс разорения владельцев мастерских—мелких ремесленников. Многие из них вряд ли имели возможность вернуть займодавцу полученную в долг ссуду и снова стать хозяином дукана. В документальных материалах, относящихся к самому концу XVI в., неоднократно встречаются сведения о закладе мастерских, торговых заведений, мельниц и других производственных помещений.

Из имущественной верхушки мастеров-ремесленников могли выделиться люди, специализировавшиеся на торговле определенным товаром. Часть их оставляла свои мастерские, но продолжала поддерживать связь с ремесленниками, теперь уже в роли скупщика.

Ремесленник, имевший собственную мастерскую, был в более выгодном положении, чем тот, кто арендовал дуکان. Но и мелкие владельцы мастерских в большинстве случаев держали в своих руках на правах собственности лишь само строение — сукнийат, соответственно платя определенную сумму, причитающуюся за участок под дуکانом.

Из-за ограниченности средств часть мастеров не могла закупать материал, необходимый для работы, и брала его в долг до продажи товара. К примеру, по документу, составленному в 1590 г., Маддуд Казар, сын Муллы Мухаммеда Мултани, должен был по истечении двух месяцев уплатить Мулле Фатхулле, сыну Муллы Якуба Мултани, стоимость 40 кусков ситца разноцветного пурбанд в сумме 120 серебряных ханских танга. Неоднократно фигурирует в казийских документах имя Дарья-хана, сына Шейха Са'ддина Мултани. Последний предоставил в долг Мулле Хусейну, сыну Муллы Мултани, 32 куска ситца самоцветного пурбанд с условием возвращения долга по исте-

<sup>30</sup> Вакф-наме, текст, стр. 126, 127, перевод, стр. 238, 239.

чении четырех месяцев. А по документу, составленному несколько раньше, Лахури Читгар, сын Лалю, должен был уплатить Дарья-хану 150 серебряных ханских танга. В тот же день, 13 октября 1589 г., в том же кази-хана было вынесено еще одно решение, обязывающее Лахури Читгара под угрозой развода с женой повиноваться Дарья-хану<sup>31</sup>.

Все эти конкретные факты убедительно показывают зависимое положение мелких производителей от городской знати, светских и духовных феодалов.

Интерес представляет еще один документ, составленный в октябре 1590 г. и касающийся того же Дарья-хана. Из него выявляется, что упомянутый кредитор дал в долг Мулле Хусейну, сыну Муллы Хасана, расчесанный (شانیه کرده) белый козий пух и тот обязан был вернуть долг через семь месяцев. За своевременное выполнение обязательства Муллой Хасаном за него ручалось третье лицо — Мулла Майрам, сын Шамухаммеда<sup>32</sup>.

Свидетельства проникновения ростовщического капитала в некоторые виды ремесленного производства позволяют мнение, высказанное В. И. Лениным относительно крестьян России, распространить и на население Средней Азии. «Зависимость крестьян от владельцев денег приобретает неизбежно форму кабалы»<sup>33</sup>. Лахури Читгар — представитель самаркандских ремесленников, попавших в долговую кабалу.

У скупщика-кредитора и крупного феодала мастер брал шерсть, ткани; зерно он мог занимать также у феодала. Фактический материал из документов свидетельствует, что ремесленники довольно часто прибегали к получению денежной ссуды под проценты. Шариат запрещал взимать их, поэтому деньги предоставлялись под залог собственности. Причитающийся процент исчислялся в виде суммы, взимавшейся якобы за хранение кредитором какой-либо вещи — собственности должника. Документальные материалы подтверждают мнение, что ростовщический процент «в XVI в. был очень велик»<sup>34</sup>.

В договоре, составлявшемся при получении денег или товара, обычно указывалась сумма или подробный перечень товаров и срок возвращения долга. Юридическое соглашение подтверждалось свидетелями, имена которых перечислялись в конце акта. Текст документа скреплялся печатью казия. Практиковалась система поручительства за должника.

<sup>31</sup> Маджму' а-йи васаик, л. 182а, 182б.

<sup>32</sup> Маджму' а-йи васаик, л. 189а.

<sup>33</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 383.

<sup>34</sup> Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 44.

Исключительно большой интерес представляет содержание юридических документов, составленных при оформлении кредита, предоставленного не одному, а группе ремесленников. Один из них рассматривался в камере самаркандского казия в 1590 г. Семь человек ремесленников, надо полагать, принадлежащих к одной корпорации: Мир Пир Мухаммед, сын господина Мир Мухаммеда, Устод Джалма, сын Мухаммед Юсуфа, Устод Баки, сын Устода Дуста, Устод Малик, сын Устода Бабы, Устод Турсун, сын Устода Дуста, Устод Худай Берди, сын Устода Фазыла, Устод Юсуф Али, сын Султана Али,— согласно договору, являлись должниками Муллы Баки, сына Яр Мухаммеда. Все семеро должны были вернуть долг (с процентами) в сумме 100 ханских танга. Эта сумма, как указывается в решении, была нужна мастерам для расходования «на свои нужды» (حوایج خود)<sup>35</sup>. Все должники были ремесленниками — «устод».

По другому документу от того же года группа людей, шесть из которых, безусловно, были ремесленниками, а именно: Ходжа Мир Мулла, сын Мир Амида, Ходжа Худай Берди, сын Дервиша Али, Мулла Турсун, сын Муллы Ходжи, Мулла Зияуддин, сын Муллы Абдуллы (?), Устод Хусейн, сын Шаххусейна, Ходжа Дуст, сын Устода Мухаммеда, Мирза, сын Устода Хусейна, Устод Ходжи, сын Устода Тути, Устод Кичик, сын Муллы Курбана, Устод Дуст Тиргарани, Кичик, сын Джани, Алла-Кули, сын Ходжим Берди,— признавали себя должниками Кулбаба Кукельташа. Кредитором в данном случае выступает один из крупнейших феодалов-сановников времени Абдулла-хана II, «эмир эмиров» его окружения. В документе уточняется, что сумма, взятая в долг, в размере 3333 ханских танга, является стоимостью 5 тыс. манн пшеницы (گندم خشک آبی تیر ماهی آب یافته) и подлежит возврату по истечении двух лет. Обе указанные группы возглавляются лицами, титулуемыми сайадатмаб (صیاد تهاب).

Третий юридический документ о коллективном получении денежной суммы относится также к 1590 г. В списке должников числятся четыре человека, каждый из которых называется «муллой». Они обязаны были вернуть кредитору через пять месяцев денежную сумму в 133 ханских танга. Здесь перед нами объединение ремесленников, вероятнее всего, цеховое. То обстоятельство, что к именам добавлено слово «устод» без уточнения профессии можно объяснить принадлежностью их к одной или близкой специальностям. Не ясно, была ли ссуда связана с интересами всей корпорации или же взаимопомощью отдельному члену — чертой, присущей цеховым организациям.

<sup>35</sup> Маджму' а-йи васаик, л. 1856.

Группы несли коллективную ответственность ( *كفيل بالمال* ) за своевременную плату долга<sup>36</sup>. Система поручительства и круговая порука, применявшаяся при получении ссуды у кредитора мелкими производителями, между прочим, позволяет заключить, что ремесленник не мог по своему желанию покинуть место жительства, не мог свободно передвигаться по стране, по крайней мере в тот период, когда был должником.

Ремесленники, вынужденные прибегать к «помощи» представителей эксплуататорского класса, попадали в тяжкие условия. В годы войны и грабительских набегов, когда рядовые жители «превращались в нищих»<sup>37</sup> и нарушалась торгово-ремесленная деятельность мелких производителей, их положение ухудшалось еще больше.

В источниках нередки указания о насильственном переселении ремесленников захваченных областей. Особенно широкие формы эти действия приняли при Мухаммеде Шейбани, его племяннике Убайдулле и Абдулла-хане II.

Имена высококвалифицированных мастеров обычно были широко известны и захват города противником грозил подобным лицам насильным уводом в другую страну. Так, например, в завоеванном Абдуллаханом Герате особенно выделялись пять мастеров. Четверо из них спаслись бегством, пятый — Яр Мухаммед-хан был отослан узбекским ханом в дар Ходже Са'ду. Ему же были отправлены четыре раба-резчика по камню, доставленные из Индии.

Классовая дифференциация среди ремесленников в конце столетия прослеживается на материалах серии самаркандских юридических документов 1588—1591 гг. На основании же анализа отдельных данных других источников можно говорить об имущественной дифференциации среди ремесленников на протяжении всего XVI в. Причем, этот процесс был двояким: появлялись не только мастера, нуждающиеся в сырье и ссуде под залог будущего изделия, но и мастера-ремесленники, перешедшие в разряд зажиточных горожан.

Захириддин Бабур, говоря о разных социальных слоях населения, отличает факиров от группы лиц, определяемых словом мискин. В отличие от последних, не обладавших никаким имуществом и не имевших возможности заняться ремеслом, факиры могли стать ремесленниками, однако деньги, которые они зарабатывали, не покрывали их дневных расходов<sup>38</sup>.

Алишер Навои, который сочувственно относился к жизни трудово-

<sup>36</sup> Там же, л. 185б., 186а.

<sup>37</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-наме, стр. 66—67.

<sup>38</sup> Мубайин, ркп. ИВ АН СССР, № 1—104, л. 60; С. А. Азимжанова. К истории Ферганы второй половины XV в., стр. 92.

го населения, но все же оставался представителем своего класса, считал, что ремесленники ( *صنعت ساز* ) при большой усердии, трудясь с раннего утра до заката солнца, могут разбогатеть.

Коль он старателен, богатым станет он,  
Нет — что поделаешь! Тогда он разорен<sup>39</sup>.

Между тем, изнурительный труд далеко не всегда обеспечивал прожиточный минимум, поскольку сборы с ремесла и торговли (в том числе и арендная плата за мастерскую), как и производственная деятельность мелких производителей, во многих случаях зависели от перекупщика сырья и купца, скупавшего готовый товар.

Особое положение среди мелких производителей занимали старшины ремесленных корпораций. В источниках для обозначения лиц, возглавлявших ремесленников, использованы разные термины: мехтер, сахиб, калантар (последний в значении «самый старший»). Однако терминология эта нуждается в дальнейшем исследовании. В сборнике «Мактубат ва аснад» помещено значительное число указов, предназначенных для выдачи главам ремесленников: главе ткачей, портных, зодчих, тех, кто имел дело с созданием и украшением рукописной книги, главе музыкантов и т. д. Одно и то же лицо могло быть и мехтером, возглавлявшим ремесленную корпорацию, и калантаром, которому подчинялись организации местных и областных ремесленников, каким, например, был старшина, возглавлявший портных всей области Шахрухия — Хусейн Портной<sup>40</sup>.

Согласно указам, составленным по случаю назначения или признания старшины ремесленной корпорации, все мастера, входившие в данную организацию, должны были беспрекословно подчиняться ее главе.

Фактические ставленники феодальных властей, старшины ремесленных корпораций могли выступать в роли надзирателей. Таковым был глава ткачей Камалиддин Зикрия, который в указе, составленном на его имя, титулуется и калантаром и пазиром ( *ناظر* )<sup>41</sup>. Его обязанности были самыми разнообразными. Он регулировал рыночные цены на отрезы и дорожные ткани ( *رخوت و اقمشه و اجناس* ) причем не только на местные, но и привозные<sup>42</sup>, взвешивал привезенный

<sup>39</sup> Алишер Навоий. Махбуб ал-кулуб, текст, стр. 44; Он же. Возлюбленный сердце, Соч., т. X, Ташкент, 1970, стр. 33.

<sup>40</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакан', т. I, стр. 697; Мактубат ва аснад, л. 79а, 116б, 117а, 169б, 170а, 175а, 175б.

<sup>41</sup> Мактубат ва аснад, л. 116б.

<sup>42</sup> Последнее было отмечено А. М. Беленицким. (Организация ремесла в Самарканде..., стр. 46).

(از اطراف و جوانب) шелк, взимая за это соответствующий весовой сбор, который должен был поступать в пользу назира, собирал налоги с ремесленников, занятых изготовлением и реализацией шелка, отрезов на одежду, дорогих тканей. Эти сборы выражены в указе в двух наименованиях: таваджихат и ихраджат.

Перед нами — пример использования феодальными властями в фискальных целях ремесленной организации как ячейки в рамках городской и областной администрации. Здесь ярко проявляется роль старшины ремесленной корпорации как ставленника феодального государства и проводника его политики. Через него феодальные власти контролировали торгово-ремесленную деятельность мелких производителей, держали в своих руках местный рынок. Государственные чиновники должны были относиться к нему как к ставленнику верховного правителя.

Осуществление контроля за людьми, пришедшими в город для продажи ремесленной продукции, регистрация, как налогоплательщиков, мелких производителей и торговцев отражены в том же указе.

Можно полагать, что сборы с шелка, привезенного в город из области, взимались натурой. Отсутствие материалов не позволяет установить, как использовал надзиратель собранный в результате натуральных сборов шелк: реализовывал ли его на местном рынке, отправлял ли в другое место, или доставлял в казенную мастерскую?

Из нишана известно также, что в ведении старшины находились не только ткачи, но и базазы — торговцы тканями, по всей вероятности, шелковыми<sup>43</sup>. На этом основании можно полагать, что существовала своего рода торгово-ремесленная организация, территориально охватывающая целую область и контролируемая представителем феодальных властей.

Регулирование рыночных цен на предметы также находилось в ведении старшины ткачей, поэтому можно утверждать, что представители феодальной администрации могли принудить мелких производителей продать изделия казне по низким ценам.

Общий контроль за рынком возлагался феодальными властями на мухтасиба, который кроме других обязанностей должен был следить за ценами и наблюдать за точностью гирь и весов<sup>44</sup>.

Потребности двора, высшего чиновничества и духовенства обслуживались казенными мастерскими. Конкретные сведения об этом относятся, например, к мастерам, которые были заняты изготовлением пала-

<sup>43</sup> По мнению А. Расулева до Октябрьской революции базазы в Ташкенте занимались торговлей шелковыми и полшелковыми тканями. Е. М. Пещерева считает, что базазы занимались разъездной торговлей по базарному циклу.

<sup>44</sup> Мактубат ва аенад, л. 33а.

ток для хана во время его выездов на охоту и для надобностей армии<sup>45</sup>. Указы, относящиеся к казенным мастерским, показывают, что деятельность последних ограничивалась потребностями двора государя, его приближенных и личной гвардии, т. е. очень узкого круга представителей господствующего класса, что значительно тормозило развитие тех ремесел, которые были связаны с их обслуживанием.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о цеховых организациях в среднеазиатских городах в XVI в. очень скудны. Данные, которыми мы располагаем, позволяют все же считать, что цехи, объединявшие отдельные ведущие отрасли производства, играли, как и в Западной Европе, важную роль в деятельности среднеазиатских ремесленников.

Цеховые установления ограничивали сферу действия отдельного цеха и каждого ремесленника определенными нормами. Нарушение этого порядка, попытка мелкого производителя перешагнуть через установленные границы вызвали протест как со стороны ремесленника смежной специальности, так и со стороны ремесленной корпорации. Ограничения могли поставить мастера в зависимое положение от специалиста другой профессии (например, медник обязан был передать изготовленную им посуду на отделку другому специалисту, даже если он мог выполнять это сам), что в той обстановке тормозило развитие ремесла. Убедительный пример подобного явления имеется у Васифи. Мастер-медник самаркандец Устод Хусейн Мисгар вступил в конкуренцию с мастером, обтачивающим металл, Устодом Камалом. По словам Васифи, «подобного ему ремесленника на престоле ремесла (برگرس هنرمندی) не сидело». Устод Камал отделывал изделия методом «чархкори», после чего они поступали в продажу. Устод Хусейн Мисгар, сознательно нарушая порядок, сам выполнял операции и по отделке. Он «вступил на путь соперничества и противодействия ему (Устод Камалу — Р. М.) и постоянно выставляет свои недоделанные работы и (тем самым) портит и свое дело и торговлю искусных мастеров»<sup>46</sup> (ادار هنرمندان).

Конкуренция между мастерами — одна из характерных черт феодального ремесла. «Мелкий товаропроизводитель, — писал В. И. Ленин, — ...употребляет всяческие усилия, как единоличные, так и коллективные, чтобы задержать конкуренцию, чтобы «не пустить» соперников в свой район, чтобы укрепить свое обеспеченное положение мелкого хозяйчика, имеющего определенный круг покупателей»<sup>47</sup>.

<sup>45</sup> Там же, л. 72а.

<sup>46</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ад-вакан', т. I, стр. 108. Переведено и опубликовано А. Н. Болдыревым («Мемуары Зайн ад-дина Васифи», стр. 228—230).

<sup>47</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 332—333.

Для обозначения корпоративных объединений, организованных соответственно феодальному способу производства, в наших источниках использованы термины *касаба*, *аснаф*, *джама'ат*. В последнем случае заметны некоторые черты, сближающие цех с общиной, что было характерно для стран, где цехи были организованы по образцу общин. Однако здесь, как и в ряде других случаев, следует отметить необходимость более глубокого исследования терминологии, использовавшейся для обозначения ремесленных организаций, производства и самих ремесленников.

Корпорация могла объединять ремесленников нескольких смежных специальностей. По указу, выданному старшине мастеров-строителей, ремесленная организация строителей объединяла штукатуров (*گلکاران*), столяров (*تجاران*), мастеров облицовочных плиток (*کاشی تراشان*), обжигателей алебаstra (*گچ یزان*) и тех, кто делает кирпичи (*خشت مالان*)<sup>48</sup>. Здесь, как можно установить по носителям перечисленных профессий, имелось в виду объединение строителей, имевших дело с глиной (изготовителей кирпича, облицовщиков зданий и т. п.).

Согласно другому указу из того же сборника, столяры входили в корпорацию, которая также определяется термином *джама'ат*. Корпорация называется «объединением зодчих, столяров и мастеров, имевших дело с тишой» (*جماعت معمار و نجار و اهل تیشه*). Сюда же причислялись токари по дереву (*خراط*) и гребенщики (*شانه تراش*). Объединение «всех тех, кто работает тишой»<sup>49</sup>, позволяет полагать, что в данном случае речь идет о своего рода строительной артели, имевшей дело с обработкой дерева.

Объединения строителей в силу характера своей профессии не имели постоянного места работы. Эта специфичность нашла отражение в нишане, выданном главе мастеров, имевших дело с глиной -- Устоду Гуляму Али. Последнему должны были подчиняться все перечисленные специалисты-строители, «где бы они не находились»<sup>50</sup>. Малейшее непослушание могло вызвать тяжелейшие наказания, примером тому свидетельство Мухаммеда Юсуфа Мунши, который вспоминает о замуровании в стены строителей, работавших не очень расторопно.

В *джама'ат* (*جماعت*) объединялись и специалисты, работавшие над созданием рукописной книги. Известный далеко за пределами Средней Азии и Ирана Камалиддин Бехзад был назначен старши-

<sup>48</sup> Мактубат ва аснад, л. 79а.

<sup>49</sup> Там же, л. 175а.

<sup>50</sup> Там же.

ной всех, кто имел отношение к написанию и оформлению книги: писцов, художников, золотильщиков, тех, кто линовал страницы будущей книги, мастеров, наводящих золото<sup>51</sup>.

Городским старшинам ремесленных корпораций подчинялись не только мастера данной отрасли ремесла в городе, но и все другие ремесленники и областные организации. Указ, выданный Хусейну Портному, гласил, что последний получал должность главы ремесленников, занятых портняжным делом в городе и в области Шахрухия, причем Хусейн Портной не был исключением, до него пост главы портных города и вилаета Шахрухия занимал Али Портной. Здесь глава корпорации объединял ремесленников всей области Шахрухия. Ему должны были подчиняться портные всего вилаета, которые в свою очередь возглавлялись местными старшинами (کلانتر خیاطان ولایت شاهرخیه)<sup>52</sup>.

Общую роль ремесленников в развитии культурной жизни города прекрасно осветил в своих специальных исследованиях А. Н. Болдырев. Ремесленники, торговцы и мелкие собственники «поставляли деятелей культурной жизни и потребляли культурные ценности»<sup>53</sup>.

К сожалению, у нас нет фактического материала, позволяющего установить размер дневного заработка ремесленника, и данных для сравнения его с рыночными ценами. Алишер Навои и Султан Али Мешхеди говорят о том, что ремесленник работал от восхода до заката, не покладая рук и «не поднимая головы». Для более позднего времени в уставе-обряднике «Рисала- и бафандачилик» имеется указание, что если мастер заработает в день три танга, то он должен выделить из этой суммы долю в пользу пиров, духовных лиц и фукара<sup>54</sup>.

Те, кто обслуживал двор хана и удельных властителей, могли иметь постоянный заработок. Также обстоит дело с поварами, водоносными, подметальщиками и т. д. Плата за обслуживание вакфных учреждений в деньгах и зерном производилась согласно условию учредителя данного вакфа, внесенному в вакфную грамоту.

Следует остановиться еще на одном вопросе: какое место занимало в жизни городского ремесленника сельское хозяйство?<sup>55</sup> Анализ источников показывает, что на территории Бухары и Самарканда в XVI в. пахотных земель было мало. Небольшие участки занимали и насаждения деревьев, и во время продолжительных осад, как отмечают источники, жители Самарканда не могли питаться плодами, так как сады были за городом. Отдельные городские ремесленники могли иметь

<sup>51</sup> Мактубат ва аснад, л. 169а—170б.

<sup>52</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадан' ал-вакан', т. 1, стр. 697.

<sup>53</sup> А. Н. Болдырев. Очерки из жизни гератского общества., стр. 404.

<sup>54</sup> Рисала-и бафандачилик, л. 46а-47б.

<sup>55</sup> В целом этот вопрос является предметом специального исследования.

земли в пригородах, где в определенный период года занимались сельским хозяйством, что еще раз подтверждает мысль В. И. Ленина о невозможности при господстве ручной техники «совершенно оторвать промышленника от земледелия»<sup>56</sup>. Однако сложность производственного процесса при ручном изготовлении многих видов изделий, расположение мастерских главным образом в черте города — косвенное свидетельство того, что в рассматриваемый период сельское хозяйство играло лишь подсобную роль в производственной деятельности основной части ремесленников. В то же время, определенный интерес представляет нишан о передаче мастеров-оружейников (тиргаран, камангаран, шамширгаран и тузпушан) в дарбаст даруге Низамиддину Шейхиму Курчи. Можно предположить, что в этом указе речь идет о мастерах-оружейниках крупного города и что посевы находились в районах, примыкающих к городу. Однако нишан не датирован, не указана также местность, к которой он относится, и делать выводы на основании единичного примера затруднительно.

Некоторые сведения имеются в источниках и относительно этнического состава ремесленников. Как и во все предыдущие века, основное население среднеазиатского города состояло из предков современных узбеков и таджиков. Выражение «тюрк ва таджик» характерно для многих авторов сочинений XVI в. Им же адресованы многие указы, изданные от имени феодальных правителей. В начале XVI в. на территорию Средней Азии пришли племена из Дешт-и Кипчака. В результате несколько увеличилось тюркоязычное население страны (общее число прибывших людей было сравнительно небольшое), как в сельских местностях, так и в городах<sup>57</sup>. В конце XV—XVI в. появилось довольно значительное число сочинений и документов на узбекском языке.

Среди ремесленников Бухары и Самарканда нередко упоминаются выходцы из других городов и стран и особенно часто хорезмийцы, термезцы, индусы, арабы, хорасанцы, ширазцы, кашгарцы. Особый квартал, Куй-и тарсайан, занимали в Самарканде христиане<sup>58</sup>. В городе упоминается также квартал, заселенный евреями, а в Бухаре — индусами.

В заключение можно отметить следующее. Ремесленники состояли из разных групп: богатых и бедных, тех, кто имел свои лавки-мастерские, и тех, кто арендовал их; одни мастера имели в частном владении и мастерскую, и участок земли под ней, другие — только строения, и т. д. Отдельные ремесленники (на примере бумагоделов) являлись лишь руководителями, не принимая участия в производстве, другие,

<sup>56</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 385.

<sup>57</sup> Р. Г. Мукминова. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. Изв. АН УзССР, № 1, 1954; История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1967, стр. 502.

<sup>58</sup> Маджму' а-йн васаян, л. 706.

хотя и продолжали оставаться носителями профессионального звания, уже выступали в роли кредиторов (например, Мулла Яр Мухаммед Саббаг). Следовательно, ремесленники не были единым в социально-экономическом отношении слоем населения, подразделяясь на отдельные группы, положение которых было далеко не одинаково. Материалы наших источников убедительно показывают имущественную дифференциацию среди ремесленного сословия.

Основная масса ремесленников находилась в постоянной зависимости от местных властей, феодальной знати, крупных купцов, скупщиков-ростовщиков и зажиточных горожан. В руках этой группы населения были сосредоточены производственные помещения, необходимый материал и определенные денежные средства. Не принимая участия в производственной деятельности они выступали в роли организаторов производства и диктовали свои условия при сдаче в аренду лавок-мастерских. В целом же государством управляла феодальная знать во главе с верховным правителем-феодалом, что не давало возможности развиваться городскому праву и городским учреждениям.

Феодальные власти руководили повседневной деятельностью ремесленника через старшину ремесленной организации и специально назначенных чиновников. В сферу надзора старшины попадали не только городские ремесленники, но и областные.

Часть мелких производителей находилась в зависимости от скупщиков-ростовщиков. Разорение их происходило при активной деятельности последних.

Одно и то же лицо могло предоставлять ремесленникам в кредит деньги и сырье. Скупщик, торговец и ростовщик могли быть одним человеком. Все это вело к тому, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»<sup>59</sup>.

Возможность накопления денежных средств ремесленником была очень незначительная, и если даже «он (был) старателен» (Навои), он не мог разбогатеть за счет своего труда.

Контроль за реализацией ремесленных изделий, установление определенных цен на них феодальными властями, ограничения производственной деятельности ремесленника и общая организационная роль феодалов в ремесле сковывали действия мелкого производителя.

Как показывают немногочисленные, но убедительные примеры, феодал и крупные купцы вмешивались не только в производственные отношения, но и в семейную жизнь мелкого производителя.

В XVI в. городское ремесло Средней Азии в целом сохраняло феодальный характер, оно было неотъемлемой частью феодального хозяй-

<sup>59</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 146.



Предметы конского убранства и сабли феодальной знати.  
Музей истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека.

ства. В городе происходил тот же процесс, что и в сельских местностях<sup>60</sup>. Однако в отдельных отраслях городского производства в рассматриваемый период намечаются первые предвестники организаций мануфактурного типа. Изучение материалов из источников позволяет говорить о существовании в Средней Азии XVI в. простейших форм рассеянной и централизованной мануфактуры в области ткачества и производства бумаги, где в качестве непосредственного производителя выступали мелкие товаропроизводители, эксплуатируемые богатыми купцами и феодальной знатью.

В наиболее ведущих отраслях использовался детский труд ученика, связанного с мастером письменным договором. Ученичество получило юридическое оформление.

Писанных цеховых уставов для Средней Азии XVI в. мы не знаем. Вполне возможно, что традиционные нормы, которых придерживались ремесленники каждой отрасли, были настолько хорошо известны, что не нуждались в фиксации. Косвенным свидетельством знания горожанами цеховых норм и прав являются отдельные указания в нишанах, предназначавшихся старшинам цехов. В них говорится о необходимости придерживаться «установленных норм», поступать «соответственно обычаям»<sup>61</sup>. В этом проявлялась одна из характерных черт мелкого производства, которое, говоря словами В. И. Ленина, было «...экономическим базисом...» «...всех старых, укоренившихся отношений»<sup>62</sup>.

---

<sup>60</sup> Е. А. Давидович. Материалы для характеристики., стр. 41.

<sup>61</sup> См., например, Махтубат ва аснад, л. 175а.

<sup>62</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 232.

### Глава III

#### РЕМЕСЛЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ. СБЫТ ПРОДУКЦИИ ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА

Основным местом работы ремесленника в среднеазиатском городе была индивидуальная мастерская, которая как и лавка, где производилась реализация ремесленной продукции, определялась термином *дукан*<sup>1</sup>. В дукане одновременно могло изготовляться и продаваться изделие, поскольку производство многих городских ремесленников было объединено с торговлей. Дукаан мог являться также только местом производства изделия или только местом его реализации.

В основном он представлял глинобитную постройку, редко — из жженого кирпича, иногда с верхним этажом — *бала-ханой*, что обычно отмечалось в акте при описании места расположения и границ строения.

Дуканы, как правило, не представляли собой ценности как строения. Ценилось главным образом их месторасположение. *Лавка* и *мастерская*, находившиеся на бойком месте, приносили гораздо больше дохода, нежели такой же дукаан на менее оживленном участке.

В отдельных юридических документах имеются указания о размерах дукаана. Согласно этим данным, площадь одного из бакалейных дукаанов равнялась 40 газам газ-и мукассаром, два других дукаана — кузнечный и красильный — определяются как равные 81 газу газ-и мукассаром<sup>2</sup>.

Некоторую помощь для выявления размеров дукаана могут оказать косвенные данные нескольких юридических документов конца XVI в., где наряду с точным описанием границ и месторасположения дукаана называется число досок, которые входили в пазы брусьев ( *كشكته دان* ) и с помощью которых закрывалась на ночь передняя открытая сторона дукаана. При продаже вместе с дукааном к новому владельцу переходили

<sup>1</sup> П. П. Иванов. *Хозяйство джуйбарских шейхов...*, стр. 63.

<sup>2</sup> Р. Г. Мукминова. *К истории аграрных отношений...*, стр. 29, *О газ-и мукассар* см. выше.

также доски, почему в документах называется число досок, а также указывается материал, из которого они были сделаны — тополь сорта сафидар (تخته سفیداری). Таких досок с тахтаданом в наших источниках у овощного дукана — 14, бакалейного — 10, фуражного — 16, дукана баззаза — 8<sup>3</sup>. Естественно предположить, что число этих досок, ширина которых вряд ли превышала 15—20 см, соответствовало размеру фасада дукана.

Приблизительный размер потолка дукана могут отражать сведения о числе потолочных балок (بالار) и перекладин из дощечек или горбыльков (وصه), имеющиеся в нескольких документах конца XVI в. Из них выясняется, что дукан баззаза на базаре Баззазан в Самарканде состоял из четырех «базарных» потолочных балок (بالار چهار پوشش بازار)<sup>4</sup>. Число потолочных балок в дукаанах в отличие от жилых домов было четным. Эта разница в потолочных балках отражается в определении их особым названием «базарный». К сожалению, приведенные материалы пока не дают возможности для определения точных размеров дуканов, все же они могут быть полезными при дальнейших исследованиях. В целом, по аналогии с данными более позднего времени можно полагать, что в изучаемый период лавки-мастерские были небольших размеров и имели в основном простое оборудование.

В связи с переходом строения к новому владельцу в нескольких документах, оформлявших акт купли-продажи, приводится перечень инвентаря лавки-мастерской. Определенный интерес представляют сведения об инвентаре мастерской, перечисленном выше, где производилось волочение проволоки — сим (دکان سیم کشی)<sup>5</sup>.

Дуканы-мастерские, упоминающиеся при описании тех или иных событий в Бухаре и Самарканде, обычно располагались отдельно от жилого помещения мастера. В то же время под мастерские могли занимать и часть жилого дома или помещение рядом с ним. В теплое время года мастер мог использовать для производства и двор. Примером мастерских при доме могут служить дома алачабаффов, нередко упоминающиеся на территории Бухары<sup>6</sup>. Рядом с домом (возможно не всегда) находилось и производственное место мастера-гончара.

Для обозначения мастерских кроме термина дукан применялся термин кархана (کارخانه). Проанализированный материал источников свидетельствует о различии заведений, определяемых этими терминами.

<sup>3</sup> Маджму' а-йи васанк, лл. 23а, 25а, 129а.

<sup>4</sup> Там же, л. 129а.

<sup>5</sup> Там же, л. 256, 139а; См. также Вакф-наме, стр. 234.

<sup>6</sup> Из архива шейхов Джуйбари, Док. № 52, 57 и др.

Содержание термина кархана, как и характер мастерских-кархана и их место в ремесленном производстве в странах Востока более раннего времени (периода монгольского господства), нашло отражение в работах исследователей. Согласно их мнению, в тот период особые большие мастерские — кархана принадлежали государству, монгольским ханам и их близким. Здесь работали в основном пленные ремесленники, привезенные из разных городов и стран и находившиеся на положении рабов<sup>7</sup>.

А. Ю. Якубовский, основываясь на свидетельстве Клавихо, сообщает о существовании в Самарканде конца XIV — начала XV в. мастерских, где около тысячи пленных ремесленников круглый год работали, изготавливая латы, луки и стрелы. Эта мастерская отождествляется им с большой эмирской и султанской мастерской — кархана монгольской эпохи<sup>8</sup>.

Тексты рассмотренных нами письменных источников XVI в. говорят о мастерских-кархана совершенно иного типа. Они принадлежали как представителям ханского рода, так и частным лицам, а также вакфным учреждениям.

В вакфном документе в пользу двух медресе Шейбани-хана термином кархана обозначена мастерская по выделке писчей бумаги. До передачи в вакф она принадлежала представительнице правящей династии — Михр-Султан-ханум, а позже, согласно ее распоряжению, включена в обширный список вакфных имуществ, в том числе ремесленных мастерских и лавок, определяемых термином дуکان.

По «Вакф-наме» невестка узбекского хана Шейбани Михр-Султан-ханум жертвовала в пользу самаркандских медресе две действующие бумажные толчен (جواز کاغذ), которые находились на реке Снаб у моста Эмир-зоде Абдуллы Самаркандской округи, близ обсерватории Улугбека. Они включали железное, деревянное и каменное обо-

<sup>7</sup> В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 578, прим. 1; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 146; А. М. Белеицкий. Организация ремесла в Самарканде, стр. 44—45; Он же. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху, СВ, т. V, 1948, стр. 123; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в., стр. 77; Он же. Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина, ВИ, 1951, № 4, стр. 101—102; Он же. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960, стр. 2—3; А. А. Али—Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, стр. 167—168; Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 468; Р. К. Кикнадзе. Из истории ремесленного производства (кархана) в Иране XIII—XIV вв., Сб. «Ближний и Средний Восток», М., 1962, стр. 54; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Белеицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., стр. 198, 204 и др.

<sup>8</sup> История Узбекской ССР, т. I, стр. 453.

рудование, а также мастерскую (кархана) по выделке бумаги (سرکار سنگین) с двумя лощильными станками (کارخانه کاغذ برداری).

Эта мастерская до передачи в вакф напоминала те кархана, которые принадлежали в монгольское время членам дома Чингизидов. Но принципиальное отличие было в том, что здесь не применялся труд рабов, а доход мастерской извлекался путем сдачи в аренду. Вакфное учреждение, как видно из «Вакф-наме», использовало доходные предприятия, в том числе и торгово-ремесленные заведения, предоставляя их в аренду-иджора, мукота'а или музора'а лицам, главным образом, из феодальных кругов<sup>10</sup>. При этом составлялся договор, срок которого мог быть от одного месяца до трех лет<sup>11</sup>. Последнее условие усугубляло положение ремесленника (или крестьянина, если речь шла об аренде земли) тем, что арендатор, ограниченный сроком, беспощадно выжимал из мелких производителей, в подобных случаях выступавших субарендаторами, все, что мог, не беспокоясь о их дальнейшей платежеспособности. Ограничение срока аренды торгово-ремесленных заведений осложняло положение ремесленника и тем, что по истечении срока феодал мог сдать лавку (или иное заведение) в аренду другому лицу.

Таким образом, перед нами иная форма эксплуатации мастерской-кархана — сдача в аренду.

В той же вакфной грамоте термином кархана обозначены бумагоделательные мастерские, принадлежавшие лицу не ханского происхождения. По документу одна из них принадлежала Ходже Мухаммеду Мешхеда, сыну Ходжи Худайдада, другая — Султану Мухаммеду Кагазгару, судя по имени, мастеру-бумагоделу<sup>12</sup>, а это дает основание говорить, что в данном случае владелец мастерской сам принимал участие в работе, т. е. здесь, по выражению К. Маркса, «собственник сам работает». Все три мастерские-кархана по выделке бумаги, указанные в вакфной грамоте, находились в окрестностях Самарканда на каналах, выведенных из Снаба.

Еще одна мастерская-кархана упоминается в акте о разделе имущества, оставшегося после смерти жителя местности Чуйанчи тумана Согди Калан Самаркандской округи. В данном случае речь идет о мастерской чугунолитейщика. В этот акт включен список движимой и недвижимой собственности, принадлежавшей покойному Мулле Наурузу, сыну Муллы Паянда, с определением цен в «танга ханских, серебряных, без изъяна, чистых, чеканенных, одномискальных, новых». В список наследственного имущества включены (порядок перечисления соответ-

<sup>9</sup> Вакф-наме, текст, стр. 135, перевод, стр. 244.

<sup>10</sup> Там же, стр. 197, перевод, стр. 292—293.

<sup>11</sup> Там же, текст, стр. 197, перевод, стр. 292—293.

<sup>12</sup> Там же, текст, стр. 135, перевод, стр. 244.

ствуует документу): половина совместного (нераздельного) сукнийата сада, включающего плодовые и неплодовые деревья и виноградники разных сортов, общей стоимостью в 60 танга; 15 маннов поливной (осенней) пшеницы большим ширазским весом, стоимостью в 10 танга<sup>13</sup>, бык, оцененный в 15 танга; 15 танга — стоимость одной части из двенадцати частей совместной действующей мельницы с одним жерновом; четыре манна чугуна большим ширазским весом, стоимостью в 16 танга; жеребенок, цена которого в описи определена в 16 танга, а далее в 15; половина совместного сукнийата хаули (дома с двором и постройками) и мастерской-кархана чугунолитейщика, общей стоимостью в 30 танга. Стоимость всего перечисленного составляет 161 ханских танга (если жеребенок оценивался в 15 танга).

Имущество должно было быть разделено между наследниками Муллы Науруза, как указано в васика, — его женой Тулак Султац, малолетней дочерью Салиха-бика, а также родным братом Мирзой, на восемь частей. Жене причиталась одна часть, дочери четыре и три брату. Фактически же жена получила лишь четыре манна чугуна стоимостью в 16 танга, вместо причитающейся ей одной восьмой части, составляющей более 20 танга. Бык и жеребенок достались брату. Основная часть имущества, в том числе половина сада и половина двора с постройками и чугунолитейной мастерской, одна из двенадцати нераздельных частей мельницы, а также пшеница — все вместе общей стоимостью в 116 танга, были оставлены малолетней дочери покойного.

В конце акта о разделе наследственного имущества оговаривается, что 21 июня 1590 г. заместитель главного казия и хакима Самарканда и его окрестностей для ведения дел малолетней Салиха-бика и охраны причитающегося ей имущества назначил опекуна в лице ее дяди, упомянутого брата покойного, который отныне должен был распоряжаться ее имуществом и в том числе чугунолитейной мастерской.

Отсутствие соответствующих эпитетов при написании имени Муллы Науруза позволяет считать, что он не принадлежал к ханскому роду. Следовательно, можно утверждать, что кархана чугунолитейщика принадлежала лицу не ханского происхождения и в нем, во всяком случае в части, принадлежавшей Мулле Наурузу, не использовался рабский труд.

Мулла Науруз, как видно из приведенного перечня имущества, зажиточный человек, который кроме мастерской по литью чугуна владел другими видами имущества, и, вероятнее всего, в своей мастерской прибегал к помощи дополнительных рабочих рук. Были ли это только руки брата покойного хозяина, к которому по акту раздела переходили

---

<sup>13</sup> Шираз — городок, располагавшийся к востоку от Самарканда. Размер ширазского манна не выяснен, однако речь может идти и о манне г. Ширази в Иране.

три из восьми частей имущества покойного? Не имея конкретных данных, мы можем только предполагать, что хозяин мастерской в период отливки чугуна использовал дополнительную рабочую силу<sup>14</sup>.

В рассмотренной выше толчее, находившейся при мастерской-кархана, занимались изготовлением массы для бумаги, а также выполнением других процессов, которые требовали значительных физических усилий. Анализ материалов позволяет считать, что при выделке бумаги прибегали к помощи дополнительных рабочих рук.

Описание сложного и трудоемкого процесса получения из тряпья бумаги имеется у Г. В. Григорьева. Автор еще застал в Средней Азии старые бумажные мастерские и толчеи, где работник, имевший дело с изготовлением массы из тряпья, работал и ногами. Он влезал в хум, в который клали заготовленную массу и наливали воду, и ногой разбивал ее, причем должен был ударять ногой до пяти тысяч раз<sup>15</sup>.

Подобный процесс, надо думать, выполнялся в рассмотренных выше мастерских не самим мастером-бумагоделом. Более вероятно, что к этой работе привлекались ученики и поденная рабочая сила, не требующая особой квалификации.

Как указывалось выше, внутри мастерской (кархана) по выделке бумаги имелись два лощильных станка, на которых, надо полагать, работали два мастера, занятые лощением бумаги, изготовленной здесь же мастером-кагазгаром. Все это дает основание говорить, что изготовлением бумаги должны были быть заняты одновременно несколько лиц, выполнявших разные операции.

Таким образом, наши материалы позволяют отметить, что в рассматриваемые периоды (первая четверть и конец XVI в.) кархана могла принадлежать как представителю ханского рода, так и зажиточному лицу не ханского происхождения, а также мастеру, принимавшему активное участие в производственном процессе. Она могла быть передана в вакф, а также входить в имущество, подлежащее передаче по наследству. Мастерская, причисленная к вакфу указанных медресе, эксплуатировалась путем сдачи ее в аренду непосредственно ремесленнику или через посредника-феодала. В отличие от кархана более раннего времени (XIII—начала XV вв.) производство здесь не было основано на рабском труде. В рассмотренных чугунолитейной и бумагоделательной мастерских-кархана производство было основано на труде ремесленников, эксплуатируемых как и в других случаях, феодалами. При этом в производственном процессе одновременно могли участ-

<sup>14</sup> Различная организация труда при литье чугуна в конце XIX—начале XX в. зафиксирована в исследованиях: Е. М. Пещерова. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX в. Международный конгресс востоковедов, стр. 75—76. О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара., стр. 34—35.

<sup>15</sup> Г. В. Григорьев. Кустарное производство бумаги в Узбекистане, стр. 151.

зовать мастера разных специальностей, в бумагоделательной мастерской, например, — те, кто работал на двух бумажных толчеях — джуваз-и кагаз, и те, кто из приготовленной массы делал в мастерской-кархана (расположенной рядом с двумя упомянутыми толчеями) листы писчей бумаги. Здесь же два мастера-лощильщика лощили на станках готовые листы бумаги, значит в бумажном производстве наблюдалось участие в изготовлении одного предмета нескольких специалистов одновременно, т. е. детальная специализация.

Литье чугуна и изготовление бумаги, как показывает анализ характера производства, литье пушек, как это выявляется из данных письменных источников, как и выделка некоторых других предметов ремесла требовали участия в производственном процессе кроме мастеров-специалистов подсобных рабочих сил без особой квалификации.

Как мы видим, в XVI в. в прилегающих к Самарканду районах, а также вероятно, в других районах Средней Азии, тесно связанных между собой экономически, термин кархана применялся для обозначения ремесленных мастерских сравнительно небольших размеров, где работал один или несколько мастеров и где мог использоваться подневольный, но свободный (т. е. не рабский) труд.

В кархана в отличие от дукана было сосредоточено производство, а не реализация изделия.

Кархана могла располагаться отдельно от жилого дома (мастерские по выделке бумаги) или примыкать к нему (чугунолитейная мастерская).

Применительно к рассматриваемому времени мы не имеем данных о размерах мастерских-кархана.

Сравнительно невысокая цена половины чугунолитейной мастерской, оцененной вместе с хаули в 30 ханских танга (1/12 часть нераздельной мельницы-тахуна стоила 15 ханских танга, столько же один бык или один жеребенок, 15 маннов поливной (осенней) пшеницы большим ширазским весом оценены в 10 танга), позволяет полагать, что мастерская представляла довольно несложную постройку. Вероятнее всего, она напоминала чугунолитейные мастерские более позднего времени, описанные в литературе на основании этнографических исследований. В конце XIX — начале XX в. подобного типа мастерские представляли собой весьма несложные сооружения и были «построены так, как их строили в дедовские времена». Литейная мастерская в Хиве, например, просуществовавшая до последнего времени, была «крытым помещением, примыкающим к жилому дому, перед которым имеется небольшой двор с навесом»<sup>16</sup>.

<sup>16</sup> И. М. Джаббаров. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в., стр. 78. См. также О. А. Сухарева, К вопросу о литье металлов в Средней Азии.

Все упомянутые в наших источниках кархана располагались не в городе, а на территории области, что говорит о развитии отдельных видов ремесла и вне города. Вместе с тем мастерские-кархана могли быть и на территории города. Косвенным свидетельством тому служит сообщение Бадриддина Кашмири о Хауз-и кархана в Бухаре. Перечисляя постройки, возведенные по распоряжению Ходжа Са'да, автор называет мечеть, которая была построена из жженого кирпича на берегу Хауз-и кархана<sup>17</sup>.

Как уже отмечалось, чугунолитейная мастерская располагалась в местности Чуйанчи (узб. «чугунщик»). Это дает основание полагать, что жители данной местности занимались выплавкой чугуна и до составления акта о разделе наследственного имущества, до 1590 г.<sup>18</sup>

В XVI в., как и в более ранние века, ремесленник, как уже упоминалось, в большинстве случаев сам был и продавцом своей продукции. Производство и торговля преимущественно осуществлялись одним и тем же лицом, подчас в одном и том же помещении — дукане<sup>19</sup>.

Подобное явление, когда «промышленник был одновременно и купцом»<sup>20</sup>, было характерно не только для Средней Азии. На определенном этапе развития это было присуще и европейским городам. Однако в период, о котором идет речь, в некоторых среднеазиатских ремеслах намечается отделение торговли от производства. И в тексте нередко встречаются упоминания о лавках, где производилась лишь продажа, хотя для их определения как и для мастерских продолжал использоваться тот же термин — дукан. В данном случае термин не вполне отражал действительное содержание разных видов предприятий, каждый из которых мог выполнять функции торговой организации, ремесленной мастерской, того и другого вместе. Термин для определения нового явления еще не появился, хотя процесс отделения торговли от ремесла в некоторых отраслях начался в Средней Азии задолго до XVI в.

Для обозначения ремесленника и торговца нередко применялась разная терминология: футабаф — ткач футы, но футафуруш — продавец футы, джамадуз изготовлял халаты и другие виды одежды, а джамафуруш продавал готовую одежду, пустиндуз шил тулупы, пустинфуруш продавал их. Можно привести еще несколько примеров: кафшдуз — мастер, а кафшфуруш — продавец обуви кафш, сузангар — иголь-

<sup>17</sup> Бадриддин Кашмири. Раузат-ар-ризвях, л. 291.

<sup>18</sup> «Земли» Чуйанчийан упоминаются также в «Самаркандских документах XV—XVI вв.», стр. 177, 390.

<sup>19</sup> Проблемы, связанные с торговлей и торговыми сношениями Средней Азии в XVI в., освещены в специальных работах М. В. Фехнер, Х. З. Зияева, М. Ю. Юлдашева, И. Г. Низомиддинова и других. Здесь мы касаемся некоторых вопросов торговли лишь в связи с реализацией ремесленной продукции Бухары и Самарканда, бывших и ремесленными и торговыми центрами.

<sup>20</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 23.

щик, а сузанфуруш их продавец, касагар и касатараш изготавливали гончарные изделия, а касафуруш торговал ими, обработкой шелка были заняты мастера близких специальностей ифакчи, пиллакаш и другие, а абришамфуруш сосредоточил в своих руках реализацию шелка. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют предположить, что процесс отделения специализированной торговли от производственного процесса коснулся глубже всего ведущих отраслей ремесла, какими были ткачество, изготовление готовой одежды, металлических изделий, гончарного и красильного дел; это же наблюдалось и в производстве бумаги.

Как явствует из «Вакф-наме», мутавалли должен был отпускать определенную сумму на покупку бумаги, необходимую для составления копий вакфной грамоты. Это условие позволяет предполагать, что бумажная мастерская, входившая в список недвижимостей данного вакфа, занималась лишь оптовой реализацией бумаги, а само вакфное учреждение приобретало ее у розничного продавца — кагазфуруша<sup>21</sup>. Так же обстояло дело, видимо, и с другими бумажными мастерскими, которые находились на каналах, выведенных из Сиаба. Здесь, на месте производства, совершалась оптовая торговля бумагой, а на территории города поэтам и историкам, писцам и студентам, тем, кто писал письма, и тем, кто обучался в школе (мактаб-хана в Самарканде упоминается в одном из юридических документов конца XVI в.)<sup>22</sup>, ее продавал кагазфуруш.

Отделение торговли от ремесла могло также стимулироваться территориальной отдаленностью производства продукции от места ее сбыта, как это можно наблюдать на примере ткани карбас, в большинстве случаев изготовленной в сельских местностях и в пригородах. Карбасфуруши продавали ее в городах.

Уже отмечалось, что основная часть городских ремесленников изготавливала товар для продажи на рынке. Наши примеры говорят о том, что отдельные из них работали на заказ и были тесно связаны со скупщиками. Какая-то часть мастеров обслуживала двор хана и феодальных правителей. Существовало также и домашнее ремесло.

Таким образом, в рассматриваемый период существовало: ремесло домашнее — для удовлетворения нужд того хозяйства, членами которого изготовлялось ремесленное изделие; ремесло на заказ (к ремесленникам, работавшим на заказ, в чужом хозяйстве, можно причислить ткача Девана Джамабафа, поскольку термин девана обычно прибавлялся к имени бродячих ткачей); ремесло на рынок, когда ремесленник сам продавал изготовленную им продукцию или же сбывал ее купцу.

<sup>21</sup> Вакф-наме, стр. 299.

<sup>22</sup> Маджму' а-би васанк, л. 174а.

Ремесленники приобретали необходимый материал на рынке у непосредственного производителя, но нередко и у скупщика-купца или феодала. Судя по содержанию юридического документа о предоставлении кредитором Дарья-ханом в долг Мулле Хусейну расчесанного белого пуха, можно думать, что Мулла Хусейн через семь месяцев должен был принести Дарья-хану готовое изделие. Из его стоимости, надо полагать, вычитался процент, взимавшийся за предоставление сырья в долг. В раздаче сырья и работе мелкого производителя на скупщика можно видеть существование рассеянной мануфактуры, внешне сохранившей видимость акта купли-продажи. Также можно понять содержание другого документа, где речь идет об обязанности мастера-читгара по истечении указанного в документе срока уплатить за рулоны ткани чит оговоренную сумму. Так могло обстоять дело и в других случаях<sup>23</sup>.

Наряду с торговцами-скупщиками, специализировавшимися на реализации продукции ремесла одного вида, было немало купцов, сосредоточивших в своих руках торговлю разными товарами. «Кроме совести, все есть на его прилавке», — характеризует их Алишер Навои<sup>24</sup>.

Торговцы-посредники, скупавшие у непосредственного производителя или сельского перекупщика ткани и другие товары и полуфабрикаты, порой держали в сфере своего влияния целые районы. Такими могли быть не раз упоминавшиеся Дарья-хан и Тангри Берди. Первый из них предоставлял мелким производителям ткани и козий пух, второй хранил в своих складах разного вида сырье и полуфабрикаты, в том числе: 429 штук фута-и талвали (?) (فوطه تالولی) стоимостью в 3432 танга-и хани, 15 штук фута-и набафта (فوطه نابافته) ценой в 75 танга, 5 маннов необработанной коконной нити — «шелкового хлопка» (ابریشم کزین) и 62 с половиной манна (?) большим самаркандским весом кампешевого дерева бакам (چوب بقم) стоимостью в 120 танга-и хани<sup>25</sup>.

Характер перечисленных товаров позволяет полагать, что купец-посредник сдавал полуфабрикат специалисту-ремесленнику, а возможно, оптовому покупателю, в свою очередь выступавшему купцом-посредником. Связь между мелкими производителями, готовившими полуфабрикат, и мастерами, изготавливавшими из него изделие, в данном случае

<sup>23</sup> Маджму' а-йи васанк, л. 182а, 182б и др.

<sup>24</sup> Алишер Навои. Возлюбленный сердец, Соч., т. X, стр. 32.

<sup>25</sup> Маджму' а-йи васанк, л. 229а. О доставке в Среднюю Азию бакама в более позднее время см. «Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки», М., 1872, стр. 50.

осуществлялась через скупщика. Последний безусловно диктовал свои условия ремесленникам и контролировал производство. Такие же широкие связи имели и иноземные купцы.

В описи товаров Тангри Берди числится также «шелковый хлопок» — абришам-и казин — вид полусырья, образующийся при размотке шелка и погружении коконов в горячую воду. Это же название использовалось для определения остающихся при размотке внутренних оболочек коконов. Название казина (казин), кроме того, применялось для определения пряженого шелка. Шелковый хлопок шел обычно на пряжу и после соответствующей обработки использовался преимущественно на басонные изделия (кисти, пояса, бахрому, тесемки-джуйак), для вышивания и реже для выделки материи<sup>26</sup>. Со складов Тангри Берди полусырье могло поступать местным производителям, а при посредстве купцов доставляться в другие области и страны. В XIX в. шелковый хлопок в сыром виде вывозился в Россию в значительном количестве<sup>27</sup>.

Как мы видим в приведенных примерах наблюдается не только разделение труда между прядильщиками, размотчиками и т. п., но и территориальное разделение сырья и производителя.

Анализ рассмотренного и нескольких других документов дает основание для предположения, что предоставление денег в долг происходило под залог будущей готовой продукции, т. е. в подобных случаях происходило соединение скупки с ростовщичеством.

Большое количество товаров, которые приобретали и реализовывали торговцы, подобные Тангри Берди, требовало специального штата. Один из них — грузчик ( *حامل* )<sup>28</sup>. После смерти хозяина ему причиталось получить 116 ханских танга (принадлежавшая Тангри Берди мельница оценивалась в 345, дом — в 900, 10 маннов проса в 25 ханских танга). Возможно термином хаммал в данном случае обозначался грузодоставщик, который на своих животных перевозил груз в другие города, чем, на наш взгляд, можно было бы объяснить солидную сумму, причитающуюся ему.

Фактический материал свидетельствует о подчинении мелкотоварного производства торговому капиталом, однако сведения эти очень скудны и позволяют отметить наличие подобных отношений лишь в некоторых отраслях производства, в частности ткачестве (возможно, шелкоткачестве).

Отделение торговли от ремесла, в целом явление прогрессивное, приводило однако к развитию паразитической торговли. Алишер Навои так характеризует торговцев-перекупщиков: «Барышник, который в го-

<sup>26</sup> Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, стр. 28—29.

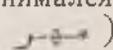
<sup>27</sup> Там же, стр. 28.

<sup>28</sup> Маджму' а-йи васанк, л. 229а.

роде товар перекупает, себе выгоды, а людям неурожая желает. Народный убыток ему прибыль несет, благодаря ему он дешево скупает и дорого перепродает. Когда он покупает полотно, он его холстом называет, когда продает холст, он его полотном величает. Он может всучить вместо кашмирской простую шаль, может продать циновку вместо золотой парчи — ему никого не жаль»<sup>29</sup>.

Предприимчивый Тангри Берди не был исключением. Крупные торговцы, в руках которых находилась оптовая торговля, занимали в городской торговле значительное место. Одно и то же лицо держало в зависимости множество ремесленников. По юридическим документам, крупные сановные феодалы, представители торгово-ростовщического капитала, в отдельных случаях кредитовали целую группу ремесленников.

Как отмечал В. И. Ленин «дальнейшее развитие товарного хозяйства выражается расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков...»<sup>30</sup>.

Оптовой торговлей тканями, часть которых перекупалась по пути следования из отдельных мест (в наших примерах Индии), занимался Мирза Салим, сын Маулана Ибрахима Садра. Его печать (  ) ставилась на ткани, которыми он вел торговлю<sup>31</sup>.

Купцы-туджар (  , мн. ч. от  ), ведшие оптовую торговлю, были тесно связаны с феодальными правителями. Последние нередко являлись своего рода банкирами. Тогда купец должен был делить прибыль с ними, обычно погашая кредит после реализации товара. Компаньоном по торговле выступал, например, Мирза Улугбек. Для получения прибыли он предоставил некоему купцу, ведшему торговлю с другими странами в виде средств для торговли драгоценный камень. Однако купец умер в пути, а попытки Улугбека вернуть причитающуюся ему сумму не увенчались успехом.

Сами купцы находились в зависимости от условий феодальных правителей. Только особо именитые торговали на льготных условиях. Обладатели тарханских грамот совершали крупные торговые операции местными и импортными товарами. Причем в своих личных интересах феодальные власти всячески поддерживали таких купцов, перекладывая долю сборов с них на плечи тех, кто «закят должен своевременно вручать и присвоения чужого избегать»<sup>32</sup>.

В отличие от тарханских привилегий, предоставлявшихся феодалам-землевладельцам и предусматривавших освобождение от сборов в каз-

<sup>29</sup> Алишер Навои. Возлюбленный сердец, Соч., т. X, стр. 32.

<sup>30</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 332.

<sup>31</sup> Маджму' а-йи васак, л. 1826.

<sup>32</sup> Алишер Навои. Возлюбленный сердец, стр. 31.

ну с земель и подвластного им податного населения, купцы-тарханы полностью или частично освобождались от торговых и дорожных пошлин, от формально добровольных, в действительности же обязательных, подношений местным и верховному правителям. Относительно одного из них Фазыл-тархана, который оказался в Самарканде, но был из туркестанских купцов-тарханов, Бабур пишет: «Оказав в Туркестане услуги Шейбани-хану, он пользовался его покровительством»<sup>33</sup>.

Образцы тарханных грамот имеются в сборнике «Мактубат ва аснад». Одна из них составлена с целью освобождения его владельца от взимания разных сборов, в число которых вошло четырнадцать наименований. Другой нишан из того же сборника служил трафаретом для составления тарханной грамоты купцам, освобождавшимся по указу государя от тех же сборов (кроме даругаги и хидматана), от дорожных сборов — рахдари и кештибани, от прочих — за пожелание доброго пути и за «неизвестный» (не вскрытый и не просмотренный) груз. Правитель, покровительствующий крупному купцу, повелевает своим чиновникам оказывать содействие владельцу указанного нишана. Еще одна тарханная грамота, выданная полонникам в Мекку, предназначалась для освобождения их от взимания баджа, харджа, тамги, закята и от выполнения ими и их нукерами повинности улаг<sup>34</sup>. Как видим, в каждом случае число сборов, от которых освобождался купец-тархан в зависимости от степени его привилегированности, могло быть разным.

Тарханные привилегии могли получать не только местные купцы, но иногда и иноземные. Пример последнего — Ходжи Ильяс Челеби, на имя которого был выдан нишан, освобождавший его от сборов тамги и харджа, а также от обязанностей выполнять повинность улаг на территории Мавераннахра<sup>35</sup>.

Оптовая торговля велась не только за наличные деньги. В нашем распоряжении имеется расписка о получении товаров, оформленная в судебной камере города Самарканда. Этот чрезвычайно интересный юридический документ свидетельствует о торговых сделках по векселям ( *تسهیل* ), которые могли «служить при необходимости» документом. Здесь имеется в виду продажа в форме отсроченных платежей за проданные текстильные изделия. В списке товаров, полученных по этому векселю, значится четырнадцать наименований текстильных изделий, главным образом индийских.

Не случайно, что в приведенном примере речь идет в основном о текстильных изделиях. Отдельные известные нам примеры оптовой

<sup>33</sup> Бабур-наме, стр. 100.

<sup>34</sup> Мактубат ва аснад, л. 776, 1706.

<sup>35</sup> Там же, л. 1716.

торговли и получения товаров по распискам в XVI в. относятся к реализации продукции текстильной промышленности.

Кредитно-вексельная система известна была в Средней Азии издавна<sup>36</sup>.

Получение по расписке большого числа дорогих тканей Устомом Джаухаром, сыном Абдуллы, вместе с его супругой Биби Саусан требовало гарантии. По документу, ответственность в обеспечении выполнения обязательств ( *كفيل بالنظن* ) берет на себя Надим Даруга, сын господина Маулана Мухаммеда Али.

В XVI в. крупными торговцами выступали джуйбарские шейхи. Они владели множеством лавок и мастерских в Бухаре, где изготовлялись и продавались разнообразные товары, не гнушались иметь дело и с наркотиками, в целом ворочали огромными денежными суммами. Их представители принимали активное участие в торговых операциях с другими областями и странами, в том числе и с Москвой<sup>37</sup>, что еще раз убеждает нас в том, что условия внутренней и внешней торговли во многом зависели от крупных светских и духовных феодалов. Как справедливо отметил П. П. Иванов, «нередко в лице одного и того же лица мы видим местного феодала и в тоже время участника крупной оптовой торговли или ростовщика»<sup>38</sup>.

Гнет феодального государства, которое играло ведущую роль в регулировании ремесленного производства, в большинстве случаев в ущерб интересам последнего, препятствовал развитию внутренней и внешней торговли. Насильственная покупка товаров по цене, которую местные феодалы нередко назначали сами, была невыгодна купцам. Иной раз в обмен навязывались предметы, в которых купец не был заинтересован.

Таможенный досмотр и бессистемные сборы не давали возможности свободно развиваться торговле. Когда у бухарского короля «не хватает денег, он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит», — говорит Дженкинсон<sup>39</sup>.

Стремление разных категорий представителей класса феодалов наживаться за счет ремесленников способствовало дальнейшему ухудшению их экономического положения, приводило к закладу мастерских, к переходу их прежних владельцев в ряды арендаторов.

Военные столкновения препятствовали нормальному развитию ремесленной промышленности, затрудняли торговые сношения, которые

<sup>36</sup> А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Бальшаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 294.

<sup>37</sup> См. Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван, л. 90а.

<sup>38</sup> П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов., стр. 42.

<sup>39</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 183.

во многом зависели от того, в состоянии мира или войны находился город. В то же время отдельные виды товаров были столь необходимы, что даже в период осады создавались временные места торговли за крепостными стенами.

Столетиями периоды оживленного обмена сменялись спадом. Особенно тяжело отражалось отсутствие сильной власти внутри государства, как и в соседних странах, на международной торговле.

Все это вело к застойности ремесленного производства и способствовало усилению непроизводительного ростовщического капитала. Последний «вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях»<sup>40</sup>.

Профессиональное ремесло и хозяйственная специализация внутри города, а иногда и некоторых селений в государстве Шейбанидов способствовали в отдельные периоды значительному развитию внутреннего рынка, крупнейшими центрами которого были Бухара и Самарканд. Здесь были специализированные ряды, где товары продавались на отведенном для этого месте.

Торговые линии включали лавки с одинаковыми изделиями, хотя особая строгость при этом не соблюдалась. Здесь же могли располагаться складские помещения: «Для каждого промысла (حرفه) отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом», — писал в своих мемуарах Бабур о Самарканде<sup>41</sup>. А англичанин Дженкинсон отметил такую же своеобразную черту города Бухары: «Каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок»<sup>42</sup>. Это существенно отличало два города от других городов и селений шейбанидского государства. Например, в городе Аркуке (на берегу Сыр-Дарьи), по словам Фазлаллаха ибн Рузбихана, не было лавок и базаров и торговали по большей части прямо в домах<sup>43</sup>.

Как отмечает Зайниддин Васифи, базары отличались благоустройством<sup>44</sup>. Большие и маленькие, в виде торговых рядов и купольных помещений, определяемых терминами базар (بازار) тим (تیم) ток (طاق) и реже — сук (سوق) рыночные ряды располагались на оживленных перекрестках, вдоль больших дорог. Порой базар зани-

<sup>40</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 142. Изучение всех причин, тормозивших хозяйственное развитие, — предмет специального исследования.

<sup>41</sup> The Babar—nama, л. 476; Бабур-наме, стр. 62.

<sup>42</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 182.

<sup>43</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михма-наме-ий Бухара, л. 476.

<sup>44</sup> Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вака' и, т. I, стр. 44.

мал часть улицы<sup>45</sup>. Как и на базаре, в действительности являвшимся торговым рядом лишь части специализированных дуканов, в ремесленных кварталах размещались не все мастера данной специальности.

Смежные ремесла теснились один к другому, тим колчанщиков в Бухаре был невдалеке от базара сапожников, тим шорников близ базара седельщиков, цинопочный и веревочный базары тоже были рядом.

Место и величина базаров зависели в основном от вида реализуемого товара. Мастерские металлистов обычно группировались в центре, ковали работали на больших дорогах и поближе к городским воротам, мыловары, свечники и кожевники жили на окраинах, чигары (и кожевники) — поближе к проточной воде. Бакалейные, хлебопекарные и некоторые другие лавки были разбросаны по всему городу. Конский базар требовал обширной территории и располагался на окраине. Подобные сведения могут быть использованы для выявления местонахождения базаров и уточнения топографии города.

Земельный участок, занятый под базар, приносил владельцу (казне, феодальному правителю, вакфному учреждению, а в отдельных случаях крупному светскому и духовному феодалу) большие доходы.

Мелкие торговцы и ремесленники обычно владели лишь лавкой-мастерской и платили за аренду участка (часть из них вынуждена была арендовать и помещения).

Некоторые базары были защищены перекрытием из жердей, камыша, ветвей деревьев или деревянных балок и слоя земли. Особенно старались защитить шорные, токарные, плотничные, кузнечные мастерские<sup>46</sup>. Перекрытие целиком или частично могло быть предметом купли-продажи, передачи в вакф и т. п.<sup>47</sup> Владельцы дуканов должны были вносить за него определенную плату.

На территории Самарканда в исследованных нами письменных источниках в числе специализированных упоминаются базары продавцов дорогих тканей — Баззазан, прядильщиков — Лаввафан, ковалей — На'лбандан, седельщиков (шорников) — Тукумдузан, продавцов скобяных изделий — Хурдафурушан, серповщиков — Дасгаран, продавцов войлока — Намадфурушан, токарей по дереву — Харратан, веревочный — Рисман, плетельщиков корзин — Сабадбафан, ювелиров — Заргаран, мастеров, изготавливающих луки — Камангаран, конский — Базар-и асп (От базар), продавцов птицы — Мургуфурушан, парфюмерный — Аттаран, свечников — Шам'ан, соломенный — Кох, базар мянул — Саррафан. В источниках называются также тимы мастеров стрел — Тиргаран, продавцов обуви — Кафшфурушан, продавцов при-

<sup>45</sup> Маджму' а-ли васанк, л. 141б, 140а.

<sup>46</sup> Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки, стр. 58—59.

<sup>47</sup> Примеры см.: Из архива шейхов Джуйбары, Док. 44; Вакф-намс, стр. 235.

прав (овощной) — Хавиджфурушан, пекущих пирожки — Санбусазон, продавцов хны — Хнафурушан, медников — Мисгаран, продавцов головных уборов — Кулахфурушан.

Множество специализированных базаров раскинулось также на территории Бухары<sup>48</sup>: кузнецов — Ахангаран, продавцов ткани карбас — Базар-и карбас, прядильщиков — Лаввафан, сапожников — Махсидузан, продавцов кафш — Кафшфурушан, седельщиков (шорников) — Тукумдузан, циновочный — Бур'ё, веревочный — Рисман, продавцов белил — Сефидфурушан, базар менял, поварский, конский. В Бухаре располагались также тимы колчанщиков, шорников, торговцев дорогами тканями (Базазан), тюбетеечников, торговцев платьем и др. Правда, далеко не всегда на базарах были лавки-мастерские только одной специальности. Наименования базаров подчас включены в текст того или иного источника совершенно случайно (при определении местонахождения объектов, подлежащих продаже, дарению и т. п., при описании каких-либо событий и т. д.), поэтому можно полагать, что представленные нами списки в дальнейшем могут быть несколько расширены и уточнены. Однако и приведенный перечень довольно убедительно характеризует специализацию ремесла и реализацию его продукции.

Названия базаров могли определяться не только специализацией. Так, некоторые базары были известны по названию квартала, мечети, по именам царевичей и вельмож, например, базар Мечети войлочников, базар Пулисафид, базар бани Эмир-зода Мухаммед Касима, Ходжи Мухаммед Чапа, Мас'уда, Дар-и махкама-и кухна в Самарканде; базар муллы Эмири (или Мечеть муллы Эмири), базар квартала мечети Магак, мечети Хафиз хаджи, базар Хаммам-и кухак и другие в Бухаре.

На базарах можно было купить бумагу, книги, здесь же располагались переплетные мастерские, лавки для продажи напитков, сладостей, мяса, пирожковые дуканы. «Есть там хорошие пекарни и харчевни», — сообщает Захириддин Бабур о Самарканде<sup>49</sup>. В пекарнях выпекались хлебные лепешки разных форм и сортов. В одном из документов упоминаются пекарни кульчи (گلچه پن), а в другом — пекарни хлеба из кукурузы (زغاره پن)<sup>50</sup>. Как и сами хлебники (نانوا، نانپز)، хлебные дуканы довольно часто упоминаются в источниках. Это и не удивительно, вместе с фруктами и овощами лепешки составляли основное питание трудового населения. Между тем, вряд ли основная масса городского населения приобретала хлеб в лавках. Более вероятно, что

<sup>48</sup> В нашем распоряжении письменных источников по Бухаре меньше.

<sup>49</sup> Бабур-наме, стр. 62.

<sup>50</sup> Маджму' а-йи васайк, л. 1316, 1416.

хлебные лепешки в дуканах покупал пришлый народ, прибывший на базар из окрестностей города и сельских местностей. Здесь же могли купить лепешки собравшиеся неожиданно друзья, в том числе ремесленники и мелкие торговцы, описанию бесед которых посвятил немало строк Зайниддин Васифи. Названные в одном из документов весы, находившиеся на площадке, отведенной для изготовления и продажи хлебных лепешек, позволяют думать, что был установлен определенный вес хлебных лепешек.

Обычно местные жители пекли хлеб в печах во дворе дома (хлебная печь — тандыр, танур упоминается в «Вакф-наме» и в юридических документах конца XVI в.)<sup>51</sup>.

Современники событий неоднократно отмечают повышение цен на хлеб в связи с окружением города вражескими войсками. Одно из таких свидетельств относится к Самарканду. Тяжелые условия жизни в результате осады и повышения цен на хлеб, в то время как амбары богачей были полны продуктов, привели в 1501 г. к выступлению городских низов против имущих слоев населения. Как отмечает поэт Мулла Шади, «каждый [из них] бросался на лавку», так что власти вынуждены были принять особые меры для защиты имущества обеспеченных горожан<sup>52</sup>.

Базар был центром городской жизни. Здесь нередко собирались поэты, вывешивались распоряжения феодального правителя, в Герате на Чорсу Шейбани-хан приказал вывесить «свои бездарные стихи». По базару водили и подвергали наказанию провинившихся государственных чиновников, учеников мастеров-ремесленников, нарушивших установленные нормы. После жестокой расправы с восставшими жителями Каракуля узбекский хан приказал выставить их головы на Конском базаре в Бухаре, а Ходжа Ислам, по словам Бадриддина Кашмири, перед смертью приказал пронести его по базару.

Особенно оживленной становилась торговля в базарные дни.

Перечень изделий показывает, что и в Бухаре и в Самарканде изготовлялся разнообразный ассортимент товаров; все же отдельные из них отличались разной выделкой, сортом. Вместе с тем Самарканд особенно славился бумагой и бархатом, тканью чит, в Бухаре производили лучшие в Мавераннахре луки и вино. В таких случаях продукция ремесленников одного города почти полностью должна была обеспечить другой.

Анализ исторических текстов помогает установить относительно полный список товаров, обращавшихся в XVI в. на рынках Бухары и Самарканда. Здесь продавались разнообразные ткани — хлопчатобу-

<sup>51</sup> Вакф-наме, текст, стр. 121, перевод, стр. 234; Маджму' а-йи васанк, л. 111а, 139а.

<sup>52</sup> Фатх-наме, рик. ИВ АП УзССР, № 5369, стр. 433, 434.

мажные, шелковые и реже шерстяные, готовая одежда, головные уборы, всевозможные металлические изделия — котлы (разных размеров и назначения, медные и чугуинные), кувшины, тазы, ведра (медные), мангалы, топоры, кетмени, тиша, лопаты, гвозди (разной длины и толщины), цепочки для дверей, шипцы для раскаленного угля, ножи (упоминаются и стальные), напильники, утюги, кольчуги, мечи и другие виды оружия, ювелирные изделия, кожа и изделия из кожи, разные виды обуви, войлок, циновки, писчая бумага, книги, краски, гончарные изделия, древесный и каменный уголь, строительный лес, дрова, москательные товары, хлеб, мясо, масло, птица, рыба, пшеница, ячмень, просо, рис, фрукты, овощи, вино, различные напитки, сладости, хлопок, мука, скот. На городских рынках продавалась также продукция сельского ремесла — пряжа, шелк-сырец, шерсть и др.

Приведенный список дает возможность проследить связь городского рынка с деревней, снабжавшей город продуктами сельского ремесла (некоторые виды тканей, пряжа, шелк-сырец, шерсть, сырые кожи и т. п.), хлопком, продовольствием, скотом, овощами, фруктами (вспомним сообщение Васифи: «за воротами крестьяне (مردم بلوڪات)

продавали виноград»,—или покупку дыни у ворот города для больного Ходжи Ислама в дни осады Бухары вражеским войском), а также установить зависимость села от городского рынка и городского ремесла, отдельные виды продукции которого (сельскохозяйственный инвентарь, котлы и другие металлические изделия, некоторые сорта тканей, седла, дешевые ювелирные изделия и т. д.) предназначались для крестьян.

Изучение материалов первоисточников свидетельствуют о специализации населения, селившегося вокруг базара, о специализации жителей отдельных кварталов (их список был приведен выше), пригородных районов (бумажные мастерские на р. Сиаб) и некоторых близлежащих селений (местности Чуйанчи, Алачабафан). Такие мастерские, как бумагоделательная и чугунолитейная, обслуживали городской рынок, и их продукция (как в более раннее время изделия, поступавшие в город из окружающих местностей)<sup>53</sup> обычно распространялась отсюда под названием того города, где она реализовывалась.

Все это позволяет говорить о довольно интенсивной связи между рынком и прилегающим к нему районом, между специализированным кварталом и рынком, между отдельными рынками, между пригородами и городом, между городом и сельскими местностями, между большими городами, как и о больших масштабах внутреннего рынка.

Между тем жизнь в городе резко отличалась от жизни в сельских

<sup>53</sup> А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 292.

местностях, где ведущую роль играло сельское хозяйство. В пригородных районах в значительной степени развивались отрасли, удовлетворяющие потребности горожан. Для середины XVI в. Е. А. Давидович отметила, что крестьяне сами должны были продавать продукцию садов и виноградников для выплаты ренты с них в денежной форме<sup>54</sup>.

Рассмотренные материалы позволяют судить о довольно высоком уровне развития товарного хозяйства. «Рынок является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда»<sup>55</sup>.

Наши источники, среди которых большое место занимают документальные, в большинстве случаев относятся или только к Самарканду, или только к Бухаре. Они составлены в разные десятилетия XVI в. — «Вакф-наме» в Самарканде в первой четверти века, архив джуйбарских шейхов в Бухаре в 60—70-х годах, казийские решения в Самарканде в конце столетия.

Отсутствие конкретного материала для отдельных десятилетий, разнохарактерность письменных источников, отсутствие статистических данных о повременном объеме продукции не дают нам возможности уточнить хронологические рамки спада и экономического подъема в развитии ремесла на протяжении всего XVI в., и тем самым на данных письменных источников подтвердить интересное мнение, высказанное Е. А. Давидович о времени максимального развития товарно-денежных отношений в Средней Азии. Нумизматический материал позволил установить, что в конце XV — первой половине XVI вв., «денежная торговля (розничная, сферу которой обслуживала медь) занимала большое место в жизни населения не только крупных торгово-ремесленных центров, но и более мелких городов, городков и даже поселений»... и «что именно для рассматриваемого отрезка времени можно говорить о самом максимальном вовлечении в товарно-денежные отношения широких слоев городского и отчасти сельского населения Средней Азии»<sup>56</sup>. Относительно предыдущего периода А. Ю. Якубовский отмечал: «Восток в XIV—XV вв., если взять его в пределах Ирана, Средней Азии и частично юго-восточной Европы, находился на той стадии развития феодальной формации, когда торгово-денежные отношения играли уже большую роль»<sup>57</sup>.

Сравнительно широкие масштабы внутренней торговли, вывоз отдельных видов товаров в другие страны способствовали развитию товарно-денежных отношений, заметному разложению натурального хо-

<sup>54</sup> Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 34.

<sup>55</sup> В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 94.

<sup>56</sup> Е. А. Давидович. О времени максимального развития..., стр. 87.

<sup>57</sup> А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, стр. 9.

зяйства. Однако товарно-денежные отношения охватили лишь город с прилежавшими к нему районами, «в основном некоторые центральные районы поливного земледелия»<sup>58</sup>, и даже в этом кругу, как показывают наши документы, довольно ясно проявлялись черты натурального хозяйства.

Классический пример аристократического натурального хозяйства рубежа XV—XVI вв. приводит Мухаммед Салих. Высочайший саповник конца XV—XVI в. Ходжа Абулмакарим, некоторое время фактический правитель Самарканда и его округа, родовитый феодал, представитель рода которого в течение четырехсот лет занимали должность шейхулислама, владел обширными землями в окрестностях Самарканда. Часть его земель была занята многочисленными фруктовыми садами, виноградниками самых дорогих сортов. Виноград, который пускали также на вино (چاءير), уксус (سركه) и сироп (دوشاب), отсюда везли в город. Все, что только было нужно для дома привозили из загородного имения<sup>59</sup>.

Ремесло двух крупнейших городов Средней Азии характеризовалось выходом некоторых видов товаров далеко за пределы местных рынков. В расчете не только на местные рынки, но и на экспорт готовили среднеазиатские ремесленники хлопчатобумажные ткани, самаркандский малиновый бархат и бумагу, бухарские луки, предметы конского убранства и некоторые виды оружия. Часть этих изделий предназначалась для удовлетворения потребностей феодальной знати и крупного купечества, однако предметы роскоши, рассчитанные на сбыт верхушке феодального общества, не занимали ведущего места среди экспортируемых товаров.

При ознакомлении с материалами описей товаров, вывозившихся из Средней Азии в Московское государство во второй половине XVI—XVII в., можно убедиться, что здесь ведущая роль принадлежала текстилю — хлопчатобумажным тканям и готовым изделиям из них. Эти товары были рассчитаны на сбыт самым широким слоям населения. Внешняя торговля была монополизирована.

Торговые караваны, как правило, принадлежавшие феодальной верхушке, обычно состояли из нескольких сотен верблюдов. «В этой стране... люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов», — отметил Дженкинсон. Обладатели несметных богатств, джуйбарские шейхи имели под выюком 60 катаров (обычно в каждом катаре было по 12 верблюдов).

В Самарканд и Бухару съезжалось множество иностранных купцов — персов, арабов, турок. Специальная группа купцов из татар в

<sup>58</sup> Е. А. Давидович. О времени максимального развития..., стр. 88.

<sup>59</sup> Мухаммед Салих. Шейбани-намэ, стр. 59—60.

Казани, занятая среднеазиатской торговлей в основном через Бухару, была известна под названием «бухара юртучи»<sup>60</sup>. Во второй половине XVI в. торговые связи Средней Азии с Россией еще более усиливаются. В «Бухарию за товарами» в этот период ездили уже не только посольства русских государей, но и отдельные купцы. Так, в 1574 г. к посольскому каравану Захария Богданова, направлявшемуся в Бухарию, присоединились приказчики братьев Строгановых<sup>61</sup>. В документах, составленных в конце XVI в. в связи с куплей-продажей различных видов продукции ремесла, среди которых преобладали ткани, нередко упоминаются индусы. В Бухаре был особый квартал, где проживали купцы и ростовщики-индусы. Как видно из эпизода, связанного с ночными похождениями одного из узбекских ханов, во главе их стоял богатый индус. Судя по упоминаниям европейских (فرنگی) изделий, европейцы нередко посещали рынки Самарканда и Бухары.

Иностранные купцы ввозили товары в основном в расчете на местных скупщиков, тем самым расширяя сферу деятельности среднеазиатских и, в частности бухарских и самаркандских, купцов. Любопытно, что в кладовых Надир Мухаммед-хана (XVII в.) «имелось несколько сундуков, наполненных франкским оранжевым бархатом».

Таким образом, Самарканд и Бухара одновременно являлись центром оживленной внутригородской торговли, торговли с пригородами, соседними областями, а также с другими городами и государствами. Они были также важным промежуточным пунктом транзитной торговли. Частично производилась и меновая торговля со степью. «Много верблюжьих харваров карбаса» было приготовлено по распоряжению узбекского хана Шейбани для того, чтобы выкупить привелегированных пленников из степей у казахских султанов<sup>62</sup>.

Одну из основных статей внутренней и внешней торговли среднеазиатских городов составляли ткацкие изделия. Они же отчасти были предметом обмена с кочевниками. В этой области наблюдалась разная форма соединения торгового капитала с ремеслом.

Цены на товары, и в частности на ткани, общее соотношение импортных и экспортных цен совершенно не изучены, однако можно предполагать, что они были выгодными для торговцев Средней Азии. Некоторые данные о ценах на ткани (чит, различные сорта футы) и металлические изделия, которые приводились выше, слишком скудны и разрозненны для того, чтобы, основываясь на них, можно было бы делать какие-либо выводы.

<sup>60</sup> Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., М., 1953, стр. 431.

<sup>61</sup> А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках, М., 1962, стр. 94—95.

<sup>62</sup> Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара, л. 95а.

## Глава IV

### ПОДАТНЫЕ СБОРЫ С РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛИ. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Вопросам, связанным с системой и терминологией налоговых сборов в Средней Азии XV—XVI вв., посвящено немало работ<sup>1</sup>. Основное внимание исследователей уделяется земельной ренте, в то время как специфические городские налоги до настоящего времени еще остаются одной из малоизученных проблем. Между тем, городские ремесленники, как и вообще все податное население, облагались разнообразными сборами в пользу хана и государства, вакфных учреждений, владельцев уделов и суюргалов, держателей тарханных грамот, разного ранга светских и духовных феодалов. При перечислении налогоплательщиков в документальных и нарративных источниках нередко называются и ремесленники (محترفان و پيشوران).

Город с его многочисленным населением приносил большие доходы. Как конкретный пример можно привести свидетельство одного из современников. Однажды Кучкунчи-хан стал обозревать город с крыльца своего дворца. Увидев множество домов он заметил, что если с каждого дома будут поставлять по блюду еды у по одной лепешке, то это обеспечит его войско питанием. В действительности же доходы с города

---

<sup>1</sup> В. В. Бартольд. Улугбек и его время, Соч. т. II, ч. 2, 1964; А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи А. Навои, Сб. «Родоначалник узбекской литературы», Ташкент, 1940; С. А. Азимджанова. Из истории Ферганы второй половины XV в.; Она же. Экономические взгляды Захриддина Мухаммеда Бабура, Сб. «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане XV—XVI вв.», Ташкент, 1961; Е. А. Давидович. Материалы для характеристики..., стр. 40—44; Н. Махмудов. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв., Душанбе, 1966; А. Жувоимардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир; М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—первой половине XIX века, т. II, Ташкент, 1970; Б. Г. Гифуров. Таджики, стр. 534—539. См. также: И. И. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 340—378.

были гораздо больше и исчислялись в основном в деньгах. Насколько велика была общая сумма поступлений в городскую казну показывает внушительная цифра годового сбора с Самарканда — 1 млн. 600 тыс. танга<sup>2</sup>.

Фактических данных по обложению ремесленников и мелких торговцев разного вида сборами и повинностями значительно меньше, чем сведений, характеризующих положение сельского населения — основных производителей страны в период феодализма. В отличие от некоторых европейских стран мы не располагаем для городского населения Средней Азии XVI в. списками налогоплательщиков, также как и фактическими цифрами о численности населения вообще, и ремесленников в частности, хотя, как показывают косвенные данные, число их фиксировалось феодальными властями.

Один из важнейших источников для изучения налоговой системы — документальный материал. В данном случае нас интересуют те из документов, в которых упоминаются специальные сборы с ремесла и торговли, с мельниц, маслобоен и торговых мест, а также сборы с посевов хлопчатника, с коконов шелковичных червей, поскольку занятие хлопководством и разведение коконов было тесно связано с производством текстильных изделий. Документов подобного типа немного. В основном это указы местных и центральных правителей об уступке отдельным представителям из числа светских и духовных феодалов разнообразных податей и повинностей.

С получением подобного рода иммунитетной грамоты налоговые сборы с земли, торгово-ремесленных заведений, мельниц и т. д. целиком или частично начинали поступать в пользу феодала — обладателя грамоты. Являясь источником обогащения лишь тех, кто вознаградился привилегиями, грамоты на предоставление налоговых льгот не облегчали положения податного населения<sup>3</sup>.

Не менее интересны распоряжения правителей об освобождении от разного вида поборов отдельных местных и иноземных купцов. Значительный интерес в этом плане представляют копии указов, грамот и писем, а также образцы для их составления, помещенные в рукописи «Мактубат ва аснад». Хотя они и не дают полного представления о налогообложении торгово-ремесленной части населения в государстве Шейбанидов, все же могут быть полезными для выявления наименований сборов с торговли. Общий перечень налоговых сборов довольно обширен. Мы приведем наименования лишь тех из них, которые в той или иной мере касаются ремесленников, мелких торговцев и той части

<sup>2</sup> П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов..., стр. 64—65.

<sup>3</sup> Р. Г. Мукминова [рец. на]: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 136. См. также Н. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 263.

сельского населения, которая производила и привозила в город продукты сельского хозяйства, сырье, полусырье и отдельные виды ремесленных изделий.

Приводимые материалы не претендуют на полноту. Дальнейшие исследования могут значительно расширить сведения, касающиеся как списка налоговых сборов и повинностей с городского населения, так и содержания терминов, обозначающих их.

Можно полагать, что в изучаемый период налоговые сборы с ремесленников (взимавшиеся в основном при реализации продукции) и мелких торговцев собирались не только в натуре, но и в деньгах.

Неоднократно бывавший на бухарских рынках Антоний Дженкинсон (конец 1558 — начало 1559 г.) отметил, что с торгово-ремесленного населения взимались налоги, как можно полагать с его слов, в деньгах и натурой. Бухарский хан, — писал он, — «содержится главным образом за счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами..., а когда у него не хватает денег, он посылает своих чиновников по купческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит. Так именно он поступил, чтобы заплатить мне некоторые деньги, которые он мне должен за 19 кусков каразиси»<sup>4</sup>.

Конкретный пример о денежных сборах с ремесленников относится к более позднему времени. Согласно указу Абулфайз-хана от 1723 г. в Бухаре с ремесленников, изготовлявших сита, должны были взимать ежедневную плату в сумме два с половиной танга, вместо уплачиваемых ранее двух танга<sup>5</sup>.

Некоторые из налоговых сборов с городского населения перечисляются в фирмане, издавшем в середине XVI в. от имени сына Убайдулла-хана — Абдулазиз-хана (1540—1549 гг.), являвшегося представителем самостоятельной бухарской династии, лишь номинально подчинявшейся самаркандскому хану. Для усиления своих позиций Абдулазиз-хан решил путем уступок жителям Бухары приобрести поддержку городского населения и тем самым укрепить свое политическое положение. В 1541 г. он издал фирман об освобождении «подданных прославленного города Бухары» от уплаты налогов такабул, тафавут, тауфир. Это был особый, редкий в практике феодальных правителей случай, поэтому приказано было текст указа высечь на мраморной плите и установить ее внутри ниши портала Большой соборной мечети Бухары, где регулярно собирались жители города. Значение приведенных названий налогов, как отметил издатель фирмана В. А. Шишкин, «пока не поддается разъяснению», хотя содержание терминов тафавут—

<sup>4</sup> Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию., стр. 183.

<sup>5</sup> Копия указа Абулфайз-хана была любезно предоставлена нам А. А. Егани.

«разница» и тауфир — «излишек» позволяет рассматривать их как добавки сверх обычных сборов. Общая сумма этих налогов составляла 81 тыс. танга<sup>6</sup>. По действительно ли все сборы вносились бухарцами в деньгах?

Вполне возможно, что в данном случае в деньгах лишь фиксировалась общая сумма каждого сбора. Подобное явление отметил И. П. Петрушевский. «С полным основанием мы можем сделать вывод, что когда централизованная рента-налог официально определялась в деньгах, то в практике во многих случаях, возможно, в большинстве случаев, это означало только исчисленную в деньгах на основании официальной таксировки (та'сир) стоимость взимаемых натурой продуктов»<sup>7</sup>.

Имея в виду, что в цитированном фирмане речь идет о жителях Бухары — крупного центра ремесла и торговли, можно полагать, что часть городских сборов взималась в деньгах, но, вероятно, лишь часть. Так могло быть и со сборами, перечисленными в указе, исчислявшимися в золоте.

Существовал весовой сбор; об этом свидетельствует неоднократно цитированный здесь нишан из сборника «Мактубат ва аснад».

Согласно указу, выданному Камалиддину Зикрие, все, кто привозил из разных местностей ( اطراف و جوانب ) шелк ( ابریشم ) должны были приносить свой товар ему на обозрение с тем, чтобы взвесить его на весах и уплатить соответствующую плату за весы. Далее из текста выявляется, что, пытаясь избежать обременительного сбора, мелкий производитель (или купец-скупщик) старался избежать взвешивания, пытался скрыть товар, против чего направлена та часть указа, в которой предписывается «не скрывать что-либо». Поскольку весовой сбор брали до реализации шелка, можно полагать, что он взимался в натуре.

Сбор, собираемый за весы, шел в пользу надзирателя ткачей, что и было причиной особого рвения надзирателя. В результате в его руках должно было сосредоточиваться значительное количество шелка, хотя нам не известно, как он его использовал.

Из содержания нишана не ясно, о каком городе идет речь. Но надо думать, что при доставке шелка на любой рынок полагалось взимать весовой сбор, как и в тех случаях, когда шла речь о торговле хлопком, растительном маслом, хлебом и т. д., ибо все товары при перевозке подвергались досмотру, исключение делалось лишь в редких случаях. Так, согласно другому нишану, таможенными надсмотрщиками и соответ-

<sup>6</sup> В. А. Шишкин. Фирман 1541 г. на портале Большой соборной мечети Бухары, стр. 161—167.

<sup>7</sup> И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 341—342.

ствующим административным лицам запрещалось вскрывать товар купца, имевшего особые привилегии<sup>8</sup>.

Некоторый интерес для рассматриваемого вопроса представляют сведения из ярлыков, выданных карасканским сеидам. Из них мы узнаем о существовании специальных сборов, взимаемых с технических культур. В одном из них, составленном в 1008 г. х. (1599/1600 г.), приводится длинный список податей и повинностей, уступленных феодальным правителем Саиду Захид-ходже. В их числе называется и гуза-пули—сбор с хлопка<sup>9</sup>. Как явствует из содержания термина, гуза-пули (дословно «деньги с хлопка») взимались в деньгах, хотя, как уже отмечалось, в отдельных случаях рента, поступавшая в продуктах, могла лишь исчисляться в деньгах. Применительно к Ирану это доказал И. П. Петрушевский<sup>10</sup>.

Согласно другой иммунитетной грамоте из того же сборника ярлыков, тому же Саиду Захид-ходже вместе со многими другими сборами уступалась пилла—сбор с коконов шелковичных червей. Отсюда ясно, что население Караскана, Адака, Кизилрабада и Гоухана не только возделывало хлопок, но занималось и разведением шелковичных червей. Эти сведения дают возможность уточнить районы, где имелось местное сырье для развития двух основных видов ткацкого производства—хлопчатобумажного и шелкового.

С мельниц (асийа — *اسيا*; тигирман — *تگير من*) и маслобоек (джуваз-хана — *جواز خانه*) взимались специальные сборы, которые в более позднее время, а возможно и в XVI в., частично собирались в деньгах. В позднесредневековой Бухаре с мельниц, пользовавшихся водой из государственных каналов, взимались определенные сборы—«асийа-пули», а с толчеи «абджуваз-пули»<sup>11</sup>. Согласно двум ярлыкам, выданным карасканским сеидам, мельницы и маслобойни, освобождаясь от податных сборов в пользу их владельцев и сборщики налогов не должны были взимать что-либо с названных тигирман, асийа и джуваз-хана<sup>12</sup>. Производственные помещения крупных феодалов могли быть освобождены от налоговых сборов вообще, как это мы видим на примере нескольких мельниц в Ура-Тюбе, и принадлежать к категории мильки хурри холис, т. е. быть обеленными<sup>13</sup>.

<sup>8</sup> Макубат ва аснад, л. 1706.

<sup>9</sup> Хужжатлар, Док. 42/61.

<sup>10</sup> И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 341.

<sup>11</sup> А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Труды САГУ, серия II, вып. I, Ташкент. 1929, стр. 52.

<sup>12</sup> Хужжатлар, Док. 45/78, 47/113.

<sup>13</sup> А. Мухтаров. Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII—XIX вв. М., 1963, Док. 47.

Как выявляется из вакфной грамоты в пользу медресе Шейбани-хана, определенные сборы взимались с площади, примыкающей к мельнице. Здесь в вакф передается тагджа (тагиджай) мельничного здания ( *تاججا اسپاخانه* )<sup>14</sup>, которая приносила доход вакфному учреждению в виде платы за аренду места<sup>15</sup>. Термин тагджа встречается и в других источниках. Так, в одном из них говорится о предоставлении в аренду тагджа площади двора, относящегося к числу вакфов ханако, и о тагджа бани<sup>16</sup>. Данные этих источников показывают, что лица, пользовавшиеся местом на рынке, на участках земли при мельницах, банях и других подобных доходных местах, определяемых термином тагджа, уплачивали соответствующую плату владельцу участка земли в лице частного владельца, вакфного учреждения или государства.

Дополнительные сведения о содержании термина тагджа относятся к XIX в. Денежные сборы, взимавшиеся за пользование местом на базаре, в ведомости канцелярии туркестанского генерал-губернатора названы «тек'-джай (лавочный)». В 1874 г. сбор тагджа «вследствие дешевого предложения арендаторов» взимался «особыми сборщиками административного установленными» по 15 коп. в месяц с каждого торговца, получившего на базаре место для товара. В 1879 г. сбор тагджа на территории Туркестанского генерал-губернаторства был отменен с указанием «отдавать с торгов одни лишь весовые сборы»<sup>17</sup>. Сбор за базарные (торговые) места — тагиджай ( *تاججا، تاججاي* ) существовали и в Хиве XIX в.<sup>18</sup>

С ремесленного населения взимались и другие сборы, читгары, к примеру, платили определенную плату за пользование проточной водой; анализ одного из нишанов свидетельствует, что переписчики книг должны были вносить определенную плату — хакк-и китабат, специальному лицу, назначаемому государем<sup>19</sup>.

Широко практиковалось принудительное привлечение ремесленников-строителей к возведению зданий, мостов, прокладке дорог. На подобных работах могли использоваться неквалифицированные работники, обращение с которыми подчас было крайне жестоким.

Не лишне вспомнить здесь и факты, имеющиеся в одном из формуляров, согласно которым расходы на ремонтирование мечетей и ха-

<sup>14</sup> Вакф-наме, текст, стр. 180—187.

<sup>15</sup> Р. Г. Мукминова. К изучению среднеазиатских терминов тагджа, сукният, ички, стр. 127—128.

<sup>16</sup> Джамии ал-васаик, ркп. ЛО ИВ АП СССР, А—933, л. 79а, 79б, 80а.

<sup>17</sup> ЦГА УзССР, ф. И—1, оп. 11, д. 293, л. 15.

<sup>18</sup> П. П. Нванов. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением, Л., 1940, стр. 29, 137—138; И. М. Джаббаров. Ремесло узбеков южного Хорезма., стр. 77.

<sup>19</sup> Мактубат ва аспад, л. 376.

нако возлагались на окрестное население. За проведением в жизнь данного решения должен был следить мухтасиб, который нес и ряд других обязанностей<sup>20</sup>.

Принудительное привлечение населения на ирригационные работы отрывало от хозяйства огромное количество людей. Бадриддин Кашмири число мардикаров, мобилизованных на проведение оросительных каналов на поля джуйбарского шейха Ходжа Са'да, несколько раз определяет в 10 тыс. человек.

Тяжелым бременем была мобилизация в ханское войско. Оставив семью, хозяин должен был идти в ряды ополченцев. Как образно выразился поэт Мулла Шади, Шейбани-хан приказал в 1501 г. выступить в поход всем бухарцам «от семи до семидесяти лет», «хозяину и рабу», в результате чего «в Бухаре не осталось ни белых, ни черных»<sup>21</sup>.

В рукописях мы находим много строк о тяжелых наказаниях тех, кто уклонялся от мобилизации и участия в феодальных войнах: им отрезали уши, или водили вокруг лагеря.

В обычное же время воины набивались в войско по разверстке. Один из указов гласит, что Султан Мухаммед, происходивший из рода Ясави, обязан был ежегодно присылать с подвластного ему населения в государево войско двух вооруженных воинов, от всех остальных сборов и повинностей (в силу своего происхождения) он освобождался<sup>22</sup>.

Особенно тяжелыми были обложения во время войн, а после захвата города завоеватель, как правило, отдавал его на разграбление войнам. Практиковалось наложение на население выкупа за безопасность. В подобных случаях, заплатив за себя определенную сумму, горожане могли получить право не быть ограбленными. О таком случае завоевания одного из городов рассказал Бабур: «Не отдавая города на разграбление, мы обложили жителей выкупом за безопасность, собрали четыреста тысяч шахрухи деньгами и товарами, раздали добычу войнам согласно обычаю нукеров и возвратились в Кабул»<sup>23</sup>. При раскладке общей суммы контрибуции значительная часть платежа падала на долю мастеровых людей. Завоевав Герат в 1507 г., Шейбани-хан распорядился наложить на город контрибуцию. Простой народ и ремесленники (عامه رعایا و محترقان) должны были внести в казну завоевателя сто тысяч одномискальных тангача<sup>24</sup> (согласно Хондемиру, в то время одна тангача равнялась шести кепекским (кебекским) динарам<sup>25</sup>.

<sup>20</sup> Там же, л. 33а, 35а.

<sup>21</sup> Мулла Шади. Фатх-наме, л. 385.

<sup>22</sup> Махтубат ва аснад, л. 181б.

<sup>23</sup> The Babar-nama, л. 269а.

<sup>24</sup> Хондемир. Хабиб-ас-сийар, т. III, ч. III, стр. 358.

<sup>25</sup> Там же. Келекский динар—серебряная монета весом в два золотника. Золотник серебра приравнялся В. В. Бартольдом к двадцати пяти копейкам.

Своеобразным видом налога с ремесленников и мелких торговцев была арендная плата за лавку-мастерскую. В таких случаях мелкому производителю перепало лишь то, что он имел сверх арендной платы.

С отдельных слоев населения, возможно, лишь в определенные периоды, взималась подушная подать. Конкретный пример тому приводит Абулгази, описывая завоевательные действия Абдулла-хана II в Хорезме. В 1593—1594 гг., захватив Ургенч, Абдулла-хан приказал с каждого райята собрать по 30 танга-и бухари. Как фиксирует Абулгази, в то время одна танга Абдулла-хана оценивалась дороже одного золотого ашрафи. Многие жители Ургенча, не имея возможности расплатиться, вынуждены были бежать. Однако деньги тех, кто бежал, по приказу Абдулла-хана брали с других. Как отмечает Абулгази, было много таких, которые расплачивались, продав своих детей, сына или дочь. С десяти-пятнадцати человек, питавшихся с одного котла, брали по отдельности с каждого. Десятилетнего мальчика записывали как семью (буквально как «живущего в одном доме» — *بر اى لک*) и обкладывали податью — биргу (*بيرگو*). Подобные явления могли практиковаться в Бухаре и Самарканде при захвате их соседними феодальными правителями.

Одной из пошлин, от которой освобождались обладатели иммунитетных грамот, и которая обычно называется при перечислении сборов с купцов, является тамга<sup>27</sup>, определяемая В. В. Бартольдом как сбор с ремесла (в его определении «промышленности») и торговли. По словам исследователя, под тамгой понимали все налоги, взимавшиеся в городах с торгово-промышленных заведений вплоть до публичных домов включительно<sup>28</sup>. Тамга была известна во многих странах Востока. Отмечая важность тамги, Захириддин Бабур писал: «весь доход Кабула, какой есть, получается с тамги»<sup>29</sup>.

Тамга (*تامغا، طيغه، طامغه*) дословно означает клеймо, тавро, знак, налагаемый железом на лошадей и других животных. Это же слово означало гербовую печать, условный знак на грамотах и письмах вместо подписи или печати<sup>30</sup>. Махмуд Кашгарии писал: «тамга (*تیمغا*) шахов и других: печать»<sup>31</sup>.

<sup>26</sup> Абулгази Бохадур-хан. Тарих шаджара-и тюрк, Казань, 1891, стр. 172.

<sup>27</sup> О содержании термина см.: Махмуд Кашгарий. Тюркий сүзлар девони, т. I, стр. 400; Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, стр. 729—730.

<sup>28</sup> В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, Соч., т. IV, М., 1966, стр. 332.

<sup>29</sup> Бабур-наме, стр. 185.

<sup>30</sup> Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, стр. 729—730.

<sup>31</sup> Махмуд Кашгарий. Тюркий сүзлар девони, т. I, стр. 400.

Большой доход приносила тамга, собираемая в Самарканде и Бухаре во второй половине XV в. Тамга при Тимуридах несколько раз отменялась, но выгодность этого сбора не позволяла феодальным правителям отказаться от нее полностью, поэтому через некоторое время сборы тамги вновь возобновлялись<sup>32</sup>.

Ко времени правления Шейбанида Абдулла-хана II относится указание Хафиза Таныша о взимании тамги с купцов на границе с Индией<sup>33</sup>.

Как и доходы с земельных владений и других недвижимостей, тамга могла быть уступлена верховным правителем отдельному лицу, каким выступал обычно крупный феодал, сосредоточивший в своих руках не только экономическую, но и политическую власть. Это особенно проявлялось в периоды децентрализации, когда государь вынужден был временно уступить тамгу в пользу отдельных беков. Например, брат известного в конце XV — начале XVI в. удельного правителя Хусраушаха (убит в 1506 г.) Баки-бек Чаганиани получал всю тамгу Кабула<sup>34</sup>, хотя государем тех областей тогда номинально считался Бабур.

Другой известный тимуридский правитель, Султан Хусейн-мирза, впоследствии глава большого в значительной степени централизованного государства, пожаловал одному из эмиров — Бехбуд-беку — право ставить на тамге свое имя. Отмечая этот случай, Захириддин Бабур пишет: среди эмиров Султана Хусейна «еще был Бехбуд-бек. Сначала он служил в отряде телохранителей. В дни казачества его услуги понравились Мирзе, и Мирза оказал Бехбуд-беку такую милость: на тамге и на монетах стояло его имя»<sup>35</sup>.

Имя Бехбуд-бека, без сомнения, именно этого, сохранилось на дошедших до нас нескольких памятниках прикладного искусства. Это небольшая агатовая чаша полусферической формы, где проставлена и дата: 876 г. х. (1471-1472 гг.). Имя Бехбуд-бека известно также по группе бело-голубого, определяемого доктором Эрнстом Грубе как «китайский», фарфора в коллекции из Ардебилля. Его имя обозначено, кроме того, на «небольшом овальном светло-зеленом нефритовом кубке с ручкой в виде пантеры и на небольшом круглом зеленом нефритовом кубке с изображением двух пантер или драконов вокруг него, которые находятся в Тегеране»<sup>36</sup>.

<sup>32</sup> Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи. Рашхат-и айни-л-хайат, стр. 298, 300—301; Бабур-наме, стр. 185; В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 133, 156, 171. Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в., стр. 33, 38—39.

<sup>33</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 451а.

<sup>34</sup> Бабур-наме, стр. 185.

<sup>35</sup> Там же, стр. 202.

<sup>36</sup> Эрнст Грубе. Декоративное искусство эпохи Тимуридов в Центральной Азии, Доклад на Международном симпозиуме по искусству Центральной Азии в эпоху Тимуридов, Самарканд, 1969. Ссылка на рукопись делается с согласия автора.

Как видим, Бехбуд-бек был одним из богатейших людей своего времени, в пользу которого шли сборы с тамги. Можно думать, что печать с именем Бехбуд-бека, о чем сообщает Захириддин Бабур, давала ее владельцу сборы с торговли и ремесла, именовавшиеся тем же термином, каким определяется и сама печать,— тамгой<sup>37</sup>. Именно поэтому Бабур и мог определить этот поступок Султана Хусейна как «такую милость...»<sup>38</sup>, как нечто очень доходное и обычно поступавшее в пользу казны.

Тамга взималась не только на месте реализации товаров, но и при перевозке их. Когда Бабуру нужно было сплотить все силы в борьбе против Рана Саиға, он «подарил мусульманам» тамгу. «Мы сложили с мусульман тамгу во всех землях, хотя власти прежних времен всегда взимали ее, — пишет он, — ибо это выходит за пределы постановлений господина посланных; и вышел приказ не брать и не взимать тамги в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах»<sup>39</sup>. Цитируемое место из «Бабур-наме» говорит о том, что «на дорогах, путях, переправах и плотинах» взималась тамга, т. е. производился многократный сбор одной и той же пошлины. Общая ее сумма в данном случае была довольно значительной. В то же время, судя по нашим документам, дорожные пошлины и сборы за переправы через реки имели и свои конкретные наименования: рахдари, кештибани и др.<sup>40</sup>. Видимо, в зависимости от места и времени (на протяжении XV—XVI вв.) содержание термина тамга могло иметь разные оттенки. Но, несомненно, тамга всегда приносила феодальным правителям большие доходы.

Исходя из того, что в перечне податей, от которых освобождались транзитные товары купцов, тамга ставится не на первое место, можно предположить, что в отдельные периоды (возможно лишь в некоторых местностях) тамга была не единственным сбором с торговли. В подобных случаях доля ее в общей сумме налоговых сборов была, видимо, невелика.

В цитированных нами источниках тамга упоминается как один из многочисленных специальных сборов с торговли и ставится рядом с пошлинами за переправу через реки, дорожные и другие мелкие сборы, каждый из которых имел конкретное значение. Из других контекстов выявляется, что термин тамга мог включать в свое содержание сборы «в городах и селениях, на дорогах, путях, переправах и плотинах», т. е. служить собирательным обозначением для целого ряда обложений, налагаемых на торговлю, каждый из которых мог иметь свое собственное наименование.

<sup>37</sup> Бабур-наме, стр. 185, 360.

<sup>38</sup> Там же, стр. 202.

<sup>39</sup> Там же, стр. 360.

<sup>40</sup> Мактубат ва аснад, л. 171а.

В числе сборов с торговли наши источники называют закят. В одном из нишанов, предназначенных для предоставления тарханских прав привилегированным купцам, в числе торговых и дорожных сборов перечисляются: бадж, хардж-у-ихраджат, тамга, закят, саугат, саламана, пишкаш, даругаги, хидматана и другие более мелкие сборы. В другом нишане называются бадж, закят, хардж, тамга и прочие.

В нишане, выданном на имя паломников Ходжа Сайфиддина и Ходжа Низамиддина, направлявшихся в Мекку, в числе таможенных пошлин упоминается закят. Понименные ходжи освобождались от баджа, харджа, тамги, закята, а также от привлечения к выполнению повинностей улаг, как самими ходжами, так и их нукерами<sup>41</sup>. Пример использования термина закят вместе с тамгой мы находим и в «Хабиб ас-сийар» Хондемира. Последний, описывая обострившиеся противоречия между Мирзой Улугбеком и его сыном Абдуллатифом, отмечает, что первый из них проявлял усердие в сборах тамги и закята<sup>42</sup>, т. е. и здесь тамга и закят использованы как два сбора. Можно предположить, что в XV—XVI вв. (ибо отдельные документы из сборника «Мактубат ва аснад» относятся и к XVI столетию) термин закят<sup>43</sup> использовался для обозначения одного из видов обложения торговли, который взимался наряду с другими сборами, в том числе и тамги<sup>44</sup>. Однако, приведенные данные позволяют отметить, что в XV в., а возможно и в XVI, термины закят и тамга использовались для обозначения разных видов торговых сборов и каждый из них имел самостоятельное значение. Вполне возможно, что так обстояло дело только на территории государства Шейбанидов, и одновременное использование в разных значениях двух этих терминов имело силу лишь в определенные периоды. Однако можно также предположить, что в некоторых текстах термины закят и тамга использованы как синонимы.

Среди торговых пошлин называется также сбор бадж, который В. В. Бартольд определяет как «городская подать». При переводе ярлыка он передает его также словом «пошлина»<sup>45</sup>. Термин бадж в литературе в общем хорошо известен и обычно рассматривается как дорожная пошлина. Однако исследование текста нишанов помогает несколько расширить эти сведения. Интересна грамота, предназначенная на освобождение его владельца-купца, называемого «ходжей», от уплаты в пользу казны баджа, харджа, закята, тамги, саугата, салами, пишкаша, рахдари и кештибани<sup>46</sup>.

<sup>41</sup> Там же, л. 78а, 170б, 171а.

<sup>42</sup> Хондемир. Хабиб ас-сийар, т. III, стр. 157.

<sup>43</sup> Здесь мы не останавливаемся на термине закят в значении сборы со скота и другого вида имущества.

<sup>44</sup> См. И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения, стр. 386.

<sup>45</sup> В. В. Бартольд. Надпись на стене андийской мечети., стр. 318, 319, 333.

<sup>46</sup> Мактубат ва аснад, л. 171а.

Упоминание в одном и том же нишане терминов бадж и рахдари позволяет считать, что эти два сбора были разными видами дорожных пошлин.

В Средней Азии времен феодальной раздробленности отмечена практика взимания баджа с купцов при переходе их из одной области в другую. По указу, датированному 987 г. х. (1579—1580 гг.) и составленному от имени Абулхайр-хана (Баба-хана, сына Науруз Ахмед-хана), сборщикам палого, возчикам, лодочникам, государственным чиновникам и тускаулам предписывалось не брать бадж с мутаваллия Саида Али, направлявшегося в Андижан. Значит при Шейбанидах даже при переходе купцов из Ахсикента в Андижан с них взимался бадж<sup>47</sup>.

Надо полагать, что бадж, как и тамга, должны были уплачивать не только купцы, но и ремесленники, а также крестьяне, привозившие в город хлопок, шелк, шерсть, хлеб, фрукты, овощи, продукты скотоводства<sup>48</sup>. Это свидетельство того, как трудно было доставлять продукты на рынки ремесленнику и крестьянину, не владевшему охранными грамотами и не имевшему возможности платить многочисленные торговые пошлины.

Твердо установленного размера сборов бадж, как и других торговых пошлин, вероятно не было, во всяком случае никаких конкретных указаний на этот счет в письменных источниках не существует. Относительно XIX в. А. А. Семенов отметил, что «отсутствие определенных ставок баджа и взимание его в связи с чисто местными обстоятельствами и правилами вносили немалую путаницу в товарный вопрос, как транзитного порядка, так и внутреннего значения»<sup>49</sup>.

В числе сборов с торговли в нишанах называется также пишкаш. Пишкаш был формально добровольным, но фактически обязательным подношением (в виде денег, драгоценностей, рабов, коней, тканей, одежды, оружия и других предметов, приобретенных на средства, собранные с ра'ийатов), обычно представлявшимся сановниками феодальному правителю<sup>50</sup>. О поднесении пишкаша ханам в начале XVI в. сообщают Мухаммед Салих и анонимный автор «Таварих-и-гузида». По нашим документам этот сбор взимали также с купцов и путешественников, с лиц, проводивших торговые операции в разных местах.

<sup>47</sup> А. Жуванмардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир, стр. 59; Хужжатлар. Док. 110/85.

<sup>48</sup> Относительно Азербайджана и Армении это же отметил И. П. Петрушевский в кн. «Очерки по истории феодальных отношений...», стр. 294.

<sup>49</sup> А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства, стр. 51.

<sup>50</sup> И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949, стр. 281; Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 96—97.

Послы государя — ильчи, его сокольничии — купчи, глашатаи — таваджи, как и многие другие государственные чиновники, могли на торговых трактах забирать у купцов тягловых животных и использовать их для административных дел, ссылаясь на то, что купцы обязаны выполнять повинность улаг, т. е. предоставлять перевозочные средства для транспортирования. Следовательно, повинность улаг была обязательной не только для земледельцев и рядовых горожан, но и для торговцев. Ее выполнение было обязательным не только для местных жителей, но и для проезжих, из чего можно заключить, что этой повинностью могли облагать несколько раз. От нее удавалось освободиться лишь отдельным привилегированным лицам из феодальной знати.

С местных и иноземных купцов, ведущих торговлю с другими городами и странами, взимался также саугат (سوغات) — обязательное подношение, привезенное в подарок из путешествия («Взяли у купцов кое-что в качестве подарка»), салами (سلامی), саламана (سلامانه) — сборы для расходов по случаю приема у государя, хидматана (خدمتانه) — подношение правительственному чиновнику<sup>51</sup>.

Хафиз Таныш упоминает о сборах бадж, тамга и хардж, взимавшихся с купцов при пересечении ими границы государства. Более подробный список торговых пошлин приводится в нескольких нишанах, копии которых включены в сборник «Мактубат ва аснад». В нишанах, предназначавшихся для предоставления тарханских привилегий купцам, перечисляются сборы, от которых освобождались последние. В их числе называются бадж, хардж-у-ихраджат (хардж ва ихраджат), тамга, закят, саугат, саламана, пишкаш, даругаги, хидматана, *باج و خراج و اخراجات و تبغا و زکوة و سوغات و سلامانه و پیشکش و داروغگی و خدمتانه*<sup>52</sup>.

В формуляре, предназначавшемся для предоставления налогового иммунитета крупному купцу, перечисляются бадж, хардж, закят, тамга и прочие обязанности, которые далее определяются как «упомянутые ихраджат». По нишану с кулца запрещается требовать саугат, салами (سلامی) и пишкаш, а капитаны судна (کشتی بانان) и сборщики подорожных сборов (راهداران) не должны были взимать с него транзитные пошлины за дороги и водные пути (کشتی بانی) и требовать чего-либо за то, что пожелали ему доброго пути<sup>53</sup>.

<sup>51</sup> Бабур-наме, стр. 241; Мактубат ва аснад, л. 776, 1706.

<sup>52</sup> Хафиз Таныш. Абдулла-наме, Д-88, л. 45а; Мактубат ва аснад, л. 78а.

<sup>53</sup> Мактубат ва аснад, л. 1706—171а.

В упомянутом сборнике имеется также маншур, составленный на имя Ходжа Ильяса Челеби, согласно которому административные лица и сборщики податей не должны брать с товаров упомянутого ходжи хардж и тамгу, а также саугат, саламана, пишкаш и хидматана<sup>54</sup>.

В данном маншуре в отличие от многих других копий указов и образцов для их составления, помещенных в «Мактубат ва аснад», называется место действия — Туркестан и Хорасан<sup>55</sup>. Из маншура видно, что в этих странах с тех, кто не имел охранной грамоты, взимались хардж, тамга, саугат, саламана, пишкаш, хидматана.

В одном из нишанов предусматривается также освобождение купца от взимания «чего-либо» за то, что сборщики дорожной пошлины (рах-даран) и сборщики пошлины на переездах через реки (кештибанан) пожелали доброго пути (سلامت راه گويان جيزی تطلبند). Согласно этому нишану, сборщикам закята и сборщикам тамги запрещается открывать товары купца и требовать с него плату за «неизвестный» груз. Значит сборщики пошлин осматривали содержание транзитных грузов и лишь в отдельных случаях не проверяли их, за что, т. е. за «неизвестный» товар, полагалось платить особый сбор.

Таможенники и другие люди государя могли задерживать торговцев и ремесленников, не владевших привилегиями, могли наказывать их физически. Последнее выявляется из того же нишана, где предписывается не задерживать владельца данной тарханной грамоты и пропустить его «здоровым и невредимым». По данному нишану государь повелевает чиновникам оказывать ходже содействие «в опасных местах», что вместе с перечисленными льготами подчеркивает особо привилегированное положение купца и позволяет предположить, что он вел торговлю не только своими товарами, но и товарами правителя. Можно считать, что государь, разрешавший выдачу охранной грамоты, был тесно связан с этим купцом.

Исследование цитированных нишанов позволяет составить общий список сборов, взимавшихся с транзитных товаров купцов, не имевших тарханной и другого вида иммунитетных грамот: бадж, хардж, хардж-у-пхраджат, тамга, закят, пишкаш, даругаги, рахдаран, кештибанан, айанда ва раванда, сборы за пожелание счастливого пути и другие мелкие сборы, связанные с местными обычаями и обстоятельствами.

Попытки феодальных правителей подчинить торговлю, особенно международную, отразились в одном из указов, по которому все купцы (туджар), откуда бы они не пришли, должны были все дорогие мануфактурные товары ( ) принести на обозрение специальному лицу, назначенному государем. Тот по желанной ему цене мог

<sup>54</sup> Там же, л. 1726.

<sup>55</sup> Там же, л. 1706.

приобрести для государя все из того, что имел купец, последний же не должен был утаивать что-либо из своих товаров. До этого чиновника никто не мог покупать у купца что-либо из его вещей<sup>56</sup>.

Таким образом, обширный список податей и повинностей, позлававшихся на купцов, не имевших иммунитетных грамот, включал кроме податей общегосударственного значения и местные сборы, что значительно тормозило развитие внутренней и внешней торговли в стране. Таможенные налоги и сборы препятствовали передвижению купечества и товаров с одного места на другое, равно как и установлению более прочных экономических связей между областями.

Как видно из цитированных документов, богатым и влиятельным купцам путем специальных тарханских грамот удавалось освобождаться от обязанности подносить нишкеш, от взимания тамги, закята, баджа и других сборов, обязательных для лиц (составлявших большинство торговцев), не владевших иммунитетными грамотами. Мелкие торговцы и ремесленники, не имевшие охранных грамот, постоянно страдали от всяческих бесчинств, так как «чтобы заполнить дырявую казну, применялись самые утонченные ухищрения финансового искусства»<sup>57</sup>. Феодалы правители и их чиновники притесняли купцов, не имевших привилегий, постоянно вмешивались в производственную деятельность ремесленников и в частности торговлю, контролировали их. Крупные торговцы, и особенно те из них, кто торговал не только от себя, но и по поручению государя, выполняя торговые операции под диктовку последнего, наделялись по сравнению с непривилегированными купцами исключительными правами, пользовались покровительством владетельного феодала.

Все это говорит о существовании разных категорий купцов, о делении их на привилегированных и непривилегированных, о наличии противоречий между отдельными их группами. Однако эти противоречия не были столь острыми, чтобы могли помешать объединиться им в нужный момент в борьбе с городскими низами, ибо экономические и классовые интересы их в общем-то были едиными.

Тяжесть торговых и дорожных сборов для рядовых торговых людей заключалась не только в величине, но и в их обилии. Вымогательства со стороны государства и чиновников были постоянны.

Все это говорит о том, что в среднеазнатских городах XVI в. не было гарантий неприкосновенности личности и имущества ремесленников и торговцев. В. В. Бартольд справедливо отметил, что отсутствие

<sup>56</sup> Там же, л. 306.

<sup>57</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 349.

всяких гарантий от новых взысканий с налогоплательщиков приводило к разорению страны<sup>58</sup>.

В то же время данные из документов позволяют предположить, что обширность списка податей объясняется отчасти тем, что в их число включены и разные местные сборы, обязательные в одной местности и не практиковавшиеся в другой. Кроме того, один и тот же термин мог отражать и один конкретный сбор и общее обозначение податей.

Сборы взимались в одних случаях в деньгах (гуза-пули, подушная подать с населения Ургенча), в других — натурой (сборы с шелка, привозившегося в город из области). Неизвестно, как часто эти сборы собирались. Для более позднего времени имеется конкретное указание о ежедневных денежных сборах с мастеров, изготавливавших сита.

В деньгах (целиком или частично) взимались сборы с торговых лавок, базаров, караван-сараев, бань.

Как уже упоминалось, иммунитетные грамоты на предоставление налоговых льгот несколько не облегчали положения основных производителей. Лишь в силу чрезвычайных обстоятельств, чтобы оградить население от полного разорения, а себя от возможных выступлений народа, для приобретения поддержки горожан и т. п. отдельные султаны и ханы издавали указы об освобождении от тех или иных налогов части населения (какого-либо города или области). Такие указы обычно высекались на специальных плитах и вделывались в стены общественных зданий.

При феодальной раздробленности шейбанидского государства единой системы обложения таможенными сборами придерживались далеко не всегда. Между тем, огромные доходы, которые приносила торговля, заставляли некоторых из правителей делать определенные усилия для создания условий хотя бы относительно нормального ее развития.

Попытки упорядочить торговые сборы, а также мероприятия по улучшению дорог, строительству торговых заведений, мостов, караван-сараев, расширение связей с другими странами, в частности, с Россией во второй половине XVI в. в условиях общего произвола лишь частично благоприятствовали развитию ремесла и торговли.

Лишь незначительная доля доходов, поступающих от податных сборов, использовалась в форме общественно-полезных сооружений — мостов и оросительных каналов, ремонта и проведения дорог. Высказанное К. Марксом суждение о средневековой Индии хорошо иллюстрирует это положение. «При оценке налогового бремени, — писал К. Маркс, — следует учитывать не столько его номинальную сумму, сколько способ взимания и расходования налогов... Что же касается расходования собранных налогов, то достаточно сказать, что ни еди-

<sup>58</sup> В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене анлийской мечети..., стр. 327.

ная доля их не возвращается народу в форме общественно-полезных сооружений, более необходимых в азиатских странах, чем где бы то ни было, и что... правящий класс нигде так непомерно не наживается, как в Индии»<sup>59</sup>.

Многочисленные налоги и торговые пошлины, тяжелый гнет феодального государства особенно губительно отражались на положении ремесленников и мелких торговцев, на развитии города в целом.

Жизнь трудящихся масс особенно ухудшалась во время набегов соседних правителей, феодальных междоусобиц и осады города новым претендентом на власть. В такие дни ремесленники и городская беднота (многочисленные термины, использовавшиеся для их обозначения, были приведены выше) принимали деятельное участие в борьбе с феодальными захватчиками. Расправа последних с активными участниками обороны города (например, с ткачем Девана Джамабафом) нашла отражение на страницах сочинений современников.

Временами население восставало против местных правителей, но были такие случаи, когда ремесленники и городская беднота выступали не только против феодальных властей, но и зажиточных горожан. Один из подобных примеров относится к самому началу XVI в.

В Самарканде в 1501 г. в результате продолжительной осады начался голод. Торговцы повысили цену на хлеб. Изголодавшиеся, измученные люди стали нападать на хлебные лавки и пытались «захватить хлеб путем насилия»<sup>60</sup>. Специальные отряды, выставленные для расправы, не могли справиться с взбунтовавшимся народом и феодальные власти вынуждены были принять ряд других мер, в том числе и изгнание из города «бедных и нищих», не имевших запасов питания<sup>61</sup>.

Наиболее организованное выступление наблюдается в начале столетия в Каракуле. Здесь восставшие уничтожили гарнизон и установили в городе свою власть во главе с «нищим» (гадай), т. е. представителем городской бедноты. Нам не известны все подробности действий каракульцев, поднявшихся на борьбу с феодальными властями, но причисление руководителя этого движения к беднейшим слоям населения, как и некоторые другие обстоятельства, свидетельствуют о важной роли городских низов в выступлениях в Каракуле.

Волнения городской бедноты и активное участие ремесленников в общей классовой борьбе прослеживается на протяжении всей истории позднего средневековья, однако многие конкретные данные о выступлениях трудовых людей ждут еще новых исследований.

<sup>59</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 531—532.

<sup>60</sup> Мулла Шади. Фатх-наме. л. 433, 434.

<sup>61</sup> Р. Г. Мукминова. Народные движения...

## СОКРАЩЕНИЯ

- ВИ — Вопросы истории  
ГПБ — Государственная Публичная библиотека  
ДАН — Доклады Академии Наук  
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества  
ЗИРГО — Записки Русского географического общества  
ИАН — Известия Академии наук  
ИЗ — Исторические записки  
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана  
ИООН — Известия Отделения общественных наук  
ИРГО — Известия Русского географического общества  
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР  
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР  
ЛИУ — Литература и искусство Узбекистана  
МИУТТ — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР  
НАА — Народы Азии и Африки  
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане  
ООН — Отделение общественных наук  
СА — Советская археология  
САГУ — Среднеазиатский Государственный Университет  
СВ — Советское востоковедение  
СВР — Собрание восточных рукописей  
СЭ — Советская этнография  
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник  
ТОВЭ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас Сефевид. шах 29, 122  
 Абди, маулана, изв. как Пичакчи 107  
 Абдулазиз-хан, Аштарханид 78, 103  
 Абдулазиз Баходур-хан, Шейбанид 12, 13, 20, 33, 80, 202  
 Абдуллатиф-хан, Шейбанид 17  
 Абдуллатиф, Тимурид 210  
 Абдулла, сын Муллы Баглаки, устод 74  
 Абдулла-хам II 23, 24, 31—34, 38, 86, 94, 112, 119, 122-125, 139-140, 168, 169, 207, 208  
 Абдуллаев Т. А. 6, 114  
 Абдулмумин-хан, Шейбанид 138  
 Абдураимов М. А. 6, 200  
 Абдурахман Джами 54, 57, 86, 95  
 Абд-ур-Рауф 52  
 Абу Али ибн Сина 90, 99  
 Абу Бакр Мухаммед ибн Джафар Наршахи 58, 88  
 Абдулгази Баходур-хан (Абдулгази, Абдулгази, Абыл-Гази) 59, 60, 72, 207  
 Абу-л-Фазл Бейхаки 53  
 Абулфайз-хан 202  
 Абулхайр-хан (Баба-хан, сын Науруз Ахмед-хана) 120, 211  
 Абу Саид, султан 128  
 Аваз бика, дочь Устода Шира 74  
 Азимджанова С. А. 21, 41, 169, 200  
 Ак-бегим, дочь Султана Ахмед-Мирзы 165  
 Алача-хан (Ахмед-хан) 129  
 Александр Македонский 120  
 Алексей Михайлович, царь 60, 72, 103  
 Али-Заде А. А. 180  
 Али-Кули, устод 120, 121  
 Али Мурад чухра-окаси 72  
 Али ибн Хусейн ал-Ва'из ал-Кашифи 127, 131-132, 208  
 Али Портной 174  
 Алишер Навои 12, 22, 25, 28, 46, 57, 69, 86-88, 90, 95, 96, 99, 103, 120, 125, 134, 145, 170, 174, 187-189  
 Алла-Кули, сын Ходжим Берди 168  
 Андреев М. С. 4, 26, 47  
 Антоний Дженкинсон 24, 34, 70, 71, 78, 119, 120, 146, 191, 192, 198, 199, 202  
 Араб-хан 53  
 Атаулла ибн Фазлулла 90  
 Аурангзеб, шах 103  
 Ахмед 100  
 Ахмедов Б. А. 211  
 Аштарханиды 10  
 Ашурбейли С. Б. 122  
 Бабур, см. Захриддин Мухаммед Бабур  
 Бадиуззаман-мирза 12, 47  
 Бадриддин Кашмирн ибн Абдуссалам ал-Хусейни 24, 34, 35, 125, 131, 135, 136, 138-140, 185, 191, 195, 206  
 Баки-бек Чаганиани 208  
 Баки, сын Устод Дуста, устод 168  
 Балков В. К. 4  
 Балков Чобак 72  
 Бартольд В. В. 4, 9, 11, 58, 61, 62, 70, 132, 180, 200, 206-208, 210, 215  
 Беверидж А. 20  
 Бек Мухаммед, усто 90  
 Беленицкий А. М. 5, 11, 12, 40, 52, 58, 71, 76, 118, 120, 143, 156, 164, 170, 180, 191, 196  
 Бентович И. Б. 5, 40, 58, 76, 164, 191, 196  
 Бехбуд-бек, эмир 208, 209

- Биби-Саусан, дочь Абдурахима 55, 63, 191  
 Богданов Захарий 199  
 Богоявленский С. К. 125  
 Болдырев А. Н. 5, 14, 22, 48, 98, 108, 132, 146, 159, 172, 174  
 Большаков О. Г. 5, 40, 164, 191, 196  
 Борис Годунов 94, 116, 124  
 Bguls I. 6, 114  
 Будагов Л. З. 69, 126, 127, 207  
 Булатов М. С. 85, 105, 109  
 Буряков Ю. Ф. 109, 113, 141
- Vambegu H. 21  
 Вамбери А. 52, 97, 100  
 Вархар В. Е. 94  
 Васильчиков Григорий 122  
 Васифи, см. Зайниддин Махмуд Васифи  
 Введенский А. А. 199  
 Westphal—Hellbusch S. 6, 114  
 Вильданова А. Б. 164  
 Вуллерс 61  
 Wulff Hans E. 8, 109, 110  
 Вяткин В. Л. 10, 18, 19, 51, 57, 61, 100, 106, 139
- Гаврилов М. Ф. 4, 27, 28  
 Галеркина О. И. 107  
 Гафуров Б. Г. 6, 150, 151, 165, 180, 200  
 Гейдаров М. 164  
 Гиясиддин 48  
 Гиясиддин Хондемир 24, 30, 92, 206, 210  
 Гражданкина Н. С. 137  
 Греков Б. Д. 180  
 Григорьев В. В. 88  
 Григорьев Г. В. 5, 95, 99, 100, 101, 183  
 Гулям Али, устод 105, 173  
 Гулямов Я. Г. 2, 8
- Давидович Е. А. 6, 15, 16, 18, 41, 50, 63, 104, 106, 112, 133, 141, 165, 167, 177, 197, 198, 200  
 Давлат-Мамед (Давлат Мамет) 59, 72  
 Даль В. 47  
 Дарский Э. 85  
 Дарья-хан, сын Шейха Са'аддина Мултани 36, 37, 40, 44, 62, 63, 73, 166, 167, 187  
 Даудов В. А. 72, 103  
 Девана Джамабаф 21, 30, 186, 216  
 Дервиш Мухаммед ибн Дуст Мухаммеда Бухари 83  
 Джаббаров И. М., 6, 184, 205  
 Джабраил 85  
 Джалиловз Р. П. 24
- Джалма, сын Мухаммед Юсуфа, устод 168  
 Джан Вафа-бий 31  
 Джаухар, сын Абдуллы, устод 55, 63, 191  
 Дженкинсон см. Антоний Дженкинсон  
 Джуйбари, шейхи 15, 16, 39, 136  
 Долинская В. Г. 85  
 Доновна К. В. 71  
 Достум 124  
 Дуст Мухаммед-бий 31  
 Дуст Тиргарани, устод 168
- Ева 94  
 Егани А. А. 202  
 Ершов Н. Т. 6  
 Ефремов Филипп 56, 57, 73
- Жуванмардиев А. 20, 200, 211
- Завадовский Ю. Н. 53  
 Зайниддин Махмуд Васифи 14, 15, 21, 22, 25, 28, 33, 43, 46-48, 54, 55, 57, 69, 98, 105, 108, 111, 114, 125-127, 130-134, 139-143, 145, 146, 159, 170, 172, 174, 192, 195, 196  
 Захириддин Мухаммед Бабур 20, 21, 30, 32, 38, 53, 69, 78, 91, 96, 115, 116, 119-121, 124, 127-129, 131, 133, 134, 140, 141, 144, 145, 150, 164, 169, 190, 192, 194, 206-209  
 Зияев Х. З. 185  
 Зотов П. Д. 95, 97
- Ибадулла 117  
 Ибн Али Саббаг, сын Устода Ходжи Мухаммеда Му'аззина 81  
 Ибн Араб-шах 143  
 Ибн Хаукаль 64  
 Ибрахим Сару Минглик, эмир 115  
 Ибрахим Хусейн-мирза 145  
 Иванов П. П. 5, 11, 15, 16, 38, 68, 93, 125, 178, 191, 201, 205  
 Иерусалимская А. А. 58  
 Имам-Кули-хан 60, 72  
 Исмаил Сефевид, шах 139, 143  
 Иностранцев К. 55  
 Иост Амман 101
- Кадиш 59, 124  
 Кадыров Мухаммед Али 101  
 Кал Кошик 30  
 Камалиддин Бехзад 43, 85, 86, 95, 173  
 Камалиддин Зикрия 36, 75, 170, 203  
 Камал, устод 108, 172  
 Касымов Мухаммед Юсуф 72, 103  
 Кверфельдт Э. К. 66

- Кельди Мухаммед, Шейбанид 145  
 Кемпфер 122  
 Кикнадзе Р. К. 180  
 Кириллова Л. П. 124, 162  
 Кичик, сын Джани 168  
 Кичик, сын Муллы Курбана, устод 168  
 Клавихо см. Рюи Гонзалес де Клавихо  
 Клейн В. 4, 53, 58, 61, 67, 70, 71  
 Казн-бей Ногай 56  
 Кондратьев А. Н. 52  
 Кононов А. Н. 22  
 Кононов В. Н. 46  
 Костыгова Г. И. 29, 83, 96  
 Кулбаба Кукельташ 38, 168  
 Кул Мухаммед 51  
 Кучак, сын Устод Джан Али, устод 51  
 Кучкунчи-хан 33, 200  
 Куция К. К. 162, 164  
 Кушакевич А. А. 92
- Лахури Читгар, сын Лалю 62, 167  
 Левина В. А. 140  
 Ленин В. И. 3, 8, 43, 76, 147, 151, 155,  
 167, 172, 175, 177, 197  
 Литвинский Б. А. 6  
 Ляхачев Н. П. 97  
 Лыкошин Н. 58
- Маддуд Казар Мултани, сын Муллы Мухаммеда Мултани 63, 166  
 Максимов 100  
 Максуд 145  
 Малик, сын Устода Бабы, устод 168  
 Малкин И. Т. 101  
 Манучехр Сотуде 23  
 Марина 59  
 Маркс К. 8, 26, 44, 45, 77, 152, 160, 163,  
 176, 181, 185, 192, 214, 216  
 Массон М. Е. 5, 110, 141  
 Махкамова С. М. 6  
 Махмуд Кашгари 46, 64, 69, 207  
 Махмуд Султан 31, 139  
 Махмуд ибн Исхака аш-Шихаби 83  
 Махмуд, сын Устода Султана Мухаммеда Касагара Гиждувани 82  
 Махмудов Н. 200  
 Мелиоранский П. М. 21  
 Месхиа Ш. А. 162, 164  
 Мец А. 95  
 Миракон Шохи 142  
 Мирза 182  
 Мирза Мухаммед Джуки 105  
 Мирза Салим, сын Маулана Ибрахима Сад-  
 ра 75, 76, 189
- Мирза, сын Устода Хусейна 168  
 Мирза Улугбек 189, 210  
 Мир Али Херави 83  
 Мир Ибрахим 97, 98  
 Мир Мухаммед Амин-и Бухари 138  
 Мир Мухаммед, сын Кутлук Мухаммеда  
 55  
 Мир Пир Мухаммед, сын Мир Мухаммеда  
 168  
 Миронов А. М. 5, 65, 67, 90  
 Мир Убайд 98  
 Мирхасплов А. 120  
 Мир Шафи' 98  
 Михаил Федорович, царь 50, 56, 71, 72  
 Михр-Султан-ханум 16, 38, 98, 102, 128,  
 142, 146, 165, 166, 180  
 Могол Раингрез, устод 81  
 Молчанов А. А. 200  
 Монн 85  
 Мубарак-Кадам Саббаг, сын Абдуллы 81  
 Музаффар Хусейн 47  
 Мукминова Р. Г. 2, 6, 15, 16, 18, 21, 26,  
 33, 42, 75, 81, 95, 102, 139, 142, 165, 175,  
 178, 201, 205, 216  
 Мулла Баки, сын Яр Мухаммеда 114, 168  
 Мулла Джамал Читгар 62  
 Мулла Зияуддин, сын Муллы Абдуллы 168  
 Мула-зода Переплетчик 143  
 Мулла Маирам, сын Шамухаммеда 167  
 Мулла Мирза Али Сузангар, устод 107  
 Мулла Мир Мухаммед Хусейн Афшангар  
 80  
 Мулла Мухаммед Санд, сын Низамиддина  
 81  
 Мулла Науруз, сын Муллы Паянда 110,  
 181, 182  
 Мулла Раджуи Мултани 53  
 Мулла Тимур, сын Муллы Джан Мухамме-  
 да 117  
 Мулла Турсун, сын Муллы Ходжи 168  
 Мулла Фарух (Хаджи Фарух) 72, 103  
 Мулла Фатхулла, сын Муллы Якуба Мулт-  
 тани 63, 166  
 Мулла Хусейн, сын Муллы Мултани 63,  
 166, 187  
 Мулла Хусейн, сын Муллы Хасана 36,  
 167  
 Мулла Шади 31, 195, 206, 216  
 Мулла Яр Мухаммед Саббаг, сын Мир  
 Дервиша 81, 176  
 Мухаммед Абгинагар, маулана 141  
 Мухаммед Али 58—59, 65, 112, 123, 124  
 Мухаммед Амин Баходур (Эмин-Нога-  
 тырь) 47, 50, 56, 60, 65, 67, 89, 94

- Мухаммед Вафа-и Карминаги 50  
 Мухаммед Ислам, шейх 52  
 Мухаммед Касим, сын Устода Тамли(?) Мухаммеда, устод 51  
 Мухаммед Мумин 12  
 Мухаммед Мумин Джибатаб, устод 117  
 Мухаммед (пророк) 26  
 Мухаммед Салих 21, 22, 30, 35, 40, 54, 112, 115, 116, 119, 122, 124, 127, 129, 130, 131, 141, 144, 145, 146, 169, 198, 211  
 Мухаммед Тимур Султан 16  
 Мухаммед Шейбани-хан (Шах-Бахт) 16, 21, 30, 31, 33, 48, 112, 115, 119, 138, 139, 141, 169, 180, 190, 195, 199, 206  
 Мухаммед Юсуф Мунши 35, 138, 173  
 Мухаммед Яр Султан 13  
 Мухаммеджанов А. Р. 50, 151  
 Мухамедьяров Ш. Ф. 142  
 Мухтароф А. 204
- Набиев Р. Н. 5, 20, 78, 103, 208  
 Надим Даруга, сын Маулана Мухаммеда Али 191  
 Надир Мухаммед 56  
 Надир Мухаммед-хан 71, 199  
 Надыркулов Назар 60  
 Назар Мухаммед, сын Устода Дуста Али, устод 51  
 Наршахи см. Абу Бакр Мухаммед ибн Джафар Наршахи  
 Науруз Ахмед-хан (Барак-хан) 14, 120  
 Науруз Джибатаб, устод 117  
 Науруз Мухаммед, сын Шамухаммеда 81  
 Небольсин П. И. 88, 89, 94  
 Немцева Н. Б. 46, 69, 128  
 Низамиддин Шейхим Курчи 118, 175  
 Низамульмульк 12  
 Низомиддинов И. Г. 185  
 Нойон Кукельташ 123
- Омар Шейх-мирза 127, 130
- Пашино П. И. 47, 80, 86, 87, 100  
 Паянда Мухаммед, сын Муллы Султана Мухаммеда, устод 73  
 Петрушевский И. П. 3, 5, 8, 9, 38, 87, 90, 91, 95, 103, 180, 200, 201, 203, 204, 210, 211  
 Пещерева Е. М. 4, 5, 8, 54, 111, 145, 171, 183  
 Пигулевская Н. В. 8, 180  
 Пир Мухаммед, сын Гиясиддина 71  
 Плетнев И. Е. 137  
 Пугаченкова Г. А. 5-6, 126, 128, 133, 136
- Пулат (Фулат) Султан 128, 141  
 Пулатов Ю. 120
- Развадовский В. 95, 100  
 Рана Санг 209  
 Расулев А. 58, 171  
 Раушан Бахт, дочь устода Касима 154  
 Рахимов М. К. 137  
 Рашид ад-дин 49  
 Ремпель Л. И. 6, 136, 141  
 Риза, имам 12  
 Русак И. М. 5  
 Рыбаков Б. А. 8  
 Рюи Гонзалес де Клавихо 24, 70, 87, 91, 125, 134, 135, 145, 180
- Саввантов П. 58  
 Садиг-бек Афшар 162  
 Саид Али 211  
 Саид Бурхан-хан 119  
 Саид Захид-ходжа 204  
 Сайко З. В. 6  
 Салахетдинова М. А. 23, 130  
 Саллиха-бика 182  
 Самойлович А. 28  
 Сванидзе А. А. 151  
 Сейди Али Раис 119  
 Сейфи, историк 86, 132  
 Сейфи Кагазгар, сын Устода Карим Берди, устод 97
- Семенов А. А. 5, 35, 83-85, 90, 92, 93, 95, 97, 108, 204, 211  
 Ситняковский Н. Ф. 100  
 Сиондж-хан 139  
 Смирнов С. М. 27  
 Соадат Султан Муинадуз (скорняк), дочь Абдуллы 152
- Строгановы 199  
 Строева Л. В. 180  
 Стужина Э. П. 8  
 Субхан-Кули 55  
 Субхан-Кули Баходур-хан 72  
 Субхи, устод 55  
 Султан Али 51  
 Султан Али Мешхеда 29, 82-84, 86, 91-93, 95-97, 99, 101, 102, 107, 152, 174  
 Султан Ахмед 145  
 Султан Мурад 112  
 Султан Мухаммед 206  
 Султан Мухаммед, Шейбанид 139  
 Султан Мухаммед Кагазгар 181  
 Султан Хусейн-мирза Байкара 12, 47, 57, 112, 115, 130, 132-134, 145, 208, 209  
 Султанов Т. И. 86, 132

- Сухарева О. А. 4, 5, 8, 26, 34, 43, 46, 52, 65, 80, 110, 121, 127, 130, 157, 163, 183, 184  
 Тангри Берди 37, 55, 57, 187-189  
 Ташходшаев Ш. С. 6  
 Тимур 74  
 Тимур, эмир 25, 70, 71, 84, 114, 115, 125, 142  
 Тимуриды 10, 12, 13, 30, 31, 33, 114, 134, 165, 208  
 Трубачев О. Н. 79  
 Тулак Султан 182  
 Турсун Мухаммед, сын Курбана 51  
 Турсун, сын Устода Дуста, устод 168  
 Турсунов Н. О. 6, 61  
 Убайдулла-хан 12, 31, 33, 115, 169, 202  
 Убайдулла Ходжа Ахрар 17, 103  
 Уляницкий В. А. 72, 103, 122  
 Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани 23, 28, 33, 37, 46, 49, 78, 98, 115, 129, 132, 139, 192, 199  
 Фазыл-тархан 190  
 Файзиев Т. 42  
 Фасмер М. 79  
 Фатхулла Херави, маулана 142  
 Федор Алексеевич, царь 56, 72  
 Федор Иванович, царь 59, 65, 86, 112, 123  
 Федорович Е. Ф. 46  
 Федченко А. П. 95, 100  
 Ферсман А. Е. 91  
 Фехнер М. В. 52, 56, 58, 71, 94, 116, 124, 142, 185  
 Фирдоуси 90  
 Фрайер И. 63  
 Хабиба Султан, дочь Эмира Сухраба 57, 105  
 Хасан, сын Устода Мухаммеда Хусейна Сяббага, устод 81  
 Хафиз Абу 71  
 Хафиз Ак-Мухаммед, сын Ходжи Мухаммеда, маулана 75  
 Хафиз Гиясиддин Мухаммед 12  
 Хафиз Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари 23, 35, 92, 98, 105, 112, 116-124, 208, 212  
 Хеннинг В. Б. 58, 64, 76  
 Хинц В. 18, 50, 63  
 Ходжа Абдулхалик Гиждувани 57  
 Ходжа Абулмакарим 144, 198  
 Ходжи Ата-Кули 50, 60  
 Ходжа Баки Саррадж, сын Устода Науруза Касаба 154  
 Ходжа Берди, сын Дервиша Али 168  
 Ходжа Дуст, сын Устода Мухаммеда 168  
 Ходжа Ибрахим, балхский посол 54, 64  
 Ходжа Ибрахим Мухаммедов (Хозя Брегим Магметов) 53, 59, 65, 78, 124  
 Ходжа Ильяс Челеби 190, 213  
 Ходжа Ислам 24, 195, 196  
 Ходжа Мест Дарзи, сын Ходжа Мухаммеда Дарзи 152  
 Ходжа Мирам 14, 15  
 Ходжа Мир Дуст Кассаб, сын Ходжи Мирреки, сына Ходжи Саид Ахмеда Касаба 152  
 Ходжа Мир Мулла, сын Мир Амида 168  
 Ходжа Мухаммед 59  
 Ходжа Мухаммед Ислам Джуйбари 67—68  
 Ходжа Мухаммед Мешхеда, сын Ходжи Худайдада 181  
 Ходжа Низамиддин 210  
 Ходжа Пир, эмир 57  
 Ходжа Сайфиддин 210  
 Ходжа Самандар Термези 130, 134  
 Ходжа Са'д 24, 68, 136, 140, 169, 185, 206  
 Ходжа, сын Устода Тути, устод 168  
 Ходжа Хусейн 142  
 Ходжа Юсуф Али Сяббаг, сын Устода Садриддина Сяббага 80-81, 152  
 Хондемир см. Гиясиддин Хондемир  
 Худай Берди, сын Устода Фазыла, устод 168  
 Худай-Кули, сын Тенгри-Кули 62  
 Хусейн ибн Али ал-Ва'из ал-Кашифи 99  
 Хусейн ибн Ахмед ал-Хусейн ал-Бухари 98  
 Хусейн Мисгар, устод 172  
 Хусейн Портной 14, 170, 174  
 Хусейн Сяббаг, сын Султана Дервиша 81  
 Хусейн, сын Шаххусейна, устод 168  
 Хусейн Хорезми 18, 38, 50, 58, 129, 131  
 Хусрау-шах 208  
 Чабров Г. Н. 95  
 Чехович О. Д. 17  
 Чингизиды 181  
 Чингиз-хан 49  
 Шайдулла, усто 153  
 Шамсуддин 107  
 Шамсуддин Мухаммед 165  
 Шарден 63  
 Шахвали, эмир 132  
 Шахмаусур, эмир 112  
 Шамухаммед, сын Курбана Али 73  
 Шахмухаммед, сын Устод Рамазана 117

- Шахмухаммед Футабаф, сын Устод Яр Ку-  
ли, устод 55
- Шахрух-султан 13
- Шейбанияды 6, 9, 10, 12-14, 16, 18, 22, 31,  
33, 34, 37, 42, 43, 80, 88, 98, 113, 114,  
120, 124, 134, 138, 192, 201, 208, 219,  
211
- Шейбани-хан см. Мухаммед Шейбани-хан
- Шейхим Курчи см. Низамиддин Шейхим  
Курчи
- Шейхи Наджимиддин Кубра 53
- Шенерд Д. Г. 58, 64, 76
- Schefer Ch. 58
- Шишкин В. А. 20, 46, 202, 203
- Эвлия Челеби 122
- Эгельберг 122
- Энгельс Ф. 8, 26, 44, 45, 77, 152, 160, 163,  
176, 185, 192, 214, 216
- Эрнст Грубе 208
- Юлдашев М. Ю. 6, 56, 43, 185
- Юсуф Али, сын Султана Али, устод 168
- Юсуф Суфи 84
- Ядгар, эмир 133
- Ядгаров Кадыр Али 101
- Якубовский А. Ю. 3, 5, 31, 32, 77, 91, 139,  
164, 180, 197
- Янин В. Л. 59
- Яр Мухаммед-хан 169
- Яр Хасан Рихтагар, устод 108
- Яхши Булди 154

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-  
ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абдулла-хан банди, плотина 36  
 Абдулла-хана, медресе 136  
 Адак 204  
 Алачабафан, Дехче-и Алачабафан, Тукан-  
 чи 36, 52, 77, 196  
 Алеппо (Халев) 141  
 Амударья 103  
 Англия 34  
 Андижан 6, 12, 211  
 Андижанская область 19, 20, 67  
 Апшерон 122  
 Ардебильская, мечеть 29  
 Аркум 192  
 Астрахань 37, 50, 54, 59, 60, 125, 132  
 Афганистан 17, 78, 91, 94, 115  
 Ахсикент 211
- Бадахшан 91, 94  
 Б а з а р ы (торговые ряды), тимы: Абдулла-  
 хана 136  
 Алача 52, 75  
 Атгаран 143, 193  
 Ахангаран 194  
 Базар-и асп (От базар), конский 193-  
 195  
 Базар-и дар 140  
 Базар-и карбас 50, 75, 194  
 Базар-и чуб 140  
 Баззазан 75, 179, 193, 194  
 бани Эмир-зода Мухаммед Касима 194  
 Бур'е, циновочный 194  
 Дарваза-и ноу 81  
 Дар-и махкама-и кухня 81, 194  
 Дастгаран 193
- Заргаран 193  
 Камангаран 193  
 Кафшфурушан 131, 193, 194  
 Колчаншиков 194  
 Кулахфурушан 194  
 Лаввафан, прядильщиков 75, 193, 194  
 Масжид-и маулана Эмири 107  
 Мас'уда 194  
 Махсидузан, сапожный 194  
 Мечети войлочников 194  
 Мечети Магак 194  
 Мечети Хафиз хаджи 194  
 Мисгаран 194  
 Муллы Эмири (Мечети муллы Эмири)  
 Мургуфурушан 193  
 На'лбандан 193  
 На'лбандан-и кадим 106-107  
 Намадфурушан 193  
 Поварский 194  
 Пули сафид 145, 194  
 Рисман, веревочный 140, 193, 194  
 Сабадбафан 193  
 Санбусапазан 194  
 Саррафан 193, 194  
 Сефидфурушан 194  
 Тиргаран 193  
 Торговцев платьем 194  
 Тукумдузан 193, 194  
 Хавиджфурушан 194  
 Хаммам-и кулак 194  
 Харратан 193  
 Хнафурушан 194  
 Ходжа Мухаммед Чапа 81, 194  
 Хурдафурушан 111, 193  
 Шам'ан 193  
 Эмир-зода Мухаммеда 81

- Балх 72, 83  
 Бая хаммам-и хнафурушан 90  
 «Белые ворота» 139  
 Биби-ханым, мавзолей 49, 66, 80  
 Большая соборная, мечеть 20, 202  
 Будумсаз 31  
 Бухара 4, 6, 7, 10, 15, 16, 20, 23-25, 30, 31, 33-37, 39, 40, 42-44, 46, 49-51, 57-59, 62, 70, 72-74, 77, 78, 80, 81, 83, 86, 88, 89, 91, 94, 100, 103-106, 111, 113, 114, 117, 119, 121, 123, 124, 126, 128, 130-132, 135-137, 141, 143-145, 146-148, 150, 151, 157, 163-165, 175, 179, 185, 191, 192, 194-197, 199, 202-204, 206-208  
 Бухарский туман 13  
 Бухарское ханство 33, 43, 52, 72, 94, 103  
 Вахш 36  
 Верхотурье 53  
 Волга 59  
 Восток 32, 71, 82, 95, 96, 111, 112, 139, 162, 180, 207  
 Гаухар Шад, мечеть 122  
 Герат 14, 22, 24, 48, 54, 57, 71, 86, 103, 114, 122, 125-127, 130, 169, 195, 206  
 Германия 44, 101  
 Гиждуван 6, 82, 135  
 Гоухана 204  
 Гузары, кварталы: Адрасбафан 151  
   Арабчан 140, 151  
   Гоукушан 24, 151  
   Гурбун 100  
   Джигарпазан 151  
   Зардузан 75, 134, 151  
   Камангаран 151  
   Касагаран 24, 82, 135  
   Кафшфурушан 24  
   Кимухтгаран 142, 151  
   Куй-и тарсайан, христиан 175  
   Кулалгаран 151  
   Масджид-и Гоукушан 81  
   Масджид-и маулана Рахматуллы 81  
   Мечети Ангиштгар 151  
   Мечети Атгаран 151  
   Мечети Касабийан 151  
   Мечети Кульчапаз 151  
   Мечети Сангтарашан 139  
   Мечети Хиштин 151  
   Намадмалан 142, 151  
   Папушдузан 131, 151  
   Сангтарашан 151  
   Саррафан 34  
   Сартарашан 151  
   Тагбандбафан 130  
   Такачийан 107, 151  
   Хумданак 135, 151  
 Гур-Эмир, мавзолей 45, 141  
 Дарваза-и ноу, ворота 34  
 Дехче-и Алачабафан см. Алачабафан  
 Дешт-и Кипчак 175  
 Джизак 13  
 Джуйбар 34, 98  
 Европа 117, 125, 197  
 Зандана 58  
 Запад 71, 151, 162  
 Западная Европа 25-26, 44, 160, 172  
 Зарафшан 36, 37  
 Индия 24, 56, 72, 76, 78, 88, 94, 96, 103, 120, 128, 131, 140, 164, 169, 189, 208, 216  
 Индостан 58, 88  
 Ирак 58, 136  
 Иран 9, 38, 63, 80, 91, 103, 116, 143, 173, 182, 204  
 Исфаринский уезд 27  
 Италия 70  
 Ишрат-хана, мавзолей 19, 40, 45, 51, 57, 105, 109, 140, 141, 143  
 Кабул 206-208  
 Кагазгар 101  
 Казань 37, 49, 53, 59, 65, 88, 142, 199  
 Казанское ханство 142  
 Каракуль 21, 42, 68, 106, 195, 216  
 Караскан 204  
 Кархана, хауз 34  
 Карши 6, 30  
 Кашмир 24  
 Керман 58  
 Кеш 13, 30  
 Кизилрабад 204  
 Китай 70, 103  
 Коканд 27, 88, 100, 101  
 Комот, туман 13  
 Кят 31  
 Мавераннахр 12, 14, 47, 49, 52, 103, 115, 143, 144, 190, 195  
 Масджид-и Мукатта, мечеть 140  
 Мекка 12, 24, 87, 190, 210

- Мешхед 12  
Мир-и Араб, медресе 136, 137  
Мирх-Султан-ханум, медресе 33  
Москва 19, 56, 58, 59, 61, 72, 89, 94, 103,  
117, 124, 191  
Московское государство 19, 23, 34, 43, 47,  
50, 52, 56, 60, 67, 69, 78, 89, 94, 103,  
111, 124, 198
- Наманган 27, 87  
Нижний Новгород 59-60, 65
- Персия 70, 78  
Поволжье 91
- Рахшбад 52  
Регистан 108  
Россия 8, 23, 43, 47, 49, 50, 52, 53, 56-60, 64,  
67, 69-72, 78, 88, 94, 111, 114, 123, 124,  
139, 142, 151, 167, 188, 199, 215  
Руд-и шахр-и Бухара, туман 52  
Русь 59, 71, 91
- Самарканд 4, 6, 7, 10, 11, 16-18, 21-23, 25,  
30-33, 35-40, 42, 43, 45, 50, 51, 53-55, 57,  
58, 61-63, 66, 69-71, 73-75, 77-79, 81, 86,  
88, 91, 94-97, 99, 100, 102, 103, 106-114,  
116, 117, 120, 123, 126, 128, 129, 131-135,  
137-141, 143-145, 147, 148, 150, 157, 163-  
165, 174, 175, 179-182, 184-186, 190, 192,  
195, 197, 198, 201, 207, 208, 216
- Самаркандская область 10  
Самаркандский вилайет 17, 35  
Самаркандский округ 110, 180, 181  
Сиаб 99, 180, 181, 186, 196.  
Соғд 91  
Соғди Калан, туман 110, 181
- Средняя Азия 3, 4, 6, 8, 9, 13, 14, 16-19,  
22-27, 30, 32, 33, 41, 42, 44-47, 50-53,  
55-58, 60, 64, 67-72, 78, 85, 87-91, 93-95,  
97, 100-103, 108, 110, 114, 117, 119, 122-  
125, 130, 131, 133, 139, 144, 145, 147, 150,  
160, 163, 164, 167, 173, 175-177, 183-185,  
187, 191, 197-201, 211
- Сузангаран, ворота 107  
Сузы 91  
Сумитан 136  
Сырдарья 192
- Ташкент (Шаш) 6, 12, 89, 93, 100, 116, 117,  
171  
Ташкентская область 87  
Ташкентский вилайет 14  
Тегеран 208
- Тимы см. Базары  
Тукачи см. Алачабафан  
Турунск 53  
Туркестан 80, 100, 190, 213  
Туркестанская область 86  
Туркестанский край 86  
Туркестанское генерал-губернаторство 205  
Турция 78, 116
- Узбекистан 116, 117, 120, 137  
Улугбека, дворец, обсерватория 99, 141,  
180  
Ура-Тюбе, 6, 12, 204  
Ургенч 59, 72, 78, 207, 215
- Фарс 58  
Фергана 130  
Ферганская область 27
- Хива 87, 88, 103, 184, 205  
Хивинское ханство 78  
Хисар 54  
Ходжа Ахмеда Ясави, мечеть 105  
Ходжент 6  
Хорасан 12-14, 22, 24, 47, 105, 125, 145,  
213  
Хорезм 31, 119, 143, 207
- Чар-Бақр, мавзолей 139  
Чорку 101, 195  
Чорсу 34  
Чуйанчи (Чугувщик), местность 181, 185,  
196  
Чуйанчийан, земли 17, 110  
Чуст 27
- Шарг 88  
Шахи-Зинда, мавзолей 45, 68, 128  
Шахрисабз 6, 52  
Шахристан (г. Бухара) 141  
Шахрухия 7, 14, 132, 141, 170, 174  
Шейбани-хана, медресе 26, 33, 40, 110, 135,  
165, 180, 205  
Шейбани-хана, суфа 33, 139  
Шираз 182  
Шираз (Иран) 182  
Шир-Дор, медресе 108  
Ширэ 93
- Эмира Бурундука, мавзолей 68  
Эмир-зода Абдулла, мост 180
- Юн 64  
Ярославль 50, 60

## УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ\*

- ʼабгйнагар 148  
 абджуваз-пӀлӀ 204  
 абр 93  
 абрйшам 36  
 абрйшам-н казын 188  
 абрйшамфурӯш 186  
 ʼадад 64  
*адамашка* 71  
 адрас 151  
 ʼайтаран 41  
 айван 81, 106  
 айванча 140  
 айванча-н духтарашй 140  
 акӀбирӀн 28, 161  
 ала 52  
 алача 34, 36, 43, 51, 53, 74, 77, 78, 152, 155,  
 156, 158  
*алача исхандерани* 51  
 алачабаф 51, 52, 74, 76, 148, 179  
 алтын 59  
 алтын айӀк (айӀк) 145  
 ʼамале 138  
 ангиштгар 148  
 арба (арӀба) 140, 151  
 арӀбачй 148  
 ʼараби 131  
 арӀк 144  
 аснӀа 204  
 аснӀа-пулӀ 204  
 аснӀаф 173  
 ашашбаз 120, 150  
 афтаба (афтаба) 106, 109  
 афшангар 148
- ахангар 106, 148  
 ʼахӀр 93  
 ахар-н мухра 93  
 ахл-н тиша 105  
 ашрафӀ 126, 207  
 айанда ва равӀнда 213
- бадж 190, 210-214  
 базз, буз 28, 46, 47, 66, 79  
 баазӀа 75, 171, 179  
 баӀам 87, 89, 187  
 балада 50  
 балӀа-хӀана 141, 178  
 балх 50  
*балыш* 49  
 бастар-н катӀн 57  
 бафанда 74, 148  
 бахмал см. махмал  
 бахмалбаф 74, 148  
 бахсумгар 148  
 бехледӀз 148  
*бий* 72  
 билфурӯш 104  
 биргу 207  
 бирунн шахр 34  
 ʼбосат 145  
 буз см. базз  
 бузагар 149  
 бузгун, бузгундж, бузгунч, буджгундж 28,  
 65, 87—90  
 булгарӀ 37  
 бургучй 149  
*бурмет* 57

\* Слова, встречающиеся в текстах на русском языке или перешедшие в русский язык, переданы курсивом.

бухара юртуци 199

вакф 16, 19, 29, 31, 40, 51, 57, 58, 81, 99,  
100, 129, 165, 166, 174, 180, 181, 183, 186,  
193, 205

вакфный, -ая, -ое, -ые 16—19, 38, 40, 50,  
51, 57, 58, 61, 102, 105, 109, 110, 129, 131,  
138, 142, 144, 146, 164, 165, 174, 180, 181,  
186, 193, 200, 205

васйқа 182

ваха 90

вилает (вилайат) 17, 68, 174

гадай 216

гаджпаз 149

газ 50, 51, 63, 64, 74, 166, 178

газ-и мухассар 51, 63, 64, 74, 166, 178

гаукуш 149

герех 63, 74

гилкәр 149

гирейская 71

г'иба-пули 19, 204, 215

гузар 24, 100, 135

гушткаш 149

дакале 128

дарбаст 12, 118, 175

дарэй 132, 149

даруга 118, 138, 175

дарулагй 190, 210, 212, 213

дар'ун шахр 34

дару-хана 121, 123

дасгар 149

дастәр 131

дастәрхан-и (дастәрхан-и) катан 57

девана (дйвана) 186

дербенд джйбасй 117

дервиш 129

дехйан 40

джадвалкаш 85, 143, 149

джама, «яма» 47, 50, 126

джамабаф 74, 75, 149

джама-и катан 57, 126

джама'ат 137, 173

джамадуз 132, 149

джамафуруш 185

джаррах 149

джушан 116

джйба 116, 119

джйбатаб 117, 149

джнгарлаз 149

джуваз-и кагаз 184

джуваз-хана 204

джуйак 188

дйварзан 149

дйг 105

динар 63, 64, 111, 114, 126, 142, 154, 157

динар кепекский (кебекский) 24, 206

дубандй 61

дукаан 16, 75, 76, 81, 82, 105—108, 111,

123, 132, 143, 144, 164—166, 178—181,

184, 185, 193—195

дукан-и рангрэй 80

дукан-и саббагй 80

дукан-хана 82

дуктараш 140, 149

дунймбандй 47, 60 61

дунймсйр 104

дурудгар 149

душаб 144, 146

дюменди 60, 61

загарпаз 149

зак, зак, 28, 87, 91, 92

зак-и турк 92

закят (закат) 189, 190, 210, 212—214

занбурак 122

занданечи, занданйджи 49, 58, 64

зар' 18, 50, 58, 129

зарбаф 149

зарбафт, «зарбаф» 49, 72

зарбузан 122

заргар 111, 149

зардуз 149

зар'-и карбас 18, 50, 74

заркаш 149

заркуб 85, 143, 149

зарчуба (зардчуба) 86, 87

зачава 90

за'фаран 83, 87, 90, 92

зендень 58—61, 70

зендени бурмети 60

зендени дюменди 60, 65

зендени обьяринные 59, 60, 65

зендени семенди 60, 65

зендени чары 59, 60

зендени царовые 60

зендени червленые 79

зендени червочатые 60

зендени черленые 59, 60

зира' ал-кирбас 18

иджара 181

йлчй 212

имам 12

иншā' 118

ислам 145

испарак 87, 88

- ифакчй 186  
 ихраджат 171, 212  
 ишхар (ишқар) 92  
 йатим 41  
 йабис 14
- кабо (каба) 126, 127  
 кагазгар 97, 99, 101, 102, 149, 183  
 кайгаз-и абрий 97  
 кайгаз-и абришами 97  
 кайгазфуруш 102, 186  
 казий (қазй) 10—12, 102, 133, 153, 167, 168, 182  
 казийские 11, 43, 55, 65, 73, 81, 135, 154, 155, 163, 166, 197  
 казинна, казин 188  
 қазй-хана 38, 63, 154, 157, 163, 167  
 калантар 170  
 қалинбаф 149  
 каллапаз 149  
 қалыб 28, 65, 105, 140  
 қалям 95, 102, 107  
 камангар 149, 175  
 каман-и тиллакарий 116  
 камарбанд 130  
 камар-баста 54  
 камка }  
 камокан } см. камҳа  
 камочка }  
 камҳа, камҳаб 24, 69, 70—72, 78, 106  
 қандил 106  
 қара баҳам 89  
 қара бӯҳ 92  
 караван-сарай 24, 31—34, 38, 122, 136, 215  
 каразей 202  
 карбас 18, 28, 46—50, 66, 75, 88, 126, 186, 194, 199  
 карбасный зар' 18, 50, 51, 58, 74, 129  
 карбасфурушан 49  
 каргар 164  
 кард 123  
 кардаран 138  
 кардгар 107, 149  
 кард-и фарангӣ 114  
 каризгар 149  
 карнисси 46  
 карҳина 101, 179—185  
 каси 82, 89, 135  
 касба 173  
 касагар 135, 149, 186  
 касатараш 135, 149, 186  
 касафуруш 186  
 қассаб 149  
 катан 49, 51, 57, 126
- катан-и гуджератӣ 76  
 қатар 198  
 катиб 85, 143, 149  
 кафтаи (хафтаи) 54, 56  
 кафш 129, 131, 155, 185, 194  
 кафшдӯз 149, 185  
 кафшфуруш 185  
 каххал 149  
 кашиназ 149  
 кашйтараш 149  
 қермез, қермезӣ, қирмиз 41, 69, 70, 87, 96, 91
- кетмень (кйтман) 17, 29, 104, 105, 196  
 кештйбани 190, 209, 210, 213  
 қизил айақ 41  
 қизил баҳам 89  
 кизилбашикий 59, 71, 72  
 қилйч 123  
 кимухт 106, 142  
 кинмухтгар 43, 149  
 киндяк 53  
 кирбис см. карбас  
 кйсадуз 149  
 китаб-хана 85  
 косяк 53  
 қишиқ 18  
 кудангкуби 68  
 кудунг 28  
 қудур 105  
 кульча 151, 194  
 кульчапаз 149  
 кумыс (қиймиз) 144  
 курте 128  
 қурҳана 118  
 қурчй 118, 150  
 кутвал 138  
 қушчй 212
- лавак 28  
 лавлаф 149  
 ладжамдуз 142, 149  
 ладжвардшуй 85, 91, 143, 149  
 ла'л 112, 118, 132  
 лангард 106
- мағроматы 73  
 маджлис 142, 159, 161  
 мактаб-хана 186  
 малля, мелля, мель 62, 65  
 малмаль 62  
 малмал-и шбахӣ 62, 76  
 мангал (манқал) 19, 106, 109, 196  
 мангал-и Фухарӣ 109  
 манджанйқ 122

мандиль 24, 140  
мандил-и сунаркай 76  
манн 18, 37, 104, 106, 110, 122, 125, 126, 168,  
182, 184, 187, 188  
маншур 12, 14, 213  
мардикар 138, 206  
мата 29, 151  
маҳмал 69  
маҳмал-и қермезй 69  
машраба 106  
медресе 16, 26, 33, 40, 99, 108, 110, 131,  
135—137, 142, 144, 146, 165, 180, 183, 205  
мехтер 33, 170  
мечеть 20, 29, 33, 34, 105, 122, 135, 136, 139,  
140, 151, 185, 194, 202, 205  
миқразгар 107, 149  
мильк-и хурр-и халис 204  
мйр-ибраҳимй 97  
мйршаб 12  
мисгар 149  
миққаль 63, 112, 125, 126, 133  
мискин 41, 169  
миткаль 53, 61, 65, 67  
миҳчагар 106, 149  
мйши 86  
ми'мар 149  
муджаллид 149  
муза 131  
музадз 149  
музара'а 181  
музапардаз 149  
муздур 164  
музахиб 85, 143, 149  
муйнадуз 132, 149  
муқаввасаз 143, 149  
муқата'а 181  
м'лла 168  
мусаллас 144  
мускир 144  
мутаваллий 40, 58, 99, 102, 129, 142, 165, 186,  
211  
муттака 53  
муҳандис 149  
мухракаш 99, 101, 149  
мухтариф 148  
муҳтасиб 12, 146, 171, 206  
наддйф 149  
наджжар 140, 149  
назир 170, 171  
найна 123  
наила 106  
наққаш 85, 149  
намадмал 36, 149

намакдан 18  
нассядж 149, 158  
наста'лик 26, 29  
на'лбанд 106, 149  
нил 87, 88, 89, 94  
нйлфуруш 88, 94  
нймча 104  
нймче 128  
нишан 11—14, 36, 42, 75, 80, 105, 138, 171,  
173, 175, 177, 190, 203, 205, 210—212  
наввай 149  
нукер 90, 210  
оубаш 41  
ошпаз 144, 149  
падишах-и мйршаб 12  
паи-бирик 51  
пап'ш 131  
пап'шдуз 149  
парадуз 131, 149  
пардазгар 62, 149  
патила 105  
пилла 19, 67, 68, 204  
пиллакаш 186  
пичақ 123  
пичақчй 107, 149  
пйшавар 148  
пйшкаш 210—214  
пул 126  
пурбанд 61, 63—66, 166  
пуст-и буз 86  
пустйндуз 132, 149, 185  
пустйнфуруш 185  
ра'ййа, раййат 41, 207, 211  
рабат 136  
рағ 90  
ра'д 122  
рангйнфуруш 94  
рангрез 80, 149  
раўгангар 149  
раушангар 149  
рахдйр 213  
рахдарй 190, 209—211, 213  
рисала 25—28, 46, 48, 49, 53, 57, 65, 66, 75,  
79, 80, 82, 87, 89, 92, 93, 99, 101—102,  
128, 157, 159, 160, 161  
рйхтагар 108, 121, 149  
ронуд 41  
руййан (руйна, руййис) 28, 87, 88  
саадак, садағ 115, 116  
саббағ 80, 149  
сават (саут) 116, 117

сағір 156  
сағрпчй 149  
садр 76  
сайбадат маб 168  
сақарлат 57, 73, 127  
сақарлатмал 73, 149  
саламанна 210, 212, 213  
саламай 210, 212  
самарқандй 99  
самса 135  
санбусалаз 149  
сангтараш 149  
сан'ат-и футадарй 155  
сан'атсвз 148  
сапон 90  
сардоба 136  
сартараш 150  
сарупо 127  
саррадж 149  
сарраф 149  
саутат 210, 212, 213  
сафйдар 179  
сахиб 170  
саххйф 149  
себандй 60, 61  
себандй алван 61  
семенди 59, 60, 61  
сенд (сайид) 19, 67, 204  
сим 111, 179  
симкаш 149  
сйр 84, 104, 106  
сузангар 107, 149, 185  
сузанфуруш 186  
суқ 16, 192  
сүкнийят 81, 166, 182  
сүнгү 123  
суфа 33, 111, 139, 141  
сүхангар 107, 149  
сүюргал 200

таббах 149  
табийб 149  
таваджй 212  
таваджихат 171  
тавар 69  
тагбанд 130  
тагбандбйф 149  
тагджй (тагиджай), «тек-джай» 205  
тақаббул 202  
тақачй 106, 107, 149  
такийадуз 132, 149  
тамассук 64, 75, 190  
тамга, тамга 190, 207—214  
танап 68

танга 54, 55, 63, 110, 125, 126, 127, 133,  
166—168, 174, 182, 184, 187, 188, 201—  
203, 207  
танга-и бухарй 207  
танга-и ханй, ханская 81, 114, 126, 133, 181,  
184, 187  
тангача 24, 206  
тандыр (танур) 135, 195  
таразудар 150  
тарих 139  
таркашдуз 150  
таррах 150  
тархан 190  
тарханный 189, 200, 210, 212—214  
тас'йр 203  
тауфйр 202, 203  
тафавут 202  
тафта 18, 50, 57, 58, 70, 129  
тахт 139  
тахтадан 179  
тахуна 184  
тахш 115  
тахшандазан 115  
таш уйи 121  
ташдид 14  
тезик 59  
тек-джай см. тагджй  
тйг 123  
тигйрман 204  
тизакчи 150  
тйм 16, 81, 136, 192—194  
тимча 16  
тйргар 150, 175  
тйша 104, 105, 106, 137, 140, 173, 196  
тоқ 192  
туджар 189, 214  
түзпүш 175  
туқумдуз 150  
туман 36, 52, 110  
тун 127  
түсқаул 211  
туфакандаз 115, 120, 150

убрус 56  
уд-сүз 106  
улаг 190, 210, 212  
усто, устод (устад) 148, 153, 168  
усьма (усма) 87  
утукчй 150

факйр 41, 169  
фараджй 127  
фарангй 117, 120, 122  
фарраш 12, 150

- фарси 14  
 фата см. фута  
 фирман 20, 202, 203  
 фуқара 41, 174  
 фута (*фата*) 24, 39, 53—57, 74, 128, 130, 131, 140, 155, 158, 185, 199  
 футабаф 74, 150, 155, 185  
 футадаф 55, 155, 158  
 фута джамрутинская 55  
 фута-и бенарисӣ 54  
 фута-и гилим 56  
 фута-и набафта 55, 187  
 фута-и талвалӣ 55, 187  
 фута танасарийская 55  
 футафуруш 185  
  
 хаббаз 150  
 хаддад 150  
 хайат 150  
 хаймадуз 150  
 хақин 139  
 хаким 102, 182  
 хаққ-и китабат 205  
 халва 144  
 халвагар 144, 150  
 халкар 85, 143, 150  
 халиф 55  
 халат 126  
 хаммал 150, 188  
 ханафо (ханафалар) 33, 129, 136, 205, 206  
 харвар 103, 199  
 харгахтараш 140, 150  
 хардж 190, 210, 212, 213  
 хардж-у ихраджат 210, 212, 213  
 харрат 150  
 хаттат 140, 150  
 хауз 34  
 хауз-и кархона 185  
 хаули 151, 182, 184  
 хафтён 128  
 хидматана 190, 210, 212, 213  
  
 хиштмал 150  
 хиштпаз 150  
 хна' (хенна) 83, 87, 90, 92, 94, 194  
 хнафурушён 90, 94  
 ходжа (хаджа) 15, 140, 210, 213  
 хосса 62, 78  
 хосса-и сунаркәмӣ 76  
 худжра 81, 123, 136  
 хуланчи 106, 109  
 хум 135, 183  
 хунарманд 148  
  
 хушнавис 150  
  
 чағир 144, 145  
 чадра 57  
 чалма 48, 54, 56, 58, 128, 129, 131, 134  
 чарбоғ (чарбағ) 34, 136, 138  
 чармгар 43, 150  
 чархкарн 43, 126, 172  
 чаҳаргулбаф 74, 150, 158  
 чекмень 54, 127, 128  
 чилангар 107, 150  
 чинӣ қадах 145  
 чинӣ қаса 26  
 чйт 26—28, 50, 62—67, 74, 78, 79, 195, 199  
 чйт бйкчи 63, 64, 66  
 чйт шахри 64, 66, 79  
 чйтгар 25—28, 33, 46, 48, 54, 62, 63, 66, 74, 75, 79, 80, 87, 89, 92, 93, 128, 150, 159, 160, 187, 193, 205  
 чйтгарлик 26  
 чйтгар-хана 67, 82  
 чуб-и бакам 37, 39, 89  
 чубтар 62, 78  
 чубтар-и хайрабади 76  
 чуйанчи 110, 150  
 чухра-аксӣ 72  
  
 шағирд 11, 51, 100, 153, 155—157, 161  
 шағирди 26  
 шамсаз 150  
 шамшир 123  
 шамширгар 150, 175  
 шанатараш 140, 150  
 шараб 144, 146  
 шараб-хана 145  
 шарият 111, 154, 164, 167  
 шастгар 150  
 шахйбаф 74  
 шахрухи 206  
 шейх 15, 16, 24, 38, 39, 51, 52, 81, 82, 98, 104, 136, 140, 165, 191, 197, 198, 206  
 шейхулислам (шейх ал-ислам) 144, 165, 198  
 шербетдар 150  
 шишак 141  
 шйше 141  
  
 эзар 128  
 эмир эмиров 21, 38, 168  
  
 юргенцы 59  
  
 яма см. джама  
 ярлык 11, 19, 20, 24, 59, 60, 71, 72, 78, 204  
 яҳнипаз 150

- زاج 92  
 زیه 91  
 سرکار سنگین 181  
 شاه کاسه 108  
 شیشه 22  
 صوتار 62  
 صوف 133  
 طاقیه کار 54  
 طبق 108  
 فغفوری 22  
 کرفته کار 54  
 کفیل بالمال 169  
 کفیل بالنفس 191  
 گرد روی مروارید 133  
 گندم خشک آبی 168  
 لیگرد 108  
 نفت یاغی 122  
 آنش کاری 111  
 اتو 105  
 اجناس 170  
 آس 129  
 آفیشه 170  
 الوان 60  
 آهن کشی 111  
 یاریک کشی 111  
 بلغار از هر رنگ 37  
 بوکالت مطلقه عامه 75  
 ترکنی رنگ 79  
 توپ 65  
 جامه کار 54  
 جماعت 118  
 جوشنهای فرنگی 23  
 چینی 22  
 دکان اوتوکشی 105  
 رخوت 170

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|   |     |
|---|-----|
| Введение . . . . .  | 3   |
| Источники . . . . .   | 9   |
| Самарканд и Бухара в XVI веке (краткий обзор) . . . . .                         | 30  |
| Глава I. Отрасли ремесла . . . . .  | 45  |
| Ткацкое дело . . . . .  | —   |
| Красители, красильное дело . . . . .  | 79  |
| Производство бумаги . . . . .   | 95  |
| Производство металлических изделий . . . . .                                    | 104 |
| Одежда и ее детали . . . . .  | 126 |
| Другие отрасли ремесла . . . . .  | 135 |
| Глава II. Социально-экономическое положение ремесленников . . . . .             | 148 |
| Глава III. Ремесленные мастерские. Сбыт продукции городского ремесла. . . . .   | 178 |
| Глава IV. Податные сборы с ремесла и торговли. Социальные противоречия. . . . . | 200 |
| Сокращения . . . . .  | 217 |
| Указатель имен . . . . .  | 218 |
| Указатель географических и историко-топографических названий . . . . .          | 224 |
| Указатель терминов и непереведенных слов . . . . .                              | 227 |

Розия Галиевна Мукминова

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕМЕСЛА В САМАРКАНДЕ  
И БУХАРЕ В XVI ВЕКЕ

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории,  
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор Т. И. Яцуренко  
Художник Р. В. Левницкий  
Художественный редактор В. С. Тий  
Технический редактор В. М. Тарахович  
Корректор О. Ш. Талибов

P08340. Сдано в набор 6/IV-76 г. Подписано к печати 17 V-76 г. Формат  
70x90<sup>1/4</sup>. Бум. л. 7,375. Печ. л. 17,3. Уч.-изд. л. 16,0. Изд. № 1762. Тираж 1000.  
Цена 2 р. 7 к. Бум. типогр. № 1.

Типография издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, пр. Горького, 79. Заказ 100.  
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

**Мукишова Розия Галиевна.**  
Очерки по истории ремесла в Самарканде  
и Бухаре, XVI в. [отв. ред. акад. АН УзССР  
Я. Г. Гулямов]. Т., «Фан», 1976.  
236 с. с ил.

9 (С52)